

Т.В. Трубникова

**ПРАВО НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО: ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Учебное пособие

Т.В. Трубникова

**ПРАВО НА СПРАВЕДЛИВОЕ
СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО:
ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Т.В. Грубникова

**ПРАВО НА СПРАВЕДЛИВОЕ
СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО:
ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Учебное пособие

Издательство Томского университета
2011

УДК 343.95
ББК 628
Т 77

Рецензенты:

А.А. Тарасов, д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета, советник Уполномоченного по правам человека в Самарской области,
А.А. Кайгородов, председатель Томского областного суда,
О.И. Андреева, д-р юрид. наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Томского государственного университета

Трубникова Т.В.

Т 77 Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского Суда по правам человека и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации: Учеб. пособие. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. – 296 с.

ISBN 978-5-7511-1995-9

Рассмотрены основные прецеденты Европейского Суда по правам человека по жалобам на нарушение Российской Федерацией и другими государствами права на справедливое судебное разбирательство, определены субъекты, имеющие право на справедливое судебное разбирательство, осуществляемое посредством уголовного судопроизводства, раскрыты содержание и допустимые ограничения права на доступ к правосудию, требования, которым должен соответствовать суд, иные необходимые элементы справедливого судебного разбирательства, значение устойчивости и исполнимости судебного решения для реализации права на справедливое судебное разбирательство, а также показаны особенности права обвиняемого на справедливое судебное разбирательство.

Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических высших учебных заведений, судей, прокуроров, следователей, адвокатов, а также всех интересующихся проблемами защиты прав человека в уголовном судопроизводстве.

УДК 343.95
ББК 628

Подготовлено при финансовой поддержке РГНФ,
проект № 07-03-00132а

ISBN 978-5-7511-1995-9

© Т.В. Трубникова, 2011

ВВЕДЕНИЕ

Конвенция о защите прав человека и основных свобод вступила в силу 3 сентября 1953 г. Российская Федерация ратифицировала данную Конвенцию Федеральным законом «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» от 30.03.1998 г.

Ратифицировав Европейскую конвенцию, Российская Федерация обязалась тем самым обеспечить каждому, находящемуся под ее юрисдикцией, права и свободы, определенные в разд. I этой Конвенции, в том числе и право, предусмотренное ст. 6 Конвенции – право на справедливое судебное разбирательство.

Европейская конвенция отличается от других международно-правовых документов тем, что она не только провозгласила основополагающие права человека, но и создала особый механизм их защиты. Этот механизм включает Европейский Суд по правам человека и Комитет министров Совета Европы, надзирающий за исполнением государствами – участниками Конвенции постановлений Европейского Суда по правам человека. При этом Европейский Суд по правам человека является органом, официально уполномоченным на толкование положений Конвенции. Положения Конвенции носят общий характер и не могут быть истолкованы вне практики Европейского Суда по правам человека, без учета правовых позиций, сформулированных Европейским Судом в ранее вынесенных решениях по сходным делам.

Ратифицировав Конвенцию, Российская Федерация признала (см. ст. 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней») *ipso facto* (т.е. в силу самого факта, автоматически) и без специального соглашения юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней. Это означает, что Российская Федерация обязалась не только исполнять конкретные решения Европейского Суда по правам человека, но и, в первую очередь, обеспечивать соблюдение на территории РФ прав человека, закрепленных в Конвенции, в том их толковании, которое дается в решениях Европейского Суда по правам человека.

Однако иногда правовые позиции Европейского Суда очень существенно не совпадают с тем восприятием прав, закрепленных в Конвенции, которое характерно для национального законодательства и практики его применения в каждом отдельном государстве, ратифицировавшем Конвенцию (в том числе и в России). Например, в своем Постановлении по делу «Нимитц против Германии» Европейский Суд распространил правовой режим, характерный для «жилища», на адвокатский офис, что непривычно для российской доктрины.

Поэтому для того чтобы обеспечить реализацию в Российской Федерации прав, закрепленных в Конвенции вообще, и права на справедливое судебное разбирательство в частности, прежде всего необходимо уяснить содержание правовых позиций Европейского Суда по вопросу содержания соответствующих прав, возможностей их ограничения и пределов их реализации. Эти правовые позиции в дальнейшем должны быть сопоставлены с российским законодательством и правоприменительной практикой с тем, чтобы уяснить пробелы, противоречия, «слабые места» отечественного законодательства и практики его применения с точки зрения соблюдения прав, предусмотренных Европейской конвенцией, потому что только на этой основе могут быть предприняты эффективные меры для их совершенствования.

Правовые позиции Европейского Суда по правам человека должны быть хорошо известны и правоприменителю, поскольку в соответствии со ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы.

Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Поскольку положения Европейской конвенции должны применяться в том их толковании, которое дает Европейский Суд по правам человека, то правовые позиции, сформулированные Европейским Судом, должны иметь для правоприменителя приоритет перед положениями нашего внутреннего (в том числе уголовно-процессуального) законодательства.

Кроме того, поскольку назначение созданного в соответствии с Конвенцией Суда состоит не в том, чтобы разрешать все конкретные споры по поводу предполагаемого нарушения прав человека, которые могут возникнуть на территории всех государств, ратифицировавших ее, постольку обращение в Европейский Суд по правам человека представляет собой не основной, а субсидиарный способ защиты права, закрепленного в Конвенции. Европейский Суд по правам человека уполномочен рассматривать жалобы граждан государств, ратифицировавших данную Конвенцию, на нарушение их прав, предусмотренных такой конвенцией, только после того, как ими будут исчерпаны все эффективные внутригосударственные способы такой защиты. Поэтому жалоба на нарушение прав, закрепленных в Конвенции, будет принята Европейским Судом, только если заявителем будет доказано, что прежде он пытался отстоять данное право во внутригосударственных разбирательствах, причем основывался он именно на тех аргументах, которыми оперирует и в своей жалобе в Европейский Суд по правам человека.

Соответственно, незнание или непринятие во внимание адвокатом правовых позиций, сформулированных Европейским Судом в своих решениях, может привести к тому, что в дальнейшем, когда эффективные средства внутригосударственной защиты будут исчерпаны, право на обращение с жалобой в Европейский Суд по правам человека будет невозможно реализовать. Поэтому, отстаивая дело заявителя в национальном суде, его представитель (адвокат) должен опираться на правовые позиции Европейского Суда по правам человека, раскрывать в своих ходатайствах и жалобах те существенные доводы, которые позже (возможно) могут стать предметом рассмотрения в Европейском Суде.

Одним из прав человека, предусмотренных и гарантированных Европейской конвенцией, является право на справедливое судебное

разбирательство. Это право занимает особенное место, поскольку гарантирует реализацию всех других прав, закрепленных в Конвенции.

Содержание этого права, его соотношение с российским уголовно-процессуальным законодательством и практикой его применения и стало предметом настоящей работы. В ней рассмотрены основные прецеденты Европейского Суда по правам человека по жалобам на нарушение Российской Федерацией и другими государствами права на справедливое судебное разбирательство. Эти прецеденты проанализированы, обобщены и на этой основе сделана попытка максимально четко сформулировать правовые позиции Европейского Суда по правам человека относительно содержания форм и пределов реализации данного права: определены субъекты, имеющие право на справедливое судебное разбирательство, осуществляемое посредством уголовного судопроизводства, раскрыты содержание и допустимые ограничения права на доступ к правосудию, требования, которым должен соответствовать суд, иные необходимые элементы справедливого судебного разбирательства, значение устойчивости и исполнимости судебного решения для реализации права на справедливое судебное разбирательство, а также показаны особенности права обвиняемого на справедливое судебное разбирательство.

При этом автором в работе особо обращается внимание на ситуации, когда такие правовые позиции расходятся с российским уголовно-процессуальным законодательством или распространенной практикой его применения либо с его толкованием Конституционным Судом РФ (с точки зрения соответствия его Конституции РФ).

Глава 1. Содержание права на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского Суда по правам человека и их отражение в актах Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации

1.1. Обязательства Российской Федерации по обеспечению права на справедливое судебное разбирательство

Конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее – Европейская конвенция или Конвенция) вступила в силу 3 сентября 1953 г.

Отличие ее от других международно-правовых документов состоит в том, что она не только провозгласила основополагающие права человека, но и создала особый механизм их защиты. Этот механизм включает Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ или Суд) и Комитет министров Совета Европы, надзирающий за исполнением государствами – участниками Конвенции решений ЕСПЧ.

Европейский Суд по правам человека уполномочен рассматривать жалобы граждан государств, ратифицировавших данную Конвенцию, на нарушение их прав, предусмотренных такой конвенцией, после того, как ими исчерпаны все эффективные внутригосударственные способы такой защиты. Европейский Суд по правам человека при этом принимает решения, имеющие обязательную силу для соответствующих государств, и дает официальное толкование норм Европейской конвенции, которое в дальнейшем имеет силу для всех государств, ратифицировавших данную Конвенцию.

В соответствии со ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Российская Федерация вошла в Совет Европы 28.02.1996 г. и ратифицировала Европейскую конвенцию Федеральным законом «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» от 30.03.1998 г. Ратификационная грамота была передана Генеральному секретарю Совета Европы 05.05.1998 г. Последняя дата имеет важное значение для решения о приемлемости обращений граждан РФ в Европейский Суд по правам человека (обращения должны касаться нарушений прав, допущенных РФ после 05.05.1998 г.).

Особенное внимание следует обратить на два взаимосвязанных обстоятельства:

1) В соответствии со ст. 1 Конвенции государства-участники обязываются обеспечить каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в разд. I Конвенции. Это означает, что права, закрепленные в Конвенции (применительно к лицам, находящимся под юрисдикцией РФ), должны, прежде всего, обеспечиваться властями Российской Федерации (а не Европейским Судом по правам человека). Главная идея международного права защиты прав человека состоит в том, чтобы «принести права человека домой»¹. В первую очередь именно «дома», т.е. в Российской Федерации, должны соблюдаться закрепленные в Конвенции права граждан, находящихся под юрисдикцией РФ. Соответственно, назначение созданного в соответствии с Конвенцией Суда не в том, чтобы разрешать все конкретные споры по поводу предполагаемого нарушения прав человека, которые могут возникнуть на территории всех государств, ратифицировавших ее. Обращение в Европейский Суд по правам человека представляет собой не основную, а субсидиарный способ защиты права, закрепленного в Конвенции.

2) Ратифицировав Конвенцию, Российская Федерация признала (см. ст. 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней») **ipso facto** (т.е. в силу самого факта, автоматически) и без специального соглашения юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и

---

¹ См.: Бурков А.Л. Применение Европейской конвенции по правам человека в судах России, или Конвенция для внутреннего применения. Лекция. URL: http://sutyajnik.ru/rus/actions/marthur04/dom_impl/ (дата обращения: 01.12.2010).

Протоколов к ней. Это опять-таки означает, что Российская Федерация обязалась не только исполнять конкретные решения Европейского Суда по правам человека, но и, в первую очередь, обеспечивать соблюдение на территории РФ прав человека, закрепленных в Конвенции, в том их толковании, которое дается в решениях Европейского Суда по правам человека.

Таким образом:

1) Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод является составной частью законодательства РФ;

2) в случае противоречия норм, содержащихся в Конвенции, нормам, установленным во внутреннем законодательстве РФ, подлежат применению нормы Конвенции;

3) нормы Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод подлежат применению на территории РФ в том их значении, которое придают им решения Европейского Суда по правам человека. При этом Европейский Суд по правам человека не создает новых правовых норм, а дает официальное толкование норм Конвенции, обязательное к применению всеми государствами, ратифицировавшими Конвенцию.

Одним из прав человека, предусмотренных и гарантированных Европейской конвенцией, является право на справедливое судебное разбирательство.

Конституция РФ содержит близкое по содержанию право – право каждого на судебную защиту (ст. 46 Конституции), а также право потерпевшего на доступ к правосудию и на компенсацию причиненного ущерба (ст. 52 Конституции). В силу верховенства норм международного права конституционное право каждого на судебную защиту должно интерпретироваться и применяться в РФ таким образом, чтобы, как минимум, гарантировать соблюдение права на справедливое судебное разбирательство, закрепленного в Конвенции в том его понимании, которое дается Европейским Судом по правам человека. В том числе данное право должно беспрепятственно реализовываться и в уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

1.2. Содержание права на справедливое судебное разбирательство в трактовке Европейского Суда по правам человека

Статья 6 Европейской конвенции «Право на справедливое судебное разбирательство» гласит:

1. Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или – в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо, – при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия.

2. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком.

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

а) быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения;

б) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты;

с) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия;

д) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него;

е) пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке.

Прежде чем рассматривать конкретные вопросы, касающиеся толкования Европейским Судом по правам человека отдельных аспектов этого права, необходимо сформулировать основные черты подхода ЕСПЧ к трактовке права на справедливое судебное разбирательство.

1. Европейским Судом по правам человека право на справедливое судебное разбирательство понимается исключительно как право на должную (справедливую) правовую процедуру, но не как право на получение благоприятного судебного решения. Это не означает формального характера судебной процедуры. Право на справедливое судебное разбирательство предназначено для обеспечения возможности реализации конкретных прав и законных интересов, суд в ходе осуществления правосудия должен стремиться к установлению истины. Однако при этом обеспечение справедливого характера судебной процедуры имеет самостоятельную ценность. Ценность процедурных и организационных правил, включаемых в содержание права на справедливое судебное разбирательство, состоит в том, что они в своей совокупности регламентируют такую процедуру, реализация (строгое соблюдение) которой позволяет обеспечить установление истины, принятие правосудного судебного решения в подавляющем большинстве случаев, а также добиваться исправления ошибки, если она и была допущена в ходе судебного разбирательства.

Как результат, Европейский Суд не относит к числу приемлемых жалобы на то, что суды того или иного государства неверно истолковали и применили положения закона и/или ошибочно оценили доказательства по делу. Например, в Постановлении по делу «Марченко против Российской Федерации», отвечая на жалобу заявителя по поводу неправильного применения закона и ошибочной оценки доказательств по делу судами РФ, ЕСПЧ указал: «Европейский Суд напоминает, что он не является вышестоящей инстанцией в отношении национальных судов и что по общему правилу именно национальные суды должны заниматься оценкой представленных доказательств. Задача Европейского Суда в соответствии с Конвенцией состоит в том, чтобы установить, было ли судебное разбирательство в целом справедливым... Принимая во внимание имеющиеся в его

распоряжении материалы дела, представленные заявителем, Европейский Суд отмечает, что в рамках судебного разбирательства по гражданскому делу заявитель имел возможность представлять необходимые доводы в защиту своих интересов, а суды Российской Федерации должным образом рассматривали их. Требования заявителя рассматривались судами двух инстанций и были отклонены как необоснованные. Решения судов Российской Федерации не содержат признаков того, что они являются необоснованными и произвольными»¹. На основании этого жалоба заявителя была отклонена как явно необоснованная.

2. Европейский Суд по правам человека регулярно подчеркивает необходимость обеспечения не иллюзорных, а реальных прав, в том числе и применительно к праву на справедливое судебное разбирательство. Соответственно, им исследуются не теоретически существовавшие возможности или общие правила, а то, как они преломились в конкретной ситуации, по делу конкретного заявителя, с точки зрения того, имел ли он в сложившейся ситуации реальную возможность на обеспечение справедливого судебного разбирательства и носило ли конкретное судебное разбирательство справедливый характер.

3. Европейский Суд неоднократно подчеркивал особую важность и значимость права на справедливое судебное разбирательство и указывал, что «право на справедливое разбирательство дела судом, гарантированное пунктом 1 статьи 6 Конвенции, подлежит толкованию с точки зрения преамбулы Конвенции, которая в соответствующей части провозглашает верховенство права в качестве части общего наследия государств-участников»², связывая тем самым его с необходимостью обеспечения верховенства права.

Кроме того, по мнению ЕСПЧ, «в демократическом обществе, по смыслу Конвенции, право на справедливое судебное отправление правосудия занимает столь видное место, что ограничительное толкование п. 1 ст. 6 не соответствовало бы цели и объекту этой нор-

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Марченко против Российской Федерации» от 5 октября 2006 г. (жалоба № 29510/04), п. 43. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Пшеничный (Pshenichnyu) против Российской Федерации» от 14 февраля 2008 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

мы»¹. Это право не может быть принесено в жертву из соображений удобства, и оно подлежит применению по всем уголовным делам, как очевидным, так и самым сложным, без каких бы то ни было изъятий (в том числе и по делам в отношении организованной преступности)².

4. Нетрудно заметить, что в рамках единого права на справедливое судебное разбирательство можно выделить целый ряд признаков (например, независимость и беспристрастность суда, публичный характер разбирательства, его разумный срок и т.д.). Еще больший набор признаков содержится в п. 2 и 3 ст. 6 Конвенции. С учетом этого возможно было бы формирование двух различных подходов со стороны Европейского Суда по правам человека: либо раздельное рассмотрение вопросов о наличии/отсутствии в конкретной ситуации отдельных признаков справедливости судебного разбирательства, либо рассмотрение вопроса о справедливости судебного разбирательства в отношении конкретного заявителя в целом. Европейский Суд избрал второй подход и при разрешении конкретного дела считает главным не наличие полной реализации каждого (или всех по отдельности) из аспектов справедливости судебного разбирательства, а то, имеет ли судебное разбирательство в целом характер справедливого. Поэтому:

1) Положения ч. 2 и 3 ст. 6 Конвенции, по мнению ЕСПЧ, являются отдельными аспектами права на справедливое судебное разбирательство, которые должны рассматриваться не изолированно, а в комплексе с положениями ч. 1 той же статьи: с позиции того, имело ли судебное разбирательство в целом, с учетом всех его элементов, справедливый характер.

2) В силу того, что в конкретном случае ЕСПЧ всегда оценивает, можно ли считать, что судебное разбирательство **в целом** было справедливым, не всегда возможно четко определить, к нарушению каких именно характеристик справедливого правосудия привели те или иные «промахи» государства. Так, оказание государством воздействия

---

¹ См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Делькур (Delcourt) против Бельгии» от 17 января 1970 г. (жалоба № 2689/65). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

² См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Раманаускас (Ramanauskas) против Литвы» от 05 февраля 2008 г. (жалоба № 74420/01), п. 53. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

на суд, рассматривающий дело по существу, одновременно приводит к нарушению независимости суда и беспристрастности судей¹, а в некоторых обстоятельствах становится и нарушением равенства сторон². Поэтому содержание некоторых положений, являющихся неотъемлемыми чертами справедливого судебного разбирательства, зачастую трудно разграничить (например, состязательность суда и равенство сторон, независимость суда и беспристрастность судей). С точки зрения наилучшей защиты права на справедливое судебное разбирательство, это, без сомнения, совершенно правильный подход, так как не имеет существенного значения, повлекло ли за собой то или иное обстоятельство, например нарушение только состязательности или только равенства сторон, или же было нарушено и то и другое одновременно, если это привело к тому, что судебное разбирательство в целом нельзя назвать справедливым. Одновременно этот подход содействует тому, чтобы учитывать при оценке справедливости судебного разбирательства необходимость обеспечения и других охраняемых законом прав. Например, Суд считает, что в некоторых ситуациях не будет являться несправедливым судебное разбирательство, в ходе которого было ограничено право обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей (в случае допроса анонимных свидетелей), если это продиктовано интересами защиты права на жизнь таких свидетелей, а ограничение прав обвиняемого было в достаточной степени компенсировано³.

Однако с точки зрения изучения позиций ЕСПЧ данный подход приводит к затруднениям при попытке сформулировать четкие критерии справедливости правосудия. В результате возникает необходимость в изучении большого числа прецедентов для максимально полного уяснения правовых позиций Европейского Суда по правам человека.

---

¹ См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Совтрансавто холдинг» против Украины» от 25 июля 2002 г. (жалоба № 48553/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Постановление* ЕСПЧ по делу «Праведная (Pravednaya) против Российской Федерации» от 18 ноября 2004 г. (жалоба № 69529/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Ван Мехелен и другие против Нидерландов» от 23 апреля 1997 г. (жалоба № 55/1996) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 2. М.: Норма, 2000. С. 440–454.

5. Статья 13 Конвенции предусматривает право лица на эффективные средства правовой защиты прав, закрепленных в Конвенции, перед национальными властями. Соответственно, возникает вопрос о соотношении этого права (права на эффективные средства правовой защиты) с правом на справедливое судебное разбирательство.

Европейский Суд по правам человека исходит из того, что эффективным средством правовой защиты является, прежде всего, судебная защита. В то же время в некоторых случаях Суд приходил и к выводу о наличии эффективных средств правовой защиты в ситуации, когда возможность судебной защиты отсутствовала¹, если совокупность иных правовых средств защиты предоставляла реальную возможность обеспечить возмещение в связи с жалобой². В результате вопрос соотношения этих прав решается, как правило, следующим образом: если национальное законодательство предусматривает существование судебного способа для защиты какого-либо права, предусмотренного в Конвенции, то жалоба на неполучение такой защиты подлежит рассмотрению в контексте ст. 6. Обращение к ст. 13 Конвенции происходит в случае, если национальное законодательство вообще не содержит возможности для судебной защиты нарушенного права. Например, ЕСПЧ пришел к выводу, что Румынией нарушено право заявителя на эффективное средство правовой защиты, поскольку он не имел возможности обращения в суд для обжалования и получения возмещения в связи с чрезмерной длительностью судебного разбирательства³. В то же время возможно рассмотрение в контексте ст. 13 и тех ситуаций,

---

¹ См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Леандер (Leander) против Швеции» от 26 марта 1987 г. (жалоба № 9248/81). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010); см. об этом также: *Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л.* Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и политика. М.: МНИМП, 1998. С. 447–448.

² См. об этом, например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Александр Макаров (Aleksandr Makarov) против Российской Федерации» от 12 марта 2009 г. (жалоба № 15217/07). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Абрамьюк (Abramciuc) против Румынии» от 24 февраля 2009 г. (жалоба № 37411/02) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 6. С. 44–46.

когда в целях обеспечения защиты права, предусмотренного Конвенцией, государство предусматривает судебный порядок рассмотрения отдельных вопросов, не являющийся при этом правосудием и не подпадающий под требования, закрепленные в ст. 6 Конвенции (например, решение вопросов о контроле телефонных переговоров и других подобных ограничениях права на уважение частной и семейной жизни).

Второе обстоятельство, вызывающее необходимость обращения к содержанию ст. 13 Конвенции, в работе, посвященной праву на справедливое судебное разбирательство применительно к уголовному процессу, связано с тем, что Суд признает право на эффективную правовую защиту за лицом, потерпевшим от нарушения права на жизнь, на свободу от недопустимого обращения. При этом в понятие эффективного средства правовой защиты лица, потерпевшего от такого рода деяний, включается не только право его на доступ к правосудию и справедливое судебное разбирательство (осуществляемое путем рассмотрения уголовного дела и/или гражданского иска), но и право на обеспечение тщательного и эффективного расследования, которое могло бы повлечь установление и наказание виновных, включая доступ потерпевшего к процедуре такого расследования¹. Таким образом, право на эффективное предварительное расследование и на доступ к такому расследованию является для лиц, пострадавших от преступлений, посягающих на жизнь, а также нарушающих право на свободу от пыток, жестокого и унижающего достоинство обращения, необходимой предпосылкой для реализации впоследствии их права на доступ к правосудию.

6. Наличие у лица права на справедливое судебное разбирательства не означает, что лицо не вправе отказаться от реализации такого права.

Однако такой отказ должен сопровождаться рядом гарантий:

1) он должен быть добровольным. Никакое принуждение лица к отказу им от своего права на справедливое судебное разбирательство не допустимо, это продиктовано международными договора-

---

¹ См., например: *Постановление ЕСПЧ по делу «Уцаева и другие (Utsayeva and Others) против Российской Федерации» от 29 мая 2008 г. (жалоба № 29133/03) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 7. С. 37–71.*

ми, которые основываются на принципах свободы и верховенства права¹;

2) отказ от осуществления права, гарантированного Конвенцией, если он допустим, должен быть выражен недвусмысленно². Простое отсутствие возражений не может считаться достаточным условием для установления отказа от права. Например, по делу «Полуфакин и Чернышев против Российской Федерации» Суд пришел к выводу о том, что недвусмысленный отказ заявителя от своего права на допрос свидетеля обвинения отсутствовал, несмотря на то, что в протоколе судебного заседания была запись об отсутствии возражений против оглашения показаний данного свидетеля, поскольку:

– заявитель обращался к суду с ходатайством о допросе данного свидетеля,

– заявитель возражал против оглашения показаний данного свидетеля на предыдущих судебных заседаниях,

– протокол судебного заседания, содержащий запись «возражения отсутствуют», был обжалован вторым заявителем на том основании, что секретарь судебного заседания ошибочно не внесла в протокол запись о наличии у стороны защиты возражений против оглашения показаний свидетеля³;

3) возможность отказа от права на справедливое судебное разбирательство допускается только в случаях, если это не противоречит публичным интересам. Такой отказ «...не должен вступать в

---

¹ См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Голдер (Golder) против Соединенного Королевства» от 21 февраля 1975 г. // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 45; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Девеер против Бельгии» от 27 февраля 1980 г. // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 301–317.

² См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Ле Конт, Ван Левен и Де Мейер (Le Compte, Van Leuven and De Meuyere) против Бельгии» от 23 июля 1981 г. (жалобы № 6878/75; 7238/75) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 340–359; *Постановление* по делу «Колоцца (Colozza) против Италии» от 12 февраля 1985 г. // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 493–497.

³ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Полуфакин и Чернышев (Polufakin and Chernyshev) против Российской Федерации» от 25 сентября 2008 г. (жалоба № 30997/02) // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 7. С. 151.

противоречие с какими бы то ни было интересами, представляющими общественную важность»¹;

4) такой отказ должен сопровождаться минимальными гарантиями, соответствующими его важности.

1.3. Отражение правовых позиций Европейского Суда по правам человека по вопросам права на справедливое судебное разбирательство в актах Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации

1. Здесь, прежде всего, следует отметить, что Конституционный Суд Российской Федерации в своей деятельности постоянно обращается к положениям международно-правовых актов в области прав человека, ратифицированных РФ, в том числе и к положениям Европейской конвенции, а также к содержанию конкретных постановлений Европейского Суда по правам человека, принятых в отношении различных государств.

В частности, было подсчитано, что с момента ратификации Россией Европейской конвенции только до сентября 2004 г. данная Конвенция упоминалась в 116 постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации².

При этом Конституционный Суд Российской Федерации сыграл чрезвычайно важную роль в реализации в РФ права на справедливое судебное разбирательство, предусмотренного ст. 6 Конвенции, формируя представление о содержании права на судебную защиту, как включающем в себя основные составляющие права на

---

¹ См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Хоканссон и Стурессон против Швеции» от 21 февраля 1990 г. (жалоба № 11855/85), п. 66. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010); *Постановление* Большой палаты ЕСПЧ по делу «Сейдович (Sejdovic) против Италии» от 1 марта 2006 г. (жалоба № 56581/00), п. 86. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: *Бурков А.Л.* Применение Европейской конвенции по правам человека в судах России, или Конвенция для внутреннего применения. Лекция. URL: http://sutyajnik.ru/rus/actions/marthur04/dom_impl/ (дата обращения: 01.12.2010).

справедливое судебное разбирательство, а также отстаивая необходимость обеспечения реальной, а не формальной, иллюзорной возможности реализовать свое право на судебную защиту.

В частности, решая вопросы о содержании конституционного права каждого на судебную защиту, предусмотренного ст. 46 Конституции РФ, Конституционный Суд Российской Федерации в своих актах неоднократно подчеркивал, что данное право должно толковаться с учетом положений ст. 6 Европейской конвенции и решений Европейского Суда по правам человека, раскрывающих содержание права, предусмотренного ст. 6 Конвенции. Например, в Постановлении от 08 декабря 2003 г. № 18-П (п. 2) Конституционный Суд Российской Федерации указывает, что положениям Конституции РФ, гарантирующим право на судебную защиту, корреспондируют положения ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, и делает вывод, что правосудие по самой своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости¹.

В то же время сам Конституционный Суд Российской Федерации в своих актах далеко не всегда придерживается тех толкований содержания права на справедливое судебное разбирательство, которые даются Европейским Судом по правам человека.

Например, не вполне совпадает понимание принципа состязательности, даваемого ЕСПЧ и Конституционным Судом Российской Федерации. Согласно правовой позиции Европейского Суда по правам человека «принцип состязательности означает, что стороны в уголовном или гражданском процессе вправе знакомиться со всеми доказательствами или замечаниями, приобщенными к делу, комментировать их»². «Право на состязательный процесс в уголовном деле означает, что как обвинению, так и защите должна быть дана возможность знать

---

¹ *Постановление* Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Собрание законодательства РФ. 2003. 22 дек. № 51. Ст. 5026.

² *Постановление* ЕСПЧ по делу «Вермюлен (Vermeulen) против Бельгии» от 20 февраля 1996 г. (жалоба № 58/1994). Извлечение. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и комментировать поданные заявления и представленные доказательства другой стороны»¹. Причем состязательность в понимании Европейского Суда по правам человека, как будет показано ниже, не включает в себя равенство сторон, хотя тесно связана с ним.

Вопреки этому Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал свое понимание принципа состязательности, включив в него, прежде всего, разграничение процессуальных функций обвинения, защиты и разрешения дела (см. например, п. 2.1 указанного выше Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 08 декабря 2003 г. № 18-П). В то же время Конституционный Суд Российской Федерации дополнил это определение указанием на то, что осуществление судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон предполагает и «предоставление участвующим в судебном разбирательстве сторонам обвинения и защиты равных процессуальных возможностей по отстаиванию своих прав и законных интересов» (п. 6 указанного выше Постановления)².

Имеются и другие расхождения в позициях между Европейским Судом по правам человека и Конституционным Судом Российской Федерации относительно содержания права на справедливое судебное разбирательство, о которых более подробно в данной работе речь будет идти далее.

Кроме того, необходимо отметить, что Конституционный Суд Российской Федерации понимает право на судебную защиту как право, по существу, более широкое, чем право на справедливое судебное разбирательство. Так, в Постановлении от 10 декабря 1998 г. № 27-П Конституционный Суд Российской Федерации указывает, что право на судебную защиту реализуется через совокупность различных процессуальных средств, обеспечивающих **справедливое правосудие и эффективное восстановление нарушенных прав**

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Оджалан (Ocalan) против Турции» от 12 мая 2005 г. (жалоба № 46221/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Постановление* Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Собрание законодательства РФ. 2003. 22 дек. № 51. Ст. 5026.

граждан¹. То есть он, во-первых, включил в содержание права на судебную защиту как гарантии справедливого правосудия, так и вообще гарантии эффективного восстановления в правах (что является самостоятельным правом, закрепленным в ст. 13 Европейской конвенции). А во-вторых, это свидетельствует о том, что, по мнению Конституционного Суда Российской Федерации, реализация такого права не исчерпывается осуществлением справедливой судебной процедуры, но предполагает и достижение определенного результата (восстанавливающего нарушенное право), т.е. в содержание права на судебную защиту Конституционный Суд Российской Федерации включил и право на получение благоприятного судебного решения. Аналогичная позиция напрямую вытекает и из текста Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 17 марта 2010 г. № 6-П, согласно п. 2 которого право на справедливое судебное разбирательство предполагает «вынесение законного и обоснованного судебного решения»².

Наконец, нельзя не отметить, что Конституционный Суд Российской Федерации внес неопределимый вклад в отстаивание необходимости **реального** обеспечения права на судебную защиту (а не формального его провозглашения), что также соответствует подходу Европейского Суда по правам человека. В то же время, как будет показано ниже, Конституционный Суд Российской Федерации далеко не всегда строго придерживается данного подхода, что способно создавать препятствия для реальной защиты гражданами РФ своего права на справедливое судебное разбирательство.

В качестве примера здесь можно привести все то же Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 г. № 18-П, в котором Суд, обосновав наличие у потерпевшего

---

¹ *Постановление Конституционного Суда РФ от 10.12.1998 № 27-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 335 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина М.А. Баронина» // Собрание законодательства РФ. 1998. 21 дек. № 51. Ст. 6341.*

² *Постановление Конституционного Суда РФ от 17.03.2010 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 117, части 4 статьи 292, статей 295, 296, 299 и части 2 статьи 310 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества “Довод”» // Собрание законодательства РФ. 2010. 5 апр. № 14. Ст. 1733.*

права иметь реальную возможность довести свою позицию относительно всех аспектов дела до сведения Суда, не нашел нарушения конституционного права на судебную защиту в ситуации, в которой Суд, выслушав мнение потерпевшего, не имеет возможности учесть это мнение при вынесении итогового решения по делу¹. При таких условиях заслушивание Судом мнения потерпевшего по вопросу о прекращении дела, очевидно, превращается в формальность, в бессмыслицу, а само право потерпевшего на судебную защиту в этом случае приобретает иллюзорный характер. Более того, отказ потерпевшему в судебной защите не может быть компенсирован и в последующем, поскольку обжалование потерпевшим постановления о прекращении уголовного дела в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения также представляет лишь иллюзорную, а не реальную возможность защиты его прав, ввиду того, что такое постановление выносится Судом в полном соответствии с законом.

Имеются и другие акты (в основном, Определения) Конституционного Суда Российской Федерации, в которых Суд отказал в принятии к рассмотрению жалоб лиц, которым закон предоставлял лишь формальные, иллюзорные, а не реальные гарантии защиты их конституционного права на судебную защиту.

2. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» № 5, принятом 10 октября 2003 г., признал (в п. 10), что «применение судами вышеназванной Конвенции должно осуществляться с учетом практики Европейского Суда по правам человека во избежание любого нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод»².

---

¹ *Постановление* Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Собрание законодательства РФ. 2003. 22 дек. № 51. Ст. 5026.

² *Постановление* Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Российская газета. 2003. 2 дек. № 244.

В п. 11 этого же Постановления указано, что «суды в пределах своей компетенции должны действовать таким образом, чтобы обеспечить выполнение обязательств государства, вытекающих из участия Российской Федерации в Конвенции о защите прав человека и основных свобод».

Далее в данном постановлении излагаются некоторые правовые позиции, сформулированные в решениях Европейского Суда по правам человека (без ссылок на конкретные постановления Европейского Суда, в которых такие правовые позиции содержатся).

В п. 4 Постановления Пленума № 23 от 19 декабря 2003 г. «О судебном решении» Верховный Суд Российской Федерации предписал указывать в мотивировочной части судебного решения примененный судом материальный или процессуальный закон, в частности Европейскую конвенцию, принимая во внимание постановления Европейского Суда по правам человека, в которых дано толкование положений Конвенции, подлежащих применению в данном деле¹.

Данные постановления могли и должны были бы служить базой для непосредственного применения судами Российской Федерации положений Европейской конвенции (в частности, в отношении права на справедливое судебное разбирательство) в том ее толковании, которое дается в решениях Европейского Суда по правам человека. Верховный Суд Российской Федерации в них подтвердил, что суды Российской Федерации могут и должны в своей деятельности опираться как на текст Европейской конвенции, так и на Постановления ЕСПЧ.

Однако в правоприменительной практике ссылки судов на Конвенцию и/или на Постановления ЕСПЧ до сих пор являются единичными и представляют собой не правило, а исключения.

Например, во второй половине 2004 г. по поручению Верховного Суда Российской Федерации в 2/3 судов общей юрисдикции субъектов Российской Федерации было проведено обобщение судебной практики по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц, рассмотренных за период с 2002 по 2004 г. Из более чем 700 изученных решений по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации не более 15, так или иначе, отражали практику Европейского Суда. При этом ссылки на

---

¹ *Постановление* Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 «О судебном решении» // Российская газета. 2003. 26 дек. № 260.

Конвенцию и практику Суда в разных решениях в основном делались одними и теми же судами или даже отдельными судьями¹.

Как представляется, значительный вклад в создание такого положения внес сам Верховный Суд Российской Федерации.

Анализ его практики показывает, что сам он не только в своей деятельности далеко не всегда руководствуется толкованиями содержания право на справедливое судебное разбирательство, данными Европейским Судом по правам человека, но и не упоминает само такое право. Более того, права, предусмотренные Европейской конвенцией, зачастую проходят очень долгий путь до их реального признания Верховным Судом Российской Федерации.

Например, в п. 14 указанного выше Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» № 5, принятого 10 октября 2003 г., сказано: «Следует учитывать, что наличие обоснованного подозрения в том, что заключенное под стражу лицо совершило преступление, является необходимым условием для законности ареста. Вместе с тем такое подозрение не может оставаться единственным основанием для продолжительного содержания под стражей. Должны существовать и иные обстоятельства, которые могли бы оправдать изоляцию лица от общества. К таким обстоятельствам, в частности, может относиться возможность того, что подозреваемый, обвиняемый или подсудимый могут продолжить преступную деятельность либо скрыться от предварительного следствия или суда, либо сфальсифицировать доказательства по уголовному делу, вступить в сговор со свидетелями.

При этом указанные обстоятельства должны быть реальными, обоснованными, т.е. подтверждаться достоверными сведениями. В случае продления сроков содержания под стражей суды должны указывать конкретные обстоятельства, оправдывающие продление этих сроков, а также доказательства, подтверждающие наличие

---

¹ См. об этом: *Голованов Д., Потапенко С.* Применение российскими судами положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практики Европейского Суда по правам человека: теоретические и практические аспекты // Законодательство и практика масс-медиа. 2005. Март. URL: www.medialaw.ru (дата обращения: 01.12.2010).

этих обстоятельств»¹. Это следует из многочисленных решений Европейского Суда по правам человека, принятых как по жалобам в отношении других государств, так и (позже) в отношении России.

Однако те же самые нарушения Конвенции регулярно встречались в деятельности судов Российской Федерации и после издания указанного выше постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации. При этом судебные акты, принятые судами с нарушением данных положений, пересматриваемые Верховным Судом Российской Федерации в кассационном порядке, оставались в силе, что послужило причиной для принятия Европейским Судом по правам человека многочисленных решений о нарушении Россией права, предусмотренного ст. 5 Конвенции.

Более того, указание Верховного Суда Российской Федерации об обязательности применения правовой позиции Европейского Суда по правам человека относительно того, что наличие обоснованного подозрения в том, что заключенное под стражу лицо совершило преступление, является необходимым условием для законности ареста (п. 14 Постановления Пленума № 5, от 10 октября 2003 г.)², в течение длительного времени находилось в противоречии с его же позицией, сформулированной в п. 4 Постановления № 1 от 05.03.2004 г. «О применении судами норм уголовно-процессуального кодекса РФ», в соответствии с которой при рассмотрении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу суд не вправе входить в обсуждение вопроса о виновности лица в инкриминируемом ему преступлении³.

И лишь в Постановлении № 22, принятом 29 октября 2009 г., Пленум Верховного Суда Российской Федерации признал, что «для решения вопроса о возможности применения меры пресечения в виде заключения под стражу подозреваемого или обвиняемого. . . , суду надлежит в каждом конкретном случае проверять обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению. При этом следует иметь в виду, что обоснованное подозрение предполагает наличие достаточных данных о

---

¹ *Постановление* Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Российская газета. 2003. 2 дек. № 244.

² Там же.

³ *Постановление* Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2004. 25 марта. № 60.

том, что соответствующее лицо могло совершить это преступление, в том числе указанных в ст. 91 УПК РФ»¹.

Таким образом, хотя и Конституционный Суд Российской Федерации, и Верховный Суд Российской Федерации признали необходимость как непосредственного применения судами Российской Федерации норм Европейской конвенции, так и их обязанность применять Конвенцию в том толковании, которое дается ее нормам Европейским Судом по правам человека, правоприменительная практика Российской Федерации пока далека от совершенства, что демонстрирует, кстати, и статистика подачи и рассмотрения ЕСПЧ жалоб в отношении Российской Федерации.

Так, всего за период, прошедший с момента ратификации Россией Конвенции до конца 2008 г., Европейский Суд по правам человека вынес 644 постановления по жалобам против Российской Федерации, из них в 606 постановлениях установлено хотя бы одно нарушение прав человека, предусмотренных Конвенцией. Только в 2008 г. в отношении России было вынесено 233 постановления ЕСПЧ, по которым было установлено хотя бы одно нарушение Конвенции. При этом по 159 делам было признано нарушение права на справедливое судебное разбирательство (в 2007 г. – 127). При этом на начало 2009 г. в Европейском Суде по правам человека ожидали рассмотрения 27250 жалоб, поданных в отношении России². По данным СМИ, только за 2008 г. и три месяца 2009 г. ЕСПЧ признал за Россией обязанность произвести пострадавшим компенсационные выплаты в общей сумме 9 млн 317 тыс. 436 евро (свыше 400 млн руб.)³.

С учетом этой статистики необходимо признать, что давно назрела необходимость российским правоохранительным органам (и в особенности судам) более внимательно относиться к уяснению правовых позиций Европейского Суда по правам человека, а также непосредственно применять их в своей деятельности.

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.10.2009 № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста», п. 2 // Российская газета. 2009. 11 нояб. № 211.

² См.: *Бюллетень* Европейского Суда по правам человека. 2009. № 3. С. 1–2, 128–136.

³ См.: *Фоков А.П.* Правосудие и правопонимание правотворческой деятельности судов в России и за рубежом // Российская юстиция. 2009. № 6. С. 3.

Глава 2. Круг субъектов права на справедливое судебное разбирательство – участников уголовного судопроизводства

2.1. Субъекты, прямо предусмотренные ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод

Статья 6, п. 1 действует только в отношении споров о гражданских правах и обязанностях и при предъявлении любого уголовного обвинения. Не подпадают под действие данной статьи дела, которые нельзя отнести ни к одной из этих категорий¹. Соответственно, необходимо прежде всего разобраться с вопросами:

- кто такой обвиняемый в смысле ст. 6 Конвенции;
- кого можно отнести к числу лиц – участников спора о гражданских правах и обязанностях?

Кто такой обвиняемый и что такое уголовное обвинение?

Прежде всего, необходимо отметить, что Европейский Суд при решении вопроса о том, является ли конкретное лицо «обвиняемым» и предъявлено ли ему «уголовное обвинение», не опирается исключительно на то, как эти понятия определяются в национальном законодательстве соответствующего государства, а сформулировал автономные (независимые) понятия «обвиняемого» и «уголовного обвинения» в смысле ст. 6 Конвенции.

В частности, в целях определения понятия **уголовного** обвинения Судом выработаны следующие принципы:

- а) Конвенция не мешает государствам-участникам проводить или сохранять различия между уголовным и дисциплинарным правом, равно как и четко их разграничивать. Тем не менее из этого не следует, что

---

¹ См.: *Постановление ЕСПЧ по делу «Ле Конт, Ван Левен и Де Мейер (Le Compt, Van Leuven and De Meyere) против Бельгии»* от 23 июня 1981 г. // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 340–359.

установленное разграничение имеет решающее значение для целей Конвенции.

б) Если бы государства-участники могли по собственному усмотрению квалифицировать уголовное деяние как дисциплинарное, то тем самым они ограничили бы действие основополагающих ст. 6 и 7 Конвенции, применение которых зависело бы от их суверенной воли. Подобное чрезмерное расширение пределов усмотрения могло бы привести к результатам, несовместимым с предметом и целями Конвенции¹.

С учетом этого Суд при рассмотрении дела «Энгель и другие против Нидерландов» сформулировал критерии, на основании анализа которых он и делает вывод о возможности отнесения того или иного дела к числу «уголовных». Эти критерии в настоящее время известны также как «критерии Энгеля». В соответствии с ними «прежде всего, необходимо выяснить, принадлежат ли статьи, определяющие вмененное нарушение, в соответствии с внутренним правом государства-ответчика к уголовному или дисциплинарному праву или же к тому и другому одновременно. Это, однако, не более чем отправная точка. Полученные таким образом данные имеют только формальную и относительную ценность и должны быть изучены в свете общего знаменателя, выводимого из законодательств различных Договаривающихся государств.

Сам характер правонарушения является гораздо более важным фактором...

Однако контроль Европейского Суда на этом не заканчивается. Он оказался бы иллюзорным, если бы Европейский Суд не учел также степень суровости наказания, которому обвиняемый рискует подвергнуться...»².

Таким образом, ЕСПЧ при определении того, является ли обвинение «уголовным», учитывает:

---

¹ См.: *Постановление* по делу «Энгель и другие (Engel and others) против Нидерландов» от 08 июня 1976 г. // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 114; *Постановление* по делу «Кэмпбелл и Фелл (Campbell and Fell) против Соединенного Королевства» от 28 июня 1984 г. // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 438–469.

² См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Йюссила (Jussila) против Финляндии» от 23 ноября 2006 г. (жалоба № 73053/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1) относится ли деяние, вменяемое лицу, к числу уголовных преступлений, в соответствии с законодательством конкретного государства;

2) каков характер правонарушения, вменяемого в вину лицу;

3) какие последствия могут наступить для лица в случае признания его виновным.

Второй и третий критерии при этом являются альтернативными и не обязательно должны дополнять друг друга. Достаточно установить только, что рассматриваемое нарушение по своему характеру должно считаться «уголовным» с точки зрения Конвенции или что наказание, назначенное лицу за совершение данного нарушения, по своему характеру и степени суровости обычно принадлежит к разряду «уголовно-правовых». Относительная мягкость наказания сама по себе также не может избавить преступление от изначально уголовного характера. Но применение кумулятивного подхода не исключено в случае, когда отдельный анализ каждого критерия не позволяет прийти к четкому выводу о существовании уголовного обвинения¹.

Первый критерий при этом достаточно ясен: в самом деле, если национальное законодательство относит деяние, в совершении которого обвинялся заявитель, к числу уголовных преступлений, дальнейшего рассмотрения не требуется – это, безусловно, «уголовное обвинение». Необходимость в использовании второго и третьего критерия возникает как раз в ситуации, когда деяние, за совершение которого привлекался к ответственности заявитель, относится в соответствии с национальным правом к числу дисциплинарных проступков, административных правонарушений или нарушений налогового законодательства. В деле «Лутц против Германии» Суд указал: «Для того чтобы статья 6 применялась, достаточно, чтобы рассматриваемое нарушение было с точки зрения Конвенции «уголовным» по своей природе или подвергало заинтересованное лицо риску понести наказание, которое по своему характеру и степени тяжести могло быть приравнено к уголовному»².

---

¹ См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Йюссила (Jussila) против Финляндии» от 23 ноября 2006 г. (жалоба № 73053/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: *Постановление* по делу «Лутц (Lutz) против Германии» от 25 августа 1987 г. // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 543.

С учетом этого два последние критерия и были конкретизированы ЕСПЧ при рассмотрении конкретных дел.

Характер правонарушения определяется сферой применения нарушенной правовой нормы и целью наказания¹.

Сфера применения нарушенной правовой нормы. Если рассматриваемая правовая норма применяется только в отношении ограниченной группы лиц, например представителей определенной профессии, это означает, что речь идет о дисциплинарном, а не об уголовном производстве. Однако если правовая норма обладает общим действием, то, вероятнее всего, что она входит в систему уголовного права и подпадает под действие ст. 6.

Например, в деле «Озтюрк против Германии» Суд рассматривал случай, касавшийся нарушения правил вождения автомобиля – правонарушения, подвергшегося декриминализации в Германии. Тем не менее Суд подчеркнул, что согласно ст. 6 данное правонарушение должно рассматриваться как «уголовное», так как, в частности, оно имеет общее применение, поскольку распространяется на всех «пользователей дорог», а не только на отдельную группу лиц².

По делу «Йюссила против Финляндии», касавшегося разбирательства, в ходе которого заявителя, ввиду допущенных при уплате налогов ошибок, обязали выплатить налог на добавленную стоимость и штраф в размере 10%, Европейский Суд счел неубедительным довод властей Финляндии о том, что налог на добавленную стоимость применялся лишь к отдельной группе населения, обладающей специальным статусом. Заявитель был привлечен к ответственности именно как налогоплательщик. Тот факт, что он выбрал режим налога на добавленную стоимость, не меняет положения вещей. Следовательно, данная норма имела общее действие³.

---

¹ См. об этом: Моул Н., Харби К., Алексеева Л.Б. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 6. Право на справедливое судебное разбирательство. Прецеденты и комментарии. М.: Российская академия правосудия, 2001. С. 19–23.

² *Постановление* ЕСПЧ по делу «Озтюрк (Ozturk) против Германии» от 21 февраля 1984 г. (жалоба № 8544/79), п. 53. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

³ См.: *Постановление* по делу «Йюссила (Jussila) против Финляндии» от 23 ноября 2006 г. (жалоба № 73053/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Однако в деле «Равнсборг против Швеции» Суд отметил, что штрафы были наложены за те замечания, которые заявитель сделал в качестве одной из сторон в судебных слушаниях. Суд решил, что данная мера, принятая в целях обеспечения должного проведения судебных слушаний, более соответствует дисциплинарным санкциям, чем уголовному судопроизводству. Следовательно, ст. 6 в этом случае была не применима¹.

Цель наказания. Данный критерий помогает отличать уголовные санкции (имеющие карательную и предупредительную функцию) от чисто административных или от денежных взысканий, имеющих восстановительный характер. При этом лишение свободы всегда признается имеющим карательный характер. Если же обсуждаемая мера наказания представляет собой не тюремное заключение (или даже только его угрозу), а наложение штрафа, Суд принимает во внимание, планируется ли осуществление данной меры только в качестве денежной компенсации за нанесенный ущерб или всецело в качестве наказания, играющего устрашающую роль и препятствующего повторному совершению правонарушения. Только в последнем случае указанная мера может рассматриваться в контексте уголовного права.

Так, в Постановлении по делу «Банденун против Франции», которое касалось наложения штрафов за уклонение от уплаты налогов (налог на добавленную стоимость и корпоративный налог в отношении компании заявителя и его личных доходов), Европейский Суд основал свой вывод о возможности отнести дело под действие ст. 6 Конвенции, в частности, тем, что штраф предусматривался не как возмещение ущерба, но как наказание для предупреждения рецидива и что он налагался по общему правилу, носящему карательный и превентивный характер².

По упомянутому уже делу «Озтюрк против Германии» Суд расценил деяние как уголовное, в частности потому, что оно пред-

---

¹ См. об этом: *Моул Н., Харби К., Алексеева Л.Б.* Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 6. Право на справедливое судебное разбирательство. Прецеденты и комментарии. М.: Российская академия правосудия, 2001. С. 67–68.

² См.: *Постановление* по делу «Банденун (Bendenoun) против Франции» от 24 февраля 1994 г. (жалоба № 12547/86), п. 47. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

полагало наложение санкции (штрафа) карательного и устрашающего характера¹.

Существо и степень строгости наказания.

а) *Использование лишения свободы* в качестве наказания, как правило, придает правовой норме характер, скорее, свойственный уголовному производству. В деле «Энгель и другие против Нидерландов» Суд заявил: «В обществе, где действует принцип верховенства права, наказания в виде лишения свободы отнесены к «уголовной сфере», за исключением тех, которые по своему характеру, продолжительности или способу исполнения не могут считаться наносящими ощутимый ущерб. Серьезность того, что поставлено на карту, традиции государства и значение, придаваемое Конвенцией уважению физической свободы личности, – все это требует, чтобы именно так и было»².

Итак, по мнению Европейского Суда по правам человека, является уголовным любое наказание, связанное с лишением свободы, и любое правонарушение, за которое в качестве меры ответственности предусмотрено такое наказание, кроме случаев чрезвычайно кратковременного лишения свободы или назначения наказания, при котором личные права лица ограничиваются в степени, которая не позволяет прийти к выводу, что фактически здесь имеет место лишение свободы.

Например, по делу «Энгель и другие против Нидерландов» (рассмотренном в 1976 г.) Суд пришел к выводу о том, что наказание в виде трех-четырёх месяцев содержания под стражей в дисциплинарном подразделении имело уголовный характер, тогда как тюремное заключение продолжительностью в два дня или четырёхдневный «арест с мягким режимом» не являлись достаточно суровыми наказаниями для рассмотрения их в терминах уголовного производства.

С течением времени Суд становится все более критичным по отношению к наказаниям в виде лишения свободы, даже если они

---

¹ См.: *Постановление* по делу «Озтюрк (Ozturk) против Германии» от 21 февраля 1984 г. (жалоба № 22479/93), п. 53. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

² См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Энгель и другие (Engel and others) против Нидерландов» от 08 июня 1976 г. // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 114.

избираются на краткий срок. Так, по делу «Менешева против Российской Федерации», где к заявительнице была применена мера наказания в виде пяти дней административного ареста за совершение административного правонарушения в виде злостного неповиновения сотрудникам милиции, Суд пришел к выводу о том, что правонарушение, в совершении которого была обвинена заявитель, могло быть квалифицировано как «уголовное» для целей Конвенции¹. Аналогичным образом Суд по делу «Сергей Золотухин против Российской Федерации» признал «уголовным» правонарушение (мелкое хулиганство), в качестве наказания за которое к заявителю было применено три дня административного ареста².

Существование одной только угрозы лишения свободы также может делать возможным применение ст. 6. В деле «Энгель и другие против Нидерландов» тот факт, что один из заявителей, в конце концов, получил наказание, не равносильное лишению свободы, не повлиял на оценку Судом деяния, в котором тот обвинялся, как уголовного, так как конечный результат не мог умалить значение того, что было поставлено на карту изначально.

В деле «Кэмпбелл и Фелл против Соединенного Королевства», где в результате признания заявителя виновным в совершении дисциплинарного проступка, имевшего место в ходе отбывания наказания в виде лишения свободы, последний утратил право на досрочное освобождение от отбывания наказания, Суд заявил, что возможность утраты реального права на досрочное освобождение г-ном Кэмпбеллом, равно как и фактическое лишение его такого права Советом посетителей повлекли за собой столь серьезные последствия в отношении продолжительности его заключения в тюрьме, что данное наказание должно рассматриваться для целей Конвенции как наказание за «уголовное» правонарушение. Поскольку в результате решения Совета посетителей срок заключения стал существенно больше срока заключения, который мог бы иметь место до вынесения этого решения, то такого рода наказание вплотную приблизилось к наказанию путем лишения свободы (да-

---

¹ См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Менешева (Menesheva) против Российской Федерации» от 9 марта 2006 г. (жалоба № 59261/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Постановление* ЕСПЧ по делу «Сергей Золотухин (Sergey Zolotukhin) против Российской Федерации» от 10 февраля 2009 г. (жалоба № 14939/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

же если формально это не так). В то же время предмет и цели Конвенции требуют, чтобы установление столь суровой меры наказания сопровождалось гарантиями, содержащимися в ст. 6 Конвенции¹.

б) *Наказание в виде штрафа*. В последнее время наблюдается тенденция распространения гарантий, предусмотренных ст. 6 Конвенции на рассмотрение обвинений в совершении правонарушений, предусматривающих наказание в виде наложения штрафа, особенно в сфере налоговых правонарушений.

При этом размер штрафа является важным, но отнюдь не единственным критерием.

Например, в решении по делу «Й.Б. против Швейцарии» Суд указал: «Целью наложения штрафа, однако, была не имущественная компенсация; оно, скорее, представляло собой меру карательного и устрашающего (превентивного) характера. Более того, размер штрафа был отнюдь не незначительным. Наконец, нет никаких сомнений в том, что штраф был «уголовно-правовым» по своему характеру»². Такая позиция Суда нашла свое подтверждение еще в нескольких последующих решениях (например, «Яношевич против Швеции», «Вястберга Такси Актиеболаг и Вулич против Швеции»). Однако в последующем деле «Морель против Франции» ст. 6 Конвенции была признана неприменимой в отношении штрафа в размере 4450 франков, что равно 678 евро, исключительно по тому мотиву, что он являлся «не слишком высоким» и, таким образом, «отнюдь не достаточно серьезным» для классификации в качестве уголовного наказания, хотя иные факторы (общее применение нормы, по сути, не компенсационный, а превентивный и карательный характер наказания) явно наличествовали³.

---

¹ См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Кэмпбелл (Campbell) и Фелл (Fell) против Соединенного Королевства» от 28 июня 1984 г. (жалобы № 7819/77 и 7878/77) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 438–469.

² См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Й.Б. против Швейцарии» от 03 мая 2001 г. (жалоба № 31827/96), п. 48. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkr197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

³ См. об этом: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Йюссила (Jussila) против Финляндии» от 23 ноября 2006 г. (жалоба № 73053/01), п. 34–35. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Большая палата Европейского Суда по правам человека с учетом ранее принятых решений при рассмотрении дела «Йюссила (Jussila) против Финляндии» вновь рассмотрела применявшиеся подходы и пришла к выводу, что более верным является комплексный подход, а не придание наивысшей важности фактору тяжести наказания в ущерб прочим факторам, в частности, касавшихся сути обвинения (и цели наказания). Европейский Суд в данном решении также отметил, что небольшой размер штрафа в делах о налогообложении не может являться достаточной причиной для исключения правонарушения, в ином случае считавшегося бы уголовным, из сферы применения ст. 6 Конвенции. В результате, проанализировав особенности указанного дела, Европейский Суд пришел к выводу о том, что, поскольку в настоящем деле: 1) правовые нормы применялись на общих основаниях ко всем налогоплательщикам; 2) налоговые штрафы являлись не возмещением ущерба, но наказанием с целью предотвращения повторного нарушения и, соответственно, они налагались на основании норм, имеющих карательные и превентивные задачи, то этого достаточно, чтобы расценить правонарушение как уголовное. Малая тяжесть наказания позволяет считать настоящее дело отличным от дел «Банденун против Франции» и «Яношевич против Швеции» в части, касающейся третьего «критерия Энгеля», но не выходящим за рамки применения ст. 6 Конвенции. Следовательно, ст. 6 Конвенции может быть применена в ее уголовной части, несмотря на небольшой размер штрафа¹.

Понятие «**обвинение**» с точки зрения ЕСПЧ также является автономной концепцией, применяемой независимо от определения «обвинения», существующего в национальном праве.

В деле «Девеер против Бельгии» Суд постановил, что с учетом важности места, которое занимает в демократическом обществе право на справедливое судебное разбирательство, термину «обвинение» должно придаваться скорее содержательное, а не формальное значение, и что Суд призван видеть, что скрывается за внешней стороной дела, и исследовать реалии рассматриваемой процедуры. Он посчитал, что «обвинение» можно в целях ст. 6, п. 1 определить как официальное уведомление лица компетентным органом госу-

---

¹ См. об этом: *Постановление ЕСПЧ по делу «Йюссила (Jussila) против Финляндии» от 23 ноября 2006 г. (жалоба № 73053/01), п. 34–35. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

дарственной власти о наличии предположения о том, что этим лицом совершено уголовно наказуемое правонарушение, и добавил, что во многих случаях Комиссия использовала формулу, которая весьма тесно связана с вышесказанным, а именно, «сказалось ли это существенным образом на положении [подозреваемого]»¹.

Более того, по конкретным делам, в зависимости от особенностей национального законодательства и правоприменительной практики конкретного государства-участника Конвенции, Суд связывал момент появления уголовного обвинения с такими моментами, как:

- момент официального уведомления лица компетентными властями, что имеются основания полагать, что им совершено уголовное преступление (дело «Экле против ФРГ») или что уголовное преследование возможно (дело «Неймастер против Австрии»);

- момент открытия предварительного следствия (дело «Рингейзен против Австрии»);

- день ареста (дело «Вемхоф против ФРГ»);

- момент предъявления требования, чтобы обвиняемый представил вещественные доказательства в связи с расследованием по факту таможенных нарушений и момент блокировки его банковских счетов (дело «Функе против Франции»);

- момент, когда лицо обращается за помощью к адвокату после того, как против него было возбуждено уголовное дело прокурором, что, в свою очередь, последовало за поступлением негативной, по отношению к нему, информации из полиции (дело «Ангелуччи против Италии»).

Еще более любопытная ситуация имела место по делу «Девеер против Бельгии». В данном случае не было ни ареста, ни официального уведомления о предстоящем уголовном преследовании. Инспекция, проведенная в магазине г-на Девеера, была «составной частью непрерывного процесса контроля за соблюдением нормативов и правил, действующих в экономической жизни страны»; инспекция проводилась не в контексте борьбы с преступностью. Административный протокол от 18 сентября 1974 г. был передан королевскому прокурору «для информации и принятия решения». В

---

¹ См.: *Постановление ЕСПЧ по делу «Девеер (Deweert) против Бельгии» от 27 февраля 1980 г. (жалоба № 6903/75)* // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 301–317.

своем письме от 30 сентября 1974 г. королевский прокурор, уведомив заявителя о закрытии его заведения, предложил ему способ «избежать преследования», а именно заплатить сумму в 10000 бельгийских франков. Уголовное судопроизводство еще не началось, когда 2 октября была произведена оплата. Однако ЕСПЧ определил, что тем не менее Девеера можно считать обвиняемым в смысле ч. 1 ст. 6 Конвенции, поскольку административный протокол говорил о нем как о нарушителе закона, и ему было предложено уплатить штраф в порядке «согласительной процедуры», иначе будет открыто уголовное судопроизводство.

Таким образом, применительно к России можно сделать выводы о том, что:

1) право на справедливое судебное разбирательство должно распространяться (путем обеспечения лицу, в отношении которого ведется производство, всех минимальных прав обвиняемого, предусмотренных ст. 6 Конвенции) на:

- уголовное судопроизводство;
- производство по делам об административных правонарушениях, если оно не ведется в отношении специального субъекта (должностного лица) и лицу грозит наказание в виде административного ареста, либо иное наказание, носящее карательный характер. Например, как представляется, должно считаться имеющим карательный характер наказание в виде штрафа (кроме, быть может, совсем мелких штрафов), но, вполне возможно, может быть расценено как имеющее чисто административный характер, например, наказание в виде временного лишения лица водительских прав;
- производство по делам о взыскании штрафов за налоговые правонарушения;
- кроме того, возможно (хотя этот вопрос и не рассматривался Европейским Судом в отношении Российской Федерации), им в конкретной ситуации на основе вышеизложенных критериев может быть отнесено к категории уголовных дел и производство по делам о совершении дисциплинарных проступков лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы, поскольку применение к таким лицам дисциплинарных наказаний в течение отбывания ими наказания в виде лишения свободы может в дальнейшем сделать невозможным положительное решение судом вопроса об их условно-досрочном освобождении;

2) в российском уголовном процессе статус «обвиняемого» в смысле Европейской конвенции (а не внутреннего законодательства) лицо может приобрести:

- с момента возбуждения в отношении него уголовного дела;
- с момента его задержания или применения к нему меры пресечения;
- с момента уведомления его о подозрении;
- с момента вынесения в отношении него постановления о привлечении в качестве обвиняемого;
- в случае если лицо, без наличия к этому каких-либо формальных оснований, допрашивается следователем в качестве подозреваемого (что случается в правоприменительной практике);
- лицо также может приобрести статус «обвиняемого», если по отношению к нему были применены какие-либо меры, ограничивающие его права, связанные с наличием подозрения о совершении данным лицом какого-либо преступления. Аналогичной позиции, исходящей из фактического, а не формального определения подозреваемого, обвиняемого, исходил Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении № 11-П от 27 июня 2000 г. В п. 3 данного постановления Конституционный Суд Российской Федерации указал, что «понятия «задержанный», «обвиняемый», «предъявление обвинения» должны толковаться в их конституционно-правовом, а не в придаваемом им Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР более узком смысле. В целях реализации названного конституционного права необходимо учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование. При этом факт уголовного преследования и, следовательно, направленная против конкретного лица обвинительная деятельность могут подтверждаться актом о возбуждении в отношении данного лица уголовного дела, проведением в отношении него следственных действий (обыска, опознания, допроса и др.) и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него...»¹. В обоснование своей позиции

---

¹ *Постановление Конституционного Суда РФ № 11-П от 27 июня 2000 г.* «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса

при этом Конституционный Суд Российской Федерации сослался и на позицию ЕСПЧ: «При этом под обвинением в смысле ст. 6 Конвенции Европейский Суд по правам человека понимает не только официальное уведомление об обвинении, но и иные меры, связанные с подозрением в совершении преступления, которые влекут серьезные последствия или существенным образом сказываются на положении подозреваемого (решение от 27 февраля 1980 года по делу Deweer, Series A, no.35, para 44, 46; решение от 15 июля 1982 года по делу Eckle, Series A, no.51, para 73; решение от 10 декабря 1982 года по делу Foti, Series A, no.56, para 52), т.е. считает необходимым исходить из содержательного, а не формального понимания обвинения»¹.

Таким образом, право на справедливое судебное разбирательство, гарантированное ст. 6 Конвенции, включающее в себя все права лица, которому «предъявлено уголовное обвинение», имеется в соответствии с Конвенцией у каждого, чьи «права и свободы существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, связанными с уголовным преследованием»², фактически осуществляемым в отношении него в Российской Федерации.

Что такое спор о гражданских правах?

Понятие «гражданские права и обязанности» Суд также определил в качестве автономной концепции, не могущей толковаться исключительно в свете внутреннего законодательства государства-ответчика. Тем не менее он не дал, да и не мог дать четкого определения данного термина, за исключением указания на существование различий в сфере действия частного и публичного права.

Тем не менее в прецедентном праве, разработанном Судом, можно обнаружить некоторые общие принципы³.

РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // Собрание законодательства РФ. 2000. 3 июля. № 27. Ст. 2882.

¹ Там же П. 3.

² Цитируется резолютивная часть Постановления Конституционного Суда РФ № 11-П от 27 июня 2000 г. // Собрание законодательства РФ. 2000. 3 июля. № 27. Ст. 2882.

³ См. по этому вопросу подробнее: *Моул Н., Харби К., Алексеева Л.Б.* Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 6. Право на справедливое судебное разбирательство. Прецеденты и комментарии. М.: Российская академия правосудия, 2001. С. 10–16.

1) Обязательно ли существование именно «спора» в смысле наличия «двух противостоящих требований»? Европейский Суд исходит из того, что это выражение следует воспринимать не в узко техническом значении, а дать ему скорее материальное, чем формальное определение, тем более что в английском тексте п. 1 ст. 6 эта «идея спора» четко не отражена, а речь идет «об определении его гражданских прав и обязанностей» («In the determination of his civil rights and obligations»)¹. Таким образом, для признания за лицом права на справедливое судебное разбирательство нет необходимости, чтобы противоположной стороной выдвигались возражения против его требований, достаточно, чтобы вообще встал вопрос об определении его гражданских прав и обязанностей. Важно также, чтобы рассматриваемый спор был бы явным и носил серьезный характер². При этом «спор», который может быть признан истинным и серьезным, может касаться не только наличия права, но и объема этого права и способа его осуществления³.

2) Не имеет значения характер законодательства, на основании которого решается данный вопрос (гражданское, коммерческое, административное и т.д.), и вид органа, на который возложены полномочия по его решению (обычный суд, административный орган и т.д.)⁴. В случае спора между частным лицом и государством, как правило, не имеет решающего значения, действовал ли официальный орган в качестве носителя гражданских прав или

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Ле Конт, Ван Левен и Де Мейер против Бельгии» от 23 июля 1981 г. // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 340–359.

² См.: *Решение*: ЕСПЧ о приемлемости по делу «Скоробогатых (Skorobogatykh) против Российской Федерации» от 8 июня 2006 г. (жалоба № 37966/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См. об этом: *Постановление* по делу «Перес (Perez) против Франции» от 12 февраля 2004 г. (жалоба № 47287/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Рингейзен против Австрии» от 14 июля 1971 г. (жалоба № 2614/65), п. 94. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010); *Постановление* ЕСПЧ по делу «Доймеланд (Deumeland) против Федеративной Республики Германии» от 29.05.1986 г. (жалоба № 9/1984). Извлечение. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

публичной власти¹. Важен только характер рассматриваемого права. В деле «Кениг против ФРГ» Суд заявил, что «будет ли право рассматриваться как гражданское в смысле Конвенции, зависит не от его юридической квалификации во внутреннем законодательстве, а от того, какое материальное содержание вложено в него этим законодательством и какие последствия оно связывает с ним»².

Суд полагает, что под категорию прав и обязанностей гражданско-правового характера подпадают, в частности:

– взаимоотношения частных лиц в их спорах между собой во всех случаях;

– взаимоотношения между частными лицами и государством, если они касаются имущественных отношений и права собственности;

– взаимоотношения, касающиеся права лица заниматься коммерческой деятельностью. В этой сфере рассматриваемые дела касались следующих вопросов: отзыва у ресторана лицензии на продажу алкогольных напитков, отзыва разрешения держать медицинскую клинику и выдачи разрешения открыть частную школу. Право заниматься профессиональной практикой, а именно медицинской или адвокатской, также подпадает под действие ст. 6;

– дела, касающиеся прав и обязанностей в сфере семейного права;

– в своем более раннем прецедентном праве Суд придерживался той точки зрения, что действие ст. 6 не распространяется на споры, касающиеся вопросов социального обеспечения. Тем не менее в настоящее время Суд распространяет понятие гражданских прав и обязанностей на те судебные разбирательства, в ходе которых принимаются решения о предоставлении права на социальное страхование, на получение медицинской страховки, пособий по инвалидности и государственных пенсий.

Так, в Постановлении по делу «Булгакова против Российской Федерации» ЕСПЧ указал: «Европейский Суд понимает, что различные социально-экономические права, такие как право на полу-

---

¹ См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Кениг (König) против ФРГ» от 28 июня 1978 г. (жалоба № 6232/73). Извлечение. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Там же.

чение государственной пенсии, происходят из публично-правовых отношений и как таковые не защищаются Конвенцией. Однако тот факт, что материальное право не гарантируется Конвенцией, не исключает, что спор о таком праве подпадает в сферу применения статьи 6 Конвенции. Несомненно, пенсионные и схожие выплаты, имеющие чисто экономическую природу, являются «гражданскими» правами по смыслу пункта 1 статьи 6 Конвенции»¹;

– гарантии, закрепленные в ст. 6, применимы и в отношении судебных разбирательств, направленных против действий администрации в вопросах, связанных с контрактами, убытками, понесенными в ходе административных и уголовных разбирательств, в том числе в случае вынесения оправдательного приговора. Например, по делу «Ковалев против Российской Федерации» Суд рассмотрел вопрос о праве на справедливое судебное разбирательство заявителя, жена которого подала гражданский иск, в котором от имени заявителя оспаривала действия сотрудников милиции, утверждая, что ее муж был незаконно задержан и с ним жестоко обращались. Она требовала выплатить в пользу заявителя 2900000 рублей. Суд указал в своем Постановлении: «Для вывода о том, что процедуры в данном деле касались «гражданского» права по смыслу статьи 6 Конвенции, Европейский Суд полагает достаточным тот факт, что предмет иска заявителя носил материальный характер и что итог национального судебного разбирательства являлся решающим для права заявителя на компенсацию»².

3) Наконец, ключевым моментом в определении того, применима или нет ст. 6, является то, имеет ли результат судебного разбирательства *определяющее значение* для частных прав и обязанностей.

Так, в деле «Кириянов против Российской Федерации» заявитель добился решения, обязывающего Правительство Российской Федерации издать общее положение о предоставлении кредитов по низким процентам военным ветеранам. Однако не предполагалось, чтобы суд устанавливал конкретные условия системы предоставления кредитов по низким процентам – это оставалось прерогативой Правительства Российской Федерации.

---

¹ См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Булгакова (Bulgakova) против Российской Федерации» от 18 января 2007 г. (жалоба № 69524/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Ковалев (Kovalev) против Российской Федерации» от 10 мая 2007 г. (жалоба № 78145/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Таким образом, по мнению Европейского Суда, ничто не свидетельствовало о том, что заявитель имел право на получение такого кредита или, даже более того, был заинтересован в его получении на условиях, установленных Правительством Российской Федерации. Иными словами, в том деле была «лишь очень тонкая связь между гражданскими правами заявителя и предметом спора»¹, что привело ЕСПЧ к выводу о том, что ст. 6 Конвенции была в том случае неприменима.

Иное имело место по делу «Булгакова против Российской Федерации». В данном деле Суд обратил внимание на следующие обстоятельства: заявительница добивалась в национальных судах увеличения размера ее пенсии. В решениях судов не указывался точный размер пенсии, подлежащей выплате заявителю. Однако суды указали на применение конкретного коэффициента к ее существующей пенсии; таким образом, размер полагающейся ей пенсии мог быть легко рассчитан, и Управление Пенсионного фонда не могло действовать по своему усмотрению (в отличие от Правительства Российской Федерации в деле «Кириянов против Российской Федерации»). На основании судебного решения было возбуждено исполнительное производство, и, как следует из исполнительного листа от 14 декабря 1999 г., приставами было предложено Управлению Пенсионного фонда выплачивать заявителю *определенную* денежную сумму. Следовательно, даже несмотря на отсутствие указания на конкретную денежную сумму в судебном решении, данное судебное разбирательство создало конкретное материальное обязательство государства в отношении заявителя². Соответственно, ст. 6 Конвенции была применена Судом.

На настоящий момент не рассматриваются Европейским Судом в качестве гражданских, например, следующие права и обязанности:

– касающиеся общих вопросов налогообложения и налоговых ставок;

---

¹ См. об этом в *Постановлении* ЕСПЧ по делу «Булгакова (Bulgakova) против Российской Федерации» от 18 января 2007 г. (жалоба № 69524/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Постановление* ЕСПЧ по делу «Булгакова (Bulgakova) против Российской Федерации» от 18 января 2007 г. (жалоба № 69524/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

– политические права и обязанности, такие как право участвовать в выборах в парламент, право выдвигаться на высшие государственные посты;

– право на получение бесплатного образования, бесплатной медицинской помощи, бесплатной юридической помощи по гражданским делам;

– решение государства в одностороннем порядке выплатить компенсации жертвам стихийного бедствия и т.п.¹;

– споры между административными органами и теми из их служащих, которые занимают должности, предусматривающие участие в осуществлении полномочий, вытекающих из норм публичного права (например, для лиц, служащих в вооруженных силах или полиции). В этой части, однако, правовые позиции Суда получили существенное развитие. Отрицая первоначально вообще право таких лиц на судебное рассмотрение их споров с государством, в дальнейшем, однако, Суд пришел к выводу, что некоторые споры сотрудников административных органов с такими органами могут быть предметом рассмотрения Суда. Так, в решении по делу «Пеллегрен против Франции» был установлен следующий стандарт в определении применимости ст. 6 к спорам с участием государственных служащих: «Трудовые споры между властями и государственными служащими, обязанности которых заключаются в осуществлении типичных функций государственной службы, в той степени, в которой последняя выступает в качестве реализации публичной власти, осуществляющей защиту общих интересов Государства, не являются «гражданскими» и не подпадают под действие статьи 6 (1) Конвенции»². Любые другие сотрудники административных органов ничем не отличаются по своему статусу от всех иных лиц, на которых действие ст. 6 Конвенции распространяется в полном объеме.

В дальнейшем данный подход был еще откорректирован, и современный подход Суда к такого рода спорам наиболее четко отражен в постановлениях по делам «Вильо Эскелинен и другие про-

---

¹ Об этом см. подробнее: Моул Н., Харби К., Алексеева Л.Б. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 6. Право на справедливое судебное разбирательство. Прецеденты и комментарии. М.: Российская академия правосудия, 2001. С. 19–23.

² См.: *Постановление* Большой палаты ЕСПЧ по делу «Пеллегрен (Pellegrin) против Франции» от 8 декабря 1999 г. (жалоба № 28541/95). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тив Финляндии»¹, а также «Довгучиц против Российской Федерации»². В соответствии с ними: «В итоге для того, чтобы власти государства-ответчика имели возможность сослаться на статус заявителя как государственного служащего, чтобы исключить действие в отношении него ст. 6 Конвенции, необходимо соблюдение двух условий. Во-первых, государство в своем законодательстве должно явно исключить доступ к суду определенных служащих или категории служащих. Во-вторых, такое исключение должно быть объективно обосновано государственными интересами. Сам по себе факт, что заявитель работает в подразделении или органе, участвующем в осуществлении властных полномочий в соответствии с нормами публичного права, не является решающим. Для обоснования такого исключения установление того, что государственный служащий участвует в реализации властных полномочий или что существуют, выражаясь словами Европейского Суда в Постановлении Европейского Суда по делу «Пеллегрэн против Франции», «особые узы доверия и лояльности» между государственным служащим и государством как его работодателем, не является достаточным для государства. Государство также должно продемонстрировать, что предмет спора связан с реализацией государственных полномочий и что он может нарушить эти «особые узы». Таким образом, не может в принципе существовать обоснования для исключения из сферы действия ст. 6 Конвенции обычных трудовых споров, например, касающихся взыскания заработной платы, пособий и аналогичных выплат, в соответствии с особой природой отношений между конкретным государственным служащим и государством-ответчиком. Всегда будет существовать презумпция применения ст. 6 Конвенции к спору. Таким образом, именно власти государства-ответчика должны доказать, что, во-первых, право государственного служащего на доступ к суду не предусмотрено национальным законодательством, и, во-вторых, что исключение

---

¹ *Постановление ЕСПЧ по делу «Вильо Эскелинен и другие (Vilho Eskelinen and Others) против Финляндии» от 19 апреля 2007 г. (жалоба № 63235/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

² *См.: Постановление ЕСПЧ по делу «Довгучиц (Dovguchits) против Российской Федерации» от 7 июня 2007 г. (жалоба № 2999/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

прав государственного служащего, гарантированных ст. 6 Конвенции, является обоснованным¹.

Вызывает, соответственно, интерес позиция Суда по вопросу о том, имеется ли право на судебную защиту у судьи, в случае принятия решения о лишении его судейского статуса. Эта позиция претерпела аналогичные изменения.

Так, в решении Суда о неприемлемости жалобы «Питкевич против Российской Федерации» было указано: «...Судья имеет конкретные обязанности в сфере отправления правосудия, которая является сферой суверенных полномочий Государства. Следовательно, судья принимает непосредственное участие в осуществлении полномочий, вытекающих из норм публичного права, и исполняет обязанности, призванные защищать общие интересы Государства. Из этого следует, что спор, касающийся лишения заявительницы полномочий судьи, не затрагивал ее «гражданских» прав или обязанностей в значении статьи 6 Конвенции. Соответственно, эта норма неприменима по настоящему делу»².

Однако в настоящее время, решая вопрос о применимости к подобным ситуациям ст. 6 Конвенции, Суд исходит из критериев, сформулированных по делу «Вильо Эскелинен и другие против Финляндии». Вследствие этого в своем Постановлении по делу «Олуич против Хорватии» Суд пришел к выводу, что поскольку заявителя вследствие дисциплинарного производства не только отстранили от должности, но и лишили статуса судьи, а национальное законодательство позволяло обжаловать это решение в орган, являющийся «судом» в смысле Конвенции, то в деле заявителя применима ст. 6 Конвенции в ее гражданско-правовом аспекте³.

Обращаясь к российскому законодательству, следует отметить, что в Российской Федерации лица, лишенные статуса судьи, также

---

¹ См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Довгучич (Dovguchits) против Российской Федерации» от 7 июня 2007 г. (жалоба № 2999/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: *Решение*: ЕСПЧ по вопросу приемлемости жалобы по делу «Питкевич (Pitkevich) против Российской Федерации» от 08 февраля 2001 г. (жалоба № 47936/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: *Извлечение* из Постановления ЕСПЧ по делу «Олуич (Olujić) против Хорватии» от 05 февраля 2009 г. (жалоба № 22330/05) // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 6. С. 23–26.

имеют теперь право обжаловать такое решение в специальный судебный орган – Дисциплинарное судебное присутствие. Это означает, что за судьями в Российской Федерации признается право на судебную защиту по вопросам привлечения их к дисциплинарной ответственности и досрочного прекращения их полномочий, а значит, деятельность Дисциплинарного судебного присутствия должна удовлетворять всем критериям справедливого судебного разбирательства.

Таким образом, право, предусмотренное ст. 6 Конвенции (в ее гражданско-правовом аспекте), в уголовном судопроизводстве РФ должно быть признано:

– за гражданским истцом (о потерпевшем как о специфическом субъекте права на справедливое судебное разбирательство см. ниже) и за гражданским ответчиком;

– за каждым лицом, имеющим право на реабилитацию;

– за любым лицом, если в ходе уголовного судопроизводства ограничены его права и интересы, спор относительно которых является по своему существу «гражданско-правовым» в понимании Европейского Суда по правам человека. Например, можно с достаточной уверенностью говорить о том, что право на справедливое судебное разбирательство должно признаваться за лицом, у которого в ходе обыска было изъято какое-либо имущество. Немаловажное значение для реализации данного права имеет возможность судебного обжалования решений и действий (бездействия) следователя, дознавателя, прокурора. Необходимость существования возможности такого обжалования первоначально была признана Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении № 5-П от 23 марта 1999 г. и реализована законодателем в УПК РФ (ст. 125 УПК РФ)¹. Однако предоставление заинтересованным лицам возможности обжалования в суд решений и действий (бездействия) следователя, дознавателя, прокурора на досудебном этапе уголовного судопроизводства не гарантирует еще полноценную

---

¹ *Постановление Конституционного Суда РФ от 23.03.1999 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырцекого, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком» // Собрание законодательства РФ. 1999. 5 апр. № 14. Ст. 1749.*

возможность реализации их прав на справедливое судебное разбирательство, поскольку рассмотрение судом соответствующих жалоб с необходимостью сопровождается ограничениями, связанными с недопустимостью предрешения вопросов, являющихся предметом судебного разбирательства по уголовному делу. Ряд вопросов может быть разрешен в окончательной форме только в ходе рассмотрения дела по существу. Так, в соответствии со ст. 299 УПК РФ судом при вынесении приговора по делу решается «судьба» имущества, признанного вещественным доказательством по уголовному делу, или имущества, арестованного в ходе уголовного судопроизводства. В результате собственник или законный владелец такого имущества может лишиться его окончательно по итогам такого судебного разбирательства. Между тем УПК РФ не рассматривает указанных лиц в качестве возможных участников судебного разбирательства, не гарантирует им (если только они не наделены одновременно статусом участников уголовного процесса в соответствии с гл. 6 и 7 УПК РФ) прав, необходимых для отстаивания своей позиции перед судом, что способно привести (и приводит) к фактическому лишению их права на справедливое судебное разбирательство в ситуации, когда имеется спор об их гражданских правах и обязанностях.

Несколько отличающаяся ситуация возникает, когда речь идет об ограничении или лишении в ходе уголовного судопроизводства таких прав, которые не могут быть однозначно отнесены к числу гражданско-правовых (право на тайну личной жизни, на неприкосновенность жилища, на свободу и личную неприкосновенность). Ниже будет показано, что если речь идет о правах, закрепленных в Конвенции (а вышеперечисленные ситуации относятся именно к такой категории), то, как минимум, основные гарантии справедливости судебного разбирательства должны быть предоставлены заинтересованным лицам на основании аналогии (поскольку им должны быть предоставлены эффективные средства защиты прав, предусмотренных Конвенцией). Однако в вышеуказанных случаях лица, считающие, что нарушены их права, закрепленные в Конвенции, как представляется, являются и непосредственными субъектами права на справедливое судебное разбирательство в его гражданско-правовом аспекте, по следующим основаниям. В соответствии со ст. 41 Конвенции лицо, чьи права, закрепленные в Конвенции, были нарушены, имеет право на полное устранение последствий

этого нарушения, в том числе и путем выплаты ему денежной компенсации. Статьи 1069–1070 ГК РФ предусматривают обязанность государства по возмещению вреда, причиненного гражданину или юридическому лицу в результате незаконной деятельности органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, основания и порядок такого возмещения. Однако иски о компенсации вреда, причиненного лицу в связи с нарушением его прав, предусмотренных Конвенцией, допущенным в ходе досудебного производства по уголовному делу, имеют чрезвычайно мало шансов на удовлетворение или даже не имеют их вовсе, если в ходе уголовного судопроизводства не было принято решения, подтверждающего незаконный характер соответствующих действий (либо не было прекращено уголовное преследование/ не вынесен оправдательный приговор). Поэтому, например, обращение в суд в порядке ст. 125 УПК РФ с жалобой на незаконный характер обыска значимо не только для решения вопроса о признании недопустимым доказательством протокола такого обыска (что, возможно, само по себе и не является спором о гражданских правах и обязанностях). Результат соответствующего судебного разбирательства тем не менее имеет определяющее значение для решения в будущем вопроса о взыскании с государства компенсации (например, за нарушение права на неприкосновенность жилища, права на уважение личной и семейной жизни, жилища и корреспонденции, предусмотренного ст. 8 Конвенции). Такая компенсация имеет денежный характер, а потому право на ее получение – это гражданское право. Соответственно, лицо, которое полагает, что имеет право на нее рассчитывать, должно быть признано субъектом права на справедливое судебное разбирательство, в том числе и в уголовном судопроизводстве.

2.2. Потерпевший в круге субъектов права на справедливое судебное разбирательство

Легко увидеть, что в ст. 6 Европейской конвенции прямо не упоминается потерпевший от преступления. Означает ли это, что тем самым право на справедливое судебное разбирательство не признается за лицом, потерпевшим от преступления, если им не заявлено требование о компенсации причиненного вреда (последнее, как уже показано выше,

автоматически делает для него данный спор спором, направленным на определение его гражданских прав и обязанностей)? Собственно говоря, первоначально Европейский Суд по правам человека действительно исходил из буквального толкования данной нормы, не признавая за потерпевшим право на возбуждение уголовного преследования и не расширяя на потерпевшего, не заявившего гражданского иска, право на справедливое судебное разбирательство¹.

В последние десятилетия существенно изменилась позиция стран – членов Совета Европы в отношении прав жертвы преступления. В частности, Кабинетом министров Совета Европы в рекомендациях NR (85) «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» и NR (87) 18 «Относительно упрощения уголовного правосудия», предписано, например, учитывать позицию потерпевшего при принятии решения об отказе от уголовного преследования, а также предоставить потерпевшему право просить о пересмотре решения об отказе от уголовного преследования или право возбуждать частное разбирательство. Но за ним тогда должно быть признано и право на доступ к правосудию и, соответственно, он должен рассматриваться и как субъект права на справедливое судебное разбирательство.

И действительно, позиция Европейского Суда в отношении такого субъекта, как потерпевший, также претерпела глубокие изменения, направленные на то, чтобы право потерпевшего на справедливое судебное разбирательство (в том числе и на доступ к правосудию) не ограничивалось случаями заявления им гражданского иска. Наиболее полно итоги формирования нынешней позиции ЕСПЧ в отношении потерпевшего от преступления как субъекта права, предусмотренного ст. 6 Конвенции, а также содержание такой позиции отражены в Постановлении по делу «Перес против Франции»². В соответствии с этим Постановлением:

1) Потерпевший все же не признается Европейским Судом субъектом «права на месть» или субъектом, имеющим право дейст-

---

¹ См. об этом подробнее: *Алексеева Л.Б.* Право на справедливое судебное разбирательство: реализация в УПК РФ общепризнанных принципов и норм международного права: Дис. в форме научного доклада ... д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 16–18.

² См.: *Постановление ЕСПЧ по делу «Перес (Perez) против Франции» от 12 февраля 2004 г. (жалоба № 47287/99)*. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

зовать в публичных интересах. Поэтому в уголовном судопроизводстве за ним может быть признано право на справедливое судебное разбирательство только в его гражданско-правовом значении. Таким образом, «о праве на преследование в уголовном порядке третьих лиц или осуждение их за совершение преступления нельзя заявлять независимо: оно должно быть неотделимо от осуществления потерпевшим своего права на возбуждение гражданского производства, предусмотренного национальным законодательством, даже если только для того, чтобы обеспечить символическую компенсацию или защитить гражданское право, как например, право на «хорошую репутацию»¹. В том же случае, когда потерпевшим поднимался только вопрос о тяжести наказания, Суд заключил, что основная цель участия потерпевшего в уголовном деле заключалась только в принятии карательных мер или осуществлении права на «частную месть», которая не гарантируется Конвенцией как таковая, поэтому отказ в доступе его к участию в правосудии по уголовному делу не противоречит ст. 6 Конвенции².

2) При этом исход судебного разбирательства по уголовному делу должен быть непосредственно решающим по отношению к рассматриваемому праву. Например, по делу «Аквивива против Франции» Европейский Суд установил, что п. 1 ст. 6 Конвенции применим, так как «выбрав уголовный процесс, заявители инициировали судебное уголовное производство с целью добиться осуждения правонарушителей, которое являлось предварительным условием получения компенсации, и сохранили свое право заявить требование о возмещении вреда в ходе судебного разбирательства, вплоть до его завершения... Факт самообороны – которая исключает любую уголовную или гражданскую ответственность – установленный Обвинительной камерой Версальского апелляционного суда... лишил их права возбуждать иск о выплате компенсации. Таким образом, исход судебного разбирательства был по смыслу пункта 1 статьи 6 Конвенции непосредственно определяющим для

---

¹ См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Перес (Perez)... П. 70.

² *Информация* о Постановлении ЕСПЧ по делу «Михова (Mihova) против Италии» от 30 марта 2010 г. (жалоба № 25000/07) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 9. С. 26–27.

решения вопроса об их праве требования компенсации»¹. Аналогичный подход Суд применил, например, по делу «Томази против Франции», где право на получение потерпевшим компенсации зависело от осуждения лиц, подвергших его, по его утверждению, жестокому обращению. По делу «Мэни против Франции» Суд признал, что в случае, когда уголовное судопроизводство было прекращено в связи с отсутствием оснований для привлечения офицеров полиции к ответственности, гражданское судопроизводство по данному вопросу неизбежно вело к отрицательному результату и являлось недействительным средством правовой защиты, так как заявитель, не сумевший доказать в уголовном суде свои обвинения, не имеет никаких шансов добиться положительного результата в судах по гражданским делам².

Применительно к праву Франции ЕСПЧ проанализировал французское законодательство с целью установить, зависит ли вообще во Франции результат рассмотрения иска в гражданском суде от результата рассмотрения уголовного дела. По праву Франции в соответствии с ч. 1 ст. 4 Уголовно-процессуального кодекса потерпевшие имеют право заявлять гражданские иски в суды по гражданским делам отдельно от уголовного производства. Часть 1 ст. 3 того же Кодекса предоставляет им возможность подать такой иск одновременно и в суды по уголовным делам. Часть 2 ст. 3 уточняет, что гражданский иск является приемлемым в отношении любого ущерба, причиненного рассматриваемым правонарушением. Таким образом, французское законодательство (как, отметим сразу, и российское) предлагает потерпевшему выбор между гражданским и уголовным судопроизводством. В случае выбора гражданского судопроизводства тот факт, что ущерб причинен преступлением, означает, что гражданское производство применяется только при соблюдении определенных условий: окончательность выбора (ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса); принцип, в силу которого «гражданское судопроизводство зависит от исхода уголовного производства»; и принцип, согласно которому «окончательное решение по уголовному процессу имеет преимущественную силу по отношению к гражданскому иску». В этой ситуации ЕСПЧ сделал

---

¹ *Постановление ЕСПЧ по делу «Перес (Perez) против Франции» от 12 февраля 2004 г. (жалоба № 47287/99), п. 50. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

² См.: *Постановление ЕСПЧ по делу «Перес (Perez)»... П. 53.*

вывод, что для потерпевшего результат уголовного процесса «является определяющим для его гражданских прав и обязанностей». Нетрудно заметить, что ситуация в процессе Российской Федерации аналогична: потерпевший может подать гражданский иск в уголовном деле или обратиться с иском в порядке гражданского судопроизводства. При этом приговор по уголовному делу имеет преюдициальное значение для гражданского судопроизводства. Постановление о прекращении уголовного преследования в связи с отказом прокурора от обвинения, хотя формально и не имеет преюдициального значения, фактически также предопределяет результат рассмотрения гражданского дела. В этой ситуации уголовное судопроизводство для потерпевшего имеет решающее значение для определения его гражданских прав и обязанностей. Эту позицию разделяет и ЕСПЧ. В Постановлении по делу «Менешева против Российской Федерации», рассматривая вопрос о приемлемости жалобы, Суд указал: «В то время как суды, рассматривающие гражданские дела, вправе самостоятельно давать независимую оценку вопросам факта, на практике значимость, придаваемая предшествующему уголовному расследованию, настолько важна, что даже самые убедительные доказательства, противоречащие выводам такого расследования, представленные истцом, во многих случаях были бы признаны «не относящимися к делу»¹.

3) Отказ потерпевшего от своего права на справедливое судебное разбирательство должен быть установлен определенно, недвусмысленным образом.

При этом в соответствии с современной позицией ЕСПЧ потерпевший не связан жестко какими-либо сроками для обращения с такого рода требованиями, а также соблюдением определенной процедуры их заявления. Так, в Постановлении по делу «Айт-Мухуб против Франции» Суд постановил, что жалоба заявителя касалась гражданского права, поскольку тот ясно говорил о финансовых убытках, причиненных ему предполагаемыми правонарушениями. Более того, Европейский Суд пришел к выводу, что судебное разбирательство по вопросу наличия у заявителя права на получение компенсации имело «решающий» характер: жалоба была представлена с целью «...добиться осуждения, что позволило бы

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Менешева (Menecheva) против Российской Федерации» от 09 марта 2006 г. (жалоба № 59261/00), п. 72. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ему осуществить свои гражданские права в отношении предполагаемых правонарушений и, в частности, получить компенсацию за финансовые убытки». Европейский Суд счел не относящимся к делу тот факт, что в момент подачи жалобы заявитель не указал размер своих убытков, так как французское законодательство предусматривало возможность представления требования о возмещении вреда в течение всего судебного разбирательства, вплоть до его окончания¹.

В п. 63 Постановления по делу «Перес против Франции» Суд указал, что не имеет существенного значения, был ли заявлен потерпевшим гражданский иск. По его мнению, все вступившие в процесс стороны полноправно являются сторонами в судебном разбирательстве по защите их гражданских интересов и имеют право на любой стадии этого разбирательства требовать компенсацию. Тот факт, что они могут предпочесть не заявлять на определенной стадии процесса требование о выплате им компенсации, не умаляет гражданский характер их требования, равно как и не лишает их права на заявление подобного требования на более поздней стадии; в любом случае до окончания судебного разбирательства по существу дела невозможно доказать, что они не воспользовались своим правом². В любом случае применение ст. 6 Конвенции возможно даже при отсутствии требования о финансовой компенсации: достаточно, чтобы исход судопроизводства являлся окончательным в отношении рассматриваемых «гражданских прав»³.

Необходимо отметить, что ранее ЕСПЧ исходил из того, что если потерпевший не заявил до самого конца уголовного судопроизводства о своем желании защитить свои гражданские права, нарушенные преступлением, и у него сохраняется право на защиту их в порядке гражданского судопроизводства, то исход такого уголовного дела не имел решающего значения для гражданских прав и обязанностей потерпевшего. Так, по делу «Амер против Франции» Европейский Суд, отметив, что ни в ходе предварительного расследования, ни в ходе судебного разбирательства в суде присяжных заявитель Амер не подавала требование о компенсации и что впо-

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Перес (Perez) против Франции» от 12 февраля 2004 г. (жалоба № 47287/99), п. 52. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Там же. П. 63.

³ Там же. П. 65.

следствии она могла бы заявить это требование в судах по гражданским делам, заключил, что в этом деле судебное разбирательство не являлось решающим в целях п. 1 ст. 6 Конвенции¹. Видимо, на настоящий момент эта позиция смягчена, однако тем не менее потерпевший, для того чтобы иметь право на справедливое судебное разбирательство в уголовном процессе, по мнению Суда, должен проявить определенную инициативу, направленную на активное участие его в процессе, заявлять о нарушении преступлением каких-то своих гражданских прав. При наличии таких обстоятельств (даже если им и не был заявлен гражданский иск) он является в уголовном процессе лицом, в отношении которого решается спор о его гражданских правах и обязанностях.

4) Однако какие же гарантии реализации права на справедливое судебное разбирательство должен иметь потерпевший? И не поглощаются ли его права на активное участие в судебном разбирательстве полномочиями государственного обвинителя?

Позиция Суда по этим вопросам состоит в следующем:

Потерпевший, если уголовный процесс является определяющим для решения вопроса о его гражданских правах и обязанностях, имеет право на справедливое судебное разбирательство дела. При этом гарантии реализации его права на справедливое судебное разбирательство не идентичны гарантиям, предоставляемым в том же процессе обвиняемому, поскольку для гражданских споров не существует детализированных положений, аналогичных описанным в п. 2 и 3 ст. 6 Конвенции. Это, однако, не означает, что Европейский Суд может не принимать во внимание положение потерпевших и умалять значение их прав².

Потерпевший, как уже было указано выше, не является, по мнению Европейского Суда, субъектом «права на месть» и, соответственно, в уголовном процессе он не действует на стороне обвинения, а реализует собственные интересы. На этой основе Европейский Суд отметил, что гражданского истца (потерпевшего) нельзя считать ни оппонентом стороны обвинения, ни ее союзником, учитывая тот факт, что их соответствующие роли и цели абсолютно различны³. Однако он является **самостоятельной стороной**

---

¹ См.: *Постановление ЕСПЧ по делу «Перес (Perez)»*... П. 51.

² Там же. П. 72.

³ Там же. П. 68.

в процессе и ему принадлежат, как минимум, все права, имеющиеся у стороны в гражданском процессе. В частности, его право на справедливое судебное разбирательство, гарантированное п. 1 ст. 6 Конвенции, включает право представлять любые замечания, которые он считает относящимися к их делу, с тем, чтобы суд был обязан выслушать их и мог принять решение с их учетом. Таким образом, Суд не считает, что потерпевший действует на стороне обвинения и, соответственно, его права не могут поглощаться полномочиями прокурора.

В то же время, по мнению Суда, ст. 6 Конвенции применима к судебным разбирательствам, в ходе которых рассматриваются (могут рассматриваться) гражданские иски, даже на стадии предварительного расследования, взятой отдельно¹. То есть вопрос о соблюдении права потерпевшего на доступ к суду встает и тогда, когда в возбуждении уголовного дела по его заявлению было отказано или если производство по уголовному делу было прекращено на досудебной стадии. При этом потерпевшие должны иметь возможность оспаривать решение, принятое прокуратурой (а для Российской Федерации – и органами предварительного следствия), не продолжать расследование, что может осуществляться, в том числе, путем предоставления им права самим начать и осуществлять такое расследование.

Сравнивая указанные выше позиции Европейского Суда по вопросу о положении потерпевшего в уголовном процессе с российским уголовно-процессуальным законодательством и толкованием его норм Конституционным Судом Российской Федерации, следует отметить, что:

А) Конституция Российской Федерации фактически распространяет право на справедливое судебное разбирательство на всех потерпевших, вне зависимости от того, проявляли ли они инициативу, направленную на вступление в процесс, и заявляли ли они о нарушении их гражданских прав, поскольку в соответствии со ст. 52 Конституции РФ все потерпевшие имеют право на доступ к правосудию. Между тем правосудием может считаться, как представляется, только такое рассмотрение и разрешение дела судом, которое отвечает всем требованиям, предъявляемым к справедливому судебному разбирательству. Это не противоречит Европейской конвенции, поскольку государства, ратифицировавшие ее,

---

¹ См.: *Постановление ЕСПЧ по делу «Перес (Perez)»*... П. 66.

должны обеспечивать права граждан, как минимум, в пределах, закрепленных в Конвенции. Однако они могут предоставлять и более широкие права, если это не нарушает прав иных лиц. В данном случае это означает, что Российская Федерация приняла на себя обязанность обеспечить право на справедливое судебное разбирательство всем потерпевшим без каких-либо исключений. При этом термин «потерпевший» должен пониматься не в его уголовно-процессуальном толковании, относящем к числу потерпевших только лиц, признанных таковыми следователем, дознавателем, судьей, но в более широком толковании, позволяющем обеспечивать право на доступ к правосудию также всем лицам, считающим себя потерпевшими от преступления и проявившими инициативу, направленную на признание их потерпевшими или гражданскими истцами в уголовном процессе.

Б) Конституционный Суд Российской Федерации, а вслед за ним и законодатель существенно отличающимся образом (по сравнению с Европейским Судом по правам человека) определяют роль потерпевшего в уголовном процессе. В частности, в Постановлении от 15 января 1999 г. № 1-П Конституционный Суд Российской Федерации указал, что потерпевший заинтересован, в частности, в том, чтобы способствовать раскрытию преступления, установлению истины по делу, изобличению преступника и справедливому воздаянию за содеянное¹. При этом Конституционный Суд Российской Федерации признал за потерпевшим права стороны по уголовному делу («стороны, противостоящей обвиняемому (подсудимому)»)², а в более поздних актах конкретно указал на отнесение потерпевшего к стороне обвинения. Вслед за ним законодатель в УПК РФ отнес потерпевшего к числу субъектов, действующих на стороне обвинения, а также (в ст. 42 УПК РФ) закрепил за ним право поддерживать обвинение.

Как представляется, такой подход, в принципе, также допустим, хотя и противоречит позиции ЕСПЧ, не признающей за потерпевшим «права на месть». Однако применение такого подхода в

---

¹ *Постановление Конституционного Суда РФ от 15.01.1999 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 295 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина М.А. Клюева» // Собрание законодательства РФ. 1999. 25 янв. № 4. Ст. 602.*

² Там же.

любом случае не должно создавать препятствия для реализации потерпевшим его права на справедливое судебное разбирательство, а стало быть, не должно умалять тех прав, которые должны быть ему предоставлены **как самостоятельной стороне**¹.

В) При этом реалии уголовно-процессуального законодательства РФ и практики его применения свидетельствуют о том, что отнесение потерпевшего к числу субъектов, действующих на стороне обвинения, не предоставляет ему каких-то дополнительных возможностей (по сравнению с его положением как самостоятельной стороны в процессе), поскольку не сопровождается предоставлением ему реальных полномочий, необходимых для осуществления потерпевшим обвинительной деятельности наряду с государственным обвинителем (или вместо него). Напротив, отнесение потерпевшего к числу участников, действующих на стороне обвинения, служит обоснованием для поглощения его полномочий полномочиями следователя и государственного обвинителя². Так, в соответствии с ч. 7 ст. 246 УПК РФ полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства с необходимостью влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей части, вне зависимости от позиции потерпевшего. Таким образом, потерпевший лишается прав стороны судебного разбирательства, так как он не имеет реальной возможности довести до суда свою позицию по вопросу о прекращении уголовного дела (поскольку суд не вправе учесть ее при вынесении решения). В этой ситуации представляется не гарантирующим реальное право потерпевшего на судебную защиту, на доступ к правосудию, на справедливое судебное разбирательство. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 г. № 18-П, в котором Суд, обосновав наличие у потерпевшего права иметь реальную возможность довести свою позицию относительно всех аспектов дела до сведения суда, не нашел нарушения конституционного права на судебную защиту в положении, при котором суд,

---

¹ Применение такого подхода одновременно не должно нарушать и право обвиняемого на справедливое судебное разбирательство.

² См., например: *Мизулина Е.Б.* Поправки в УПК РФ: правовая необходимость или политическая целесообразность // Уроки реформы уголовного правосудия в России / Отв. ред. А.Е. Лебедев и Е.Б. Мизулина. М.: Норма, 2007. С. 105–106.

выслушав мнение потерпевшего, не имеет возможности учесть это мнение при вынесении итогового решения по делу¹. Как уже было указано выше, при таких условиях заслушивание мнения потерпевшего судом по вопросу о прекращении дела превращается в формальность, в бессмыслицу, а само право потерпевшего на судебную защиту приобретает иллюзорный характер. Более того, отказ потерпевшему в судебной защите не может быть компенсирован и в последующем, поскольку обжалование потерпевшим постановления о прекращении уголовного дела в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения также представляет лишь иллюзорную, а не реальную возможность защиты его прав ввиду того, что такое постановление выносится судом в полном соответствии с законом.

2.3. Участники, по отношению к которым ст. 6 Конвенции или ее отдельные положения применяются по аналогии

1) В ряде случаев ЕСПЧ приходил к выводу о наличии у государства обязанности предоставления лицу основных гарантий справедливости судебного разбирательства даже в случаях, не подпадающих прямо под действие ст. 6 Конвенции. К их числу прежде всего следует отнести случаи временного лишения лица свободы (например, при применении меры пресечения или при применении принудительных мер медицинского характера в отношении душевнобольных).

Так, Суд при рассмотрении жалобы «Де Вильде, Оомс и Версип против Бельгии» в п. 79 указал, что поскольку лишение свободы (за бродяжничество) походит на лишение свободы, налагаемое уголовным судом, то и «применяемая процедура не должна предоставлять гарантии заметно более слабые по сравнению с теми, кото-

---

¹ *Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Собрание законодательства РФ. 2003. 22 дек. № 51. Ст. 5026.*

рые существуют для уголовных дел в государствах – членах Совета Европы»¹.

При этом, по мнению Суда, такая судебная процедура не обязательно должна сопровождаться такими же точно гарантиями, какие предусмотрены ст. 6 для разбирательства гражданских и уголовных дел. Однако существенно, чтобы лицу, в отношении которого рассматривается вопрос о лишении его свободы, были бы предоставлены «фундаментальные гарантии процедуры, применяемой при рассмотрении вопроса о лишении свободы»².

В более позднем Постановлении по делу «Николов против Болгарии» от 30 января 2003 г. Суд указал, что непредоставление защитнику доступа к материалам дела при рассмотрении вопроса о законности меры пресечения нарушает право заявителя на рассмотрение судом этого вопроса, так как при этой процедуре должны соблюдаться **основные гарантии справедливого судебного разбирательства** и процессуального равенства сторон³.

Таким образом, основные гарантии справедливости судебного разбирательства должны (по аналогии) распространяться:

– на процедуру принятия решения о лишении лица свободы в качестве меры пресечения, а также на процедуры пересмотра такого решения и продления срока содержания под стражей;

– на процедуру принятия решения по вопросу о применении принудительных мер медицинского характера, а также на процедуру пересмотра судебного решения.

Соответственно, лица, в отношении которых принимаются (могут приниматься) такие решения, являются если не субъектами права на справедливое судебное разбирательство, то, по крайней

---

¹ См.: *Постановление* по делу «Де Вильде, Оомс и Версип (De Wilde, Ooms and Versip) против Бельгии» от 18 июня 1971 г. (жалобы № 2832/66; 2835/66; 2899/66). Извлечение. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Постановление* ЕСПЧ по делу «Винтерверп (Winterwerp) против Нидерландов» от 24 октября 1979 г. (жалоба № 6301/73) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 299–300.

³ См. об этом, например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Лебедев (Lebedev) против Российской Федерации» от 25 октября 2007 г. (жалоба № 4493/04), п. 71. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

мере, субъектами, имеющими право на доступ к правосудию и на рассмотрение дела с соблюдением основных гарантий справедливости судебного разбирательства.

2) Статья 13 Конвенции гарантирует каждому, чьи права и свободы, признанные в Конвенции, нарушены, «право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве». Европейский Суд при этом не связывает эффективность только и исключительно с судебной формой защиты права. Он полагает, что, как правило, если какое-либо одно правовое средство защиты само по себе полностью не соответствует требованиям ст. 13 Конвенции, возможно, что совокупность правовых средств защиты, предусмотренных внутригосударственным правом, удовлетворяет требованиям ст. 13 Конвенции¹. В результате в конкретной ситуации он может прийти к выводу о том, что даже если не существовало судебного порядка защиты какого-либо права, возможно, его защита была эффективно обеспечена совокупностью иных способов². Однако по общему правилу Суд рассматривает в качестве эффективного средства защиты права только судебную процедуру, которая при этом должна соответствовать минимальным гарантиям справедливого судебного разбирательства. Суд полагает при этом, что п. 1 ст. 6 Конвенции является специальной нормой по отношению к ст. 13 Конвенции, иными словами, требования ст. 13 Конвенции являются менее строгими, чем требования ст. 6 Конвенции³.

3) По мнению Суда, в целях защиты права на уважение частной и семейной жизни (ст. 8 Конвенции) необходимо осуществление судебного контроля за ограничениями таких прав (дача разрешения на обыск, на прослушивание телефонных переговоров) за некото-

---

¹ См., например: *Постановление ЕСПЧ по делу «Менешева (Menesheva) против Российской Федерации»* от 9 марта 2006 г. (жалоба № 59261/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См., например: *Постановление ЕСПЧ по делу «Леандер (Leander) против Швеции»* от 26 марта 1987 г. (жалоба № 9248/81), § 77, 81–82. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010); *Постановление ЕСПЧ по делу «Вильхо Эскелинен (Vilho Eskelinen) и другие против Финляндии»* от 19.04.2007 г. (жалоба № 63235/00), п. 78. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: *Постановление ЕСПЧ по делу «Менешева (Menesheva) против Российской Федерации»* от 09.03.2006 г. (жалоба № 59261/00), п. 102. «КонсультантПлюс».

рыми операциями полиции. Такой судебный контроль при этом, как правило, не может (в силу необходимости соблюдения секретности соответствующих мероприятий) осуществляться по правилам, предусмотренным в ст. 6 Конвенции.

В то же время Суд исходит из того, что хотя данный контроль и не подпадает под действие ст. 6, но суды, принимая соответствующие решения, обязаны исходить из необходимости защиты прав, предусмотренных Конвенцией (в том числе права на уважение частной и семейной жизни), недопустимости их произвольного ограничения. Поэтому такие решения должны быть мотивированными, основанными на изучении судьей материалов, подтверждающих необходимость ограничения прав, предусмотренных Конвенцией. Так, по делу «Иордаки и другие против Молдавии» Суд указал: «С учетом того, что молдавские суды удовлетворяли практически все ходатайства, поступавшие от органов преследования в 2007 году, Европейский Суд заключает, что судьи не задумывались об обосновании разрешений на негласное прослушивание, а система допускала злоупотребления»¹.

---

¹ *Информация* о Постановлении ЕСПЧ по делу «Иордаки и другие (Iordachi and Others) против Молдавии» от 10 февраля 2009 г. (жалоба № 25198/02) // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 6. С. 29–30.

Глава 3. Право на доступ к правосудию как один из элементов права на справедливое судебное разбирательство

3.1. Содержание права на доступ к правосудию и его соотношение с правом на справедливое судебное разбирательство

1) Вопрос о том, следует ли включать в содержание права на справедливое судебное разбирательство дела также право на доступ к правосудию, т.е. право инициировать судебное производство, впервые был поставлен перед Европейским Судом по правам человека при рассмотрении дела «Голдер против Соединенного Королевства»¹. Данное дело касалось заключенного, находившегося в тюрьме, которому было отказано в разрешении получить консультацию адвоката о возможности предъявить сотруднику тюрьмы гражданский иск о диффамации. В Постановлении по делу «Голдер против Соединенного Королевства» Суд заявил, что «если бы текст ч. 1 ст. 6 понимался как говорящий исключительно о движении дела, которое уже передано в суд, то договаривающееся Государство могло бы, не нарушая эту статью, упразднить свои суды или вывести из их юрисдикции рассмотрение некоторых видов гражданских дел, поручив их органам, находящимся в зависимости от правительства...»² По мнению Суда, было бы немыслимо, чтобы ч. 1 ст. 6 содержала подробное описание предоставляемых сторонам процессуальных гарантий в гражданских делах и не защищала бы в первую очередь того, что дает возможность практически пользоваться такими гарантиями, а

---

¹ *Постановление ЕСПЧ по делу «Голдер (Golder) против Соединенного Королевства» от 21 февраля 1975 г. (жалоба № 4451/70), п. 35 // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 45.*

² Там же.

именно, доступа к суду. Такие характеристики процесса, как справедливость, публичность, динамизм, лишаются смысла, если нет самого судебного разбирательства.

Таким образом, право на доступ к правосудию воспринимается ЕСПЧ как одна из необходимых составляющих права на справедливое судебное разбирательство.

2) Но такое право должно иметь не формальный и иллюзорный характер, а реальный и исполнимый. Так, в деле «Эйри против Ирландии» заявительнице, у которой было недостаточно средств, было отказано в предоставлении бесплатной юридической помощи для обращения в суд по вопросу о раздельном проживании со своим супругом. В результате она не получила реального права доступа в Высший Суд для подачи петиции с просьбой о принятии судебного постановления о раздельном проживании супругов. Рассмотрев данное дело, Суд пришел к выводу, что хотя у заявительницы и было формальное право на обращение в суд, реализовать его она не могла в силу того, что сложность процедуры подачи петиции и рассмотрения дела в Высшем Суде исключали возможность самостоятельного представления ею своих интересов, а на оплату помощи адвоката у нее не было средств. В постановлении по данному делу Суд заявил, что «часть 1 ст. 6 может в некоторых случаях понуждать государство предоставлять помощь адвоката, когда она необходима для обеспечения реального доступа к правосудию либо по причине того, что по определенным категориям дел юридическое представительство является обязательным по внутреннему законодательству некоторых государств-участников или в силу сложности процесса»¹.

Европейский Суд и в других случаях исходил из того, что возможность обращения за судебной защитой должна быть реально доступной. Например, по делу «Кэмпбелл и Фелл против Соединенного Королевства» Суд пришел к выводу о том, что право заявителей на доступ к правосудию было нарушено в связи с тем, что у них отсутствовала возможность общения с защитником наедине².

---

¹ *Постановление* по делу «Эйри (Airey) против Ирландии» от 9 октября 1979 г. (жалоба № 6289/73), п. 26 // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 275–276.

² См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Кэмпбелл (Campbell) и Фелл (Fell) против Соединенного Королевства» от 28.06.1984 г. (жалобы № 7819/77 и 7878/77) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 438–469.

Необходимо отметить и то, что нельзя, по мнению Суда, считать реализацией права на доступ к правосудию наличие возможности обращения в орган, не уполномоченный на принятие решений, которые были бы необходимыми для защиты нарушенного права, не правомочный рассматривать дело по существу. Например, по делу «Белилос против Швейцарии» ЕСПЧ указал, что право на доступ к правосудию предполагает право на судебное разрешение спора с учетом как вопросов факта, так и вопросов права¹. Соответственно, возможность обратиться к органу, уполномоченному только на решение вопроса о соблюдении процедуры привлечения к ответственности, но не наделенному полномочиями решать вопросы факта (т.е. вопрос об обоснованности принятия того или иного решения), не является доступом к суду.

Возможность обращения в суд не исчерпывает полностью содержания права на доступ к правосудию. По делу «Дубинская против Российской Федерации», Суд подчеркнул, что «право на обращение в суд включает в себя не только право инициировать судебное разбирательство, но и право на «разрешение» спора судом. Было бы иллюзорно, если бы национальная правовая система... позволяла лицу подать гражданский иск в суд, при этом не обеспечивая того, что дело будет разрешено посредством вынесения окончательного решения в результате судебного разбирательства... Право стороны на доступ к правосудию было бы иллюзорным, если бы она оставалась в неведении относительно хода судебного разбирательства и судебных решений, вынесенных по их делу, особенно когда такие решения имеют характер, препятствующий дальнейшему рассмотрению дела»².

По делу «Дунаев против Российской Федерации» заявитель утверждал, что ему позволили подать только краткую кассационную жалобу, в которой указывалось всего лишь на то, что заявитель собирался подать полную кассационную жалобу после получения полной копии судебного решения и протокола судебного заседания. Не-

---

¹ См.: *Постановление ЕСПЧ по делу «Белилос (Belilos) против Швейцарии» от 29 апреля 1988 г. (жалоба № 10328/83) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 568–581.*

² *Постановление ЕСПЧ по делу «Дубинская (Dubinskaya) против Российской Федерации» от 13 июля 2006 г. (жалоба № 4856/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

задолго до начала заседания суда кассационной инстанции он попытался подать свою полную кассационную жалобу, однако канцелярия Московского городского суда отказала ему в этом. Заявитель также утверждал, что во время судебного заседания он подал полную кассационную жалобу председателю рассматривавшему судье, который отказался ее рассматривать. Посчитав установленным, что Московский городской суд отказал в принятии к рассмотрению полной кассационной жалобы заявителя, Суд сделал вывод, что такой отказ является ограничением права заявителя на доступ к суду¹.

Таким образом, в содержание права на доступ к правосудию входят также:

- право на разрешение дела и вынесение окончательного решения в результате судебного разбирательства;
- право получать информацию о ходе судебного разбирательства и быть ознакомленным с судебными решениями, вынесенными по делу.

4) ЕСПЧ исходит из того, что в принципе не противоречит Конвенции отказ лица от своего права на доступ к правосудию, если только такой отказ не противоречит публичным (общественным) интересам. Однако такой отказ может носить только и исключительно добровольный характер. В случае же, если было допущено понуждение лица к отказу им от своего права на доступ к правосудию, имеет место нарушение ст. 6 Конвенции.

Так, например, по делу «Девеер против Бельгии» Суд установил, что перед заявителем была поставлена дилемма: или он отказывается от своего права на доступ к правосудию (уплачивает сумму 10000 бельгийских франков в качестве штрафа и дело в отношении него не возбуждается), или же против него будет возбуждено уголовное дело и с этого момента, впредь до решения суда, его магазин будет закрыт. Поскольку в случае закрытия магазина на неопределенный срок заявитель (г-н Девеер) понес бы большие финансовые потери, он согласился выплатить штраф в порядке «мирного урегулирования», оговорив, однако, в письме к прокурору, что считает предложенную ему альтернативу незаконной.

Правительство полагало, что такая «согласительная процедура» не противоречит Конвенции и предложение «мирно решить вопрос» не ущемляло право заявителя, предусмотренное ст. 6 Конвенции.

---

¹ *Постановление ЕСПЧ по делу «Дунаев (Dunayev) против Российской Федерации» от 24 мая 2007 г. (жалоба № 70142/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

Европейский Суд, однако, рассмотрел внимательно обстоятельства конкретного дела и пришел к выводу о том, что в данном случае имело место принуждение к отказу от права на доступ к правосудию: угроза приказа о закрытии магазина оказалась настолько сильной, что неудивительно, что г-н Девеер поддался ей. Суд также отметил в данном постановлении, что в демократическом обществе «право на правосудие» слишком значимо, чтобы оно могло считаться утраченным единственно по той причине, что лицо оказалось стороной в соглашении, носящем согласительный характер. Соответственно, если тот, кому ранее было предъявлено «уголовное обвинение», оспаривает затем согласительную процедуру, которая явилась препятствием для осуществления права на правосудие, такая возможность ему должна быть предоставлена. Никакое принуждение в этом плане недопустимо; это продиктовано международными договорами, которые основываются на принципах свободы и верховенства права¹.

Как следствие, даже если первоначально лицо отказалось от осуществления своего права на доступ к правосудию, однако впоследствии просит о рассмотрении дела судом, с соблюдением всех гарантий, предусмотренных ст. 6 Конвенции, ссылаясь на то, что такой отказ в действительности не имел места, либо был вынужденным, то, как минимум, он имеет право на внимательное рассмотрение судом вопроса о действительности и добровольности такого отказа (а как максимум – на рассмотрение дела судом по существу в условиях соблюдения гарантий справедливости судебной процедуры). Изложенное здесь правило позволяет нам усомниться в том, что закрепленный в УПК РФ порядок кассационного и апелляционного обжалования приговора, постановленного в особом порядке (при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением), согласно которому такой приговор не может быть обжалован по мотиву несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, способен в полной мере гарантировать реализацию права такого обвиняемого на доступ к правосудию.

---

¹ *Постановление ЕСПЧ по делу «Девеер (Deweer) против Бельгии» от 27 февраля 1980 г. (жалоба № 6903/75) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 301–317.*

3.2. Пределы, условия и гарантии реализации права на доступ к правосудию

1) По мнению Европейского Суда, право на доступ к правосудию не носит абсолютного характера, оно подвержено ограничениям, как явным, так и предполагаемым (в отличие, например, от права не подвергаться пыткам, жестокому или унижающему достоинству обращению, которое не может быть ограничено государством ни при каких условиях). Право на доступ к суду по своей природе требует регулирования со стороны государства и может быть ограничено.

Например, при рассмотрении упомянутого выше дела «Девеер против Бельгии» Суд указал на возможность ограничения доступа к правосудию путем реализации права государства принимать решение не возбуждать судебного преследования и выносить постановление о прекращении производства¹. При рассмотрении дела «Винтерверп против Нидерландов» Суд указал на возможность некоторых ограничений доступа к суду (личного участия в судебном разбирательстве) душевнобольных².

Однако при этом любое ограничение права на доступ в суд должно преследовать разумную цель и быть разумно пропорционально этой цели³. Кроме того, «применяемые ограничения не должны уменьшать обеспеченный лицу доступ [к правосудию] таким образом и в такой степени, которые нарушали бы саму суть этого права»⁴.

---

¹ Причем впоследствии Суд уточнил, что такие ограничения не всегда допустимы и должны не противоречить правам потерпевшего от преступления, который должен иметь право требовать пересмотра решения о непреследовании или самостоятельно возбуждать производство. См. рассмотренное выше Постановление ЕСПЧ по делу «Перес (Perez) против Франции» от 12 февраля 2004 г. (жалоба № 47287/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Винтерверп (Winterwerp) против Нидерландов» от 24 октября 1979 г. (жалоба № 6301/73) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 299–300.

³ *Постановление* по делу «Ашингден (Ashingdane) против Соединенного Королевства» от 28.05.1985 г. (жалоба № 8225/78), п. 56. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

⁴ Там же, а также см.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Дунаев (Dunayev) против Российской Федерации» от 24 мая 2007 г. (жалоба

Применительно к праву на доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве здесь можно рассмотреть и оценить реальные возможности доступа к правосудию (и ограничения такого доступа), имеющиеся у лиц, обжалующих решения и действия (бездействие) органа дознания, дознавателя, следователя и прокурора, имевшие место в ходе досудебного производства по уголовному делу. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем Постановлении № 1 от 10 февраля 2009 г. «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» фактически ввел некоторые ограничения на доступ к правосудию в случае подачи таких жалоб, которые на практике способны привести к исключению в некоторых случаях самой возможности добиться их судебного рассмотрения, т.е. к нарушению самой сути права на доступ к правосудию¹.

В частности, в соответствии с п. 9 указанного Постановления судьям рекомендовано по поступившей жалобе выяснять, не завершено ли предварительное расследование по уголовному делу. Если будет установлено, что жалоба подана участником будущего судебного разбирательства, и уголовное дело, по которому поступила жалоба, направлено в суд для рассмотрения по существу, то судья должен отказать в принятии жалобы к рассмотрению или прекратить производство по жалобе². В то же время в том случае, когда жалоба поступила в суд до момента окончания предварительного расследования по делу, ее рассмотрение может быть отложено на значительный или даже неопределенный срок. Так, в соответствии с п. 7 того же Постановления суд вправе (хотя такая возможность и не закреплена в УПК РФ) возратить жалобу заявителю по мотивам того, что жалоба не содержит необходимых све-

---

№ 70142/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2009. 18 февр. № 27.

² Кроме случаев подачи жалоб, в которых ставится вопрос о признании незаконными и необоснованными решений и действий (бездействия), которые в соответствии с УПК РФ не могут быть предметом проверки их законности и обоснованности на стадии судебного разбирательства при рассмотрении уголовного дела судом, в том числе в апелляционном или кассационном порядке.

дений, что препятствует ее рассмотрению (например, отсутствуют сведения о том, какие действия или решения обжалованы, жалоба не подписана заявителем, полномочия защитника или представителя заявителя не подтверждаются соответствующими документами). В таком случае, по мнению Верховного Суда Российской Федерации, срок рассмотрения жалобы исчисляется лишь с момента поступления жалобы в суд после устранения препятствий ее рассмотрения. Данное положение может существенным образом отсрочить судебное разбирательство по жалобе, тогда как указанные недостатки, как правило, могут быть легко устранены в ходе досудебной подготовки или в ходе подготовительной части судебного разбирательства по жалобе. Еще более существенную отсрочку в рассмотрении жалобы может повлечь за собой правило, предусмотренное п. 12 Постановления, в соответствии с которым суд вправе (в том числе и по собственной инициативе) истребовать материалы, послужившие основанием для решения или действия должностного лица, а также иные данные, необходимые для проверки доводов жалобы. При этом сроки представления таких материалов и последствия их непредставления (несвоевременного представления) соответствующими органами и должностными лицами в законе или Постановлении Пленума не предусмотрены и нельзя исключить того, что такие материалы не будут предоставлены вплоть до окончания предварительного расследования и направления дела в суд.

В результате может сложиться ситуация, в которой необоснованное возвращение судом жалобы заявителю или непредоставление органами предварительного расследования истребованных судом материалов приведет к невозможности реализации права на обжалование в суд действий и решений органов предварительного расследования и прокурора, допущенных на досудебном этапе уголовного судопроизводства, а стало быть, исключит саму возможность доступа к судебной защите.

2) Европейский Суд исходит из того, что наличие «права на суд» не обязывает государства-члены обеспечивать возможность реализации судебного характера процедуры рассмотрения спора на каждом ее этапе. «Предварительное вмешательство административных или корпоративных органов и даже a fortiori юрисдикционных органов, не во всем отвечающих всем необходимым требованиям, может оказаться оправданным в связи с требованиями гибкости и эффективности, вполне совместимыми с защитой прав чело-

века; это отвечает правовой традиции многих стран – членов Совета Европы»¹. При этом в деле «Альбер и Ле Конт против Бельгии» Суд сформулировал правило, согласно которому государство – участник Конвенции – должно в рамках своей юрисдикции гарантировать каждому право на рассмотрение в суде затрагивающих его гражданских и уголовных вопросов с помощью производства, имеющего атрибуты судебной формы контроля. Поэтому либо органы, принимающие первоначальные решения, должны сами отвечать всем требованиям п. 1 ст. 6, либо их решения должны подвергаться последующему контролю судебного органа, который бы обладал всеми необходимыми полномочиями и предоставлял бы все гарантии, предусмотренные п. 1 ст. 6 Конвенции². Рассматривая дело «Лутц против Германии», где заявитель обвинялся в нарушении Правил дорожного движения, Суд признал, что «учитывая большое количество незначительных правонарушений – в особенности правил дорожного движения, – характер которых не столь опасен, чтобы подвергать нарушителей уголовному наказанию, государства-участники имеют веские основания для введения такой системы, которая разгружает их суды от большинства подобных дел. Преследования и наказания за незначительные правонарушения в административном порядке не противоречат Конвенции при условии, что заинтересованные лица могут обжаловать вынесенное против них решение в суд, где действуют гарантии ст. 6»³.

Таким образом, административный порядок решения вопроса о применении взыскания за совершение проступка, наказуемого в соответствии с КоАП РФ (вспомним, в понимании ЕСПЧ, значительная, если не основная, часть правонарушений, относимых законодательством РФ к числу административных, имеет уголовный

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Ле Конт, Ван Левен и Де Мейер (Le Compte, Van Leuven and De Meyere) против Бельгии» от 23.07.1981 г. (жалобы № 6878/75; 7238/75) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 340–359.

² См. *Постановление* ЕСПЧ по делу «Альбер и Ле Конт (Albert and Le Compt) против Бельгии» от 10.02.1983 г. (жалобы № 7299/75, 7496/76). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

³ *Постановление* по делу «Лутц (Lutz) против Германии» от 25.08.1987 г. (жалоба № 9912/82) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 544.

характер), сам по себе не противоречит ст. 6 Конвенции, если судебный порядок, действующий в случае обжалования решения, вынесенного административными органами, соответствует всем гарантиям справедливости правосудия, предусмотренным данной статьей.

3) Рассматривая вопрос о соотношении доступа к правосудию с порядком деятельности апелляционной и кассационной инстанции, ЕСПЧ пришел к выводу, «что статья 6 Конвенции не вынуждает Договаривающиеся государства устанавливать систему апелляционных или кассационных судов. Однако если такие суды существуют, то должны соблюдаться гарантии, закрепленные ст. 6 Конвенции, например, что сторонам процесса гарантируется право на доступ к суду»¹.

Именно на основе такого подхода по уже упоминавшемуся делу «Дунаев против РФ» Суд пришел к выводу, что было допущено нарушение права на доступ к правосудию в ситуации, когда заявителю, подавшему первоначально краткую кассационную жалобу, было в дальнейшем отказано в принятии к рассмотрению полной кассационной жалобы, которую он представил в суд кассационной инстанции после получения полного текста решения (хотя его дело и было пересмотрено судом кассационной инстанции по его первоначальной (краткой) жалобе)².

4) Право потерпевшего на доступ к правосудию.

Выше уже было обосновано, что потерпевший является субъектом права на справедливое судебное разбирательство, а значит, ему принадлежит и право на доступ к правосудию. Однако реализация потерпевшим своего права на доступ к правосудию имеет ряд особенностей, поскольку ему может препятствовать некачественное проведение предварительного расследования, приведшее к прекращению уголовного дела. Более того, доступ потерпевшего к правосудию может стать невозможным и в ситуации, когда предварительное расследование и/или судебное разбирательство по делу оказались чрезмерно затянутыми (особенно по делам о преступлениях небольшой тяжести), поскольку это способно привести к пре-

---

¹ См., например: *Постановление* по делу «Дунаев (Dunayev) против Российской Федерации» от 24 мая 2007 г. (жалоба № 70142/01), п. 34. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Там же.

кращению уголовного дела вследствие истечения давности уголовного преследования.

Так, например, по делу «Атанасова против Болгарии», где гражданский иск в уголовном деле остался без рассмотрения, так как дело было прекращено в связи с истечением срока давности уголовного преследования, Суд пришел к выводу, что было нарушено право заявительницы на доступ к правосудию, так как она имела законное право ожидать, что суды разрешат ее требование. Только задержка рассмотрения дела болгарскими властями привела к истечению срока давности¹.

Относительно же влияния неэффективности проведенного расследования на реализацию доступа к правосудию Суд высказывается, как правило, не в контексте реализации права на доступ к правосудию, а в тех случаях, когда рассматривается вопрос о предоставлении эффективных средств защиты, с учетом фундаментальной важности прав, охраняемых ст. 2 и 3 Конвенции (например, когда речь идет о смерти лица при подозрительных обстоятельствах или о применении к нему пыток или иного ненадлежащего обращения). Тогда, по мнению ЕСПЧ, ст. 13 Конвенции требует в дополнение к выплате компенсации в соответствующих случаях проведения тщательного и эффективного расследования, которое могло бы привести к установлению и наказанию виновных². В уже упоминавшемся Постановлении по делу «Менешева против Российской Федерации» Судом сделан вывод, что в конкретных обстоятельствах, когда не было проведено эффективное уголовное расследование, «любое иное средство правовой защиты, доступное заявителю, в том числе подача иска о возмещении вреда, имело ограниченные шансы на успех. В то время как суды, рассматривающие гражданские дела, вправе самостоятельно давать независимую оценку вопросам факта, на практике значимость, придаваемая предшествующему уголовному расследованию, настолько важна, что даже самые убедительные доказательства, противоречащие выводам такого расследования, представленные истцом, во

---

¹ См.: *Информация* о Постановлении ЕСПЧ по делу «Атанасова (Atanasova) против Болгарии» от 02 октября 2008 г. (жалоба № 72001/01) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 2. С. 15–16.

² См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Менешева (Mencheva) против Российской Федерации» от 09 марта 2006 г. (жалоба № 59261/00), п. 72. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

многих случаях были бы признаны «не относящимися к делу». Гражданское судопроизводство, возбужденное заявителем, продемонстрировало это. Суд просто согласился с мнением прокурора о том, что жалоба заявителя безосновательна, не проведя оценки фактов по делу... Следовательно, при обстоятельствах данного дела иск о возмещении вреда был лишь теоретическим и иллюзорным средством правовой защиты, с помощью которого заявитель не могла получить соответствующее возмещение»¹.

Таким образом, по отношению к обеспечению прав потерпевшего обеспечение эффективного предварительного расследования является в то же время и важной предпосылкой реального обеспечения его доступа к правосудию (хотя ЕСПЧ и рассматривает в настоящее время данное обстоятельство лишь в контексте более общего права на эффективное средство правовой защиты).

Поэтому представляется необходимым согласиться с позицией Л.Б. Алексеевой, согласно которой на случаи, когда поданы жалобы на прекращение, приостановление уголовного дела, продление срока предварительного расследования (добавим: и на отказ в удовлетворении ходатайств участников о производстве следственных действий), не должна распространяться правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, выраженная в Постановлении от 20 апреля 1999 г.², согласно которой суды не должны давать обвинительной власти каких бы то ни было указаний о том, что им следует делать в связи с некачественно проведенным расследованием³. Кажется совершенно верным и указание Л.Б. Алексеевой на то, что в связи с указанными жалобами «судьи не только могут, но и должны в рамках своих возможностей давать соответ-

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Менешева (Menecheva)... П. 73.

² Речь идет о Постановлении Конституционного Суда РФ от 20.04.1999 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород» // *Собрание законодательства РФ*. 1999. 26. апр. № 17. Ст. 2205.

³ См.: *Алексеева Л.Б.* Практика применения ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейским Судом по правам человека. Право на справедливое правосудие и доступ к механизмам судебной защиты. М.: Рудомино, 2000. С. 25–26.

ствующие указания органу дознания, следователю, прокурору»¹. Любая иная позиция способна привести (и зачастую приводит на практике) к тому, что в условиях отсутствия реального судебного контроля окажется нереализуемым право потерпевшего на эффективное предварительное расследование, что в итоге будет автоматически означать и фактическое лишение его права на доступ к правосудию.

---

¹ *Алексеева Л.Б.* Практика применения ст. 6 Европейской конвенции о защите... С. 26.

Глава 4. Институциональные элементы права на справедливое судебное разбирательство

4.1. Понятие суда. Суд, созданный на основании закона. Судебные полномочия. Независимость суда

«Суд», как его понимает сложившаяся практика ЕСПЧ, – это юрисдикционный орган, решающий вопросы, отнесенные к его компетенции на основе норм права, в соответствии с установленной процедурой¹. При этом для определения того, является ли тот или иной орган судом, ЕСПЧ не опирается на его название, а использует целый ряд критериев.

1) Для того чтобы орган был признан «судом» в смысле ст. 6 Конвенции, в его компетенцию должно входить рассмотрение как вопросов права, так и вопросов факта.

В случаях, когда «решение, принятое административным органом, может быть передано в суд не для решения по существу, а лишь для проверки правильности процедуры и соответствия решения административного органа закону»², ЕСПЧ приходит к выводу, что такой орган не отвечает требованиям, предъявляемым к «суду». Например, по делу «Белилос против Швейцарии» ЕСПЧ пришел к выводу о том, что кассационный суд, пересматривавший дело заявителя, не являлся «судом» в смысле ст. 6 Конвенции, в частности, потому, что он не был компетентен рассматривать факты³.

Соответственно, возможность обратиться к органу, уполномоченному только на решение вопроса о соблюдении процедуры при-

---

¹ См.: *Постановление ЕСПЧ по делу «Белилос (Belilos) против Швейцарии» от 29 апреля 1988 г. (жалоба № 10328/83) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 568–581.*

² Там же.

³ Там же.

влечения к ответственности (или принятия иного решения), но не наделенному полномочиями решать вопросы факта (об обоснованности принятия того или иного решения), не является доступом к суду.

С этой точки зрения небезупречными представляются существующая ныне процедура и сложившаяся правоприменительная практика по вопросам обжалования в суд постановления об отказе в возбуждении уголовного дела или о прекращении уголовного дела на стадии предварительного расследования. В соответствии со ст. 125 УПК РФ данные постановления могут быть обжалованы в судебном порядке. Более того, ЕСПЧ неоднократно указывал, что считает институт судебного обжалования отказа в возбуждении уголовного дела существенной гарантией права потерпевшего на доступ к эффективным средствам правовой защиты¹. Однако если посмотреть пристальнее на совокупность правомочий, которыми российский суд реально обладает в случае подачи соответствующей жалобы, то можно усомниться, что он в данном случае отвечает критериям «суда», сформулированным ЕСПЧ. Так, в соответствии с п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 от 10 февраля 2009 г. «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», проверяя законность и обоснованность постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, судья обязан выяснить лишь: соблюдены ли нормы, регулирующие порядок рассмотрения сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, а также принято ли уполномоченным должностным лицом решение об отказе в возбуждении уголовного дела при наличии к тому законных оснований и соблюдены ли при его вынесении требования ст. 148 УПК РФ. Таким образом, решение вопроса об обоснованности отказа в возбуждении уголовного дела фактически остается за пределами полномочий суда. Если же заявитель обжалует постановление о прекращении уголовного дела, то в соответствии с п. 15 того же постановления Пленума судья должен выяснить, проверены ли и учтены ли дознавателем, следователем или руководителем след-

---

¹ См., например: *Решение* ЕСПЧ «По вопросу приемлемости жалобы № 49790/99 «Владимир Григорьевич Трубников (Vladimir Grigoryevich Trubnikov) против Российской Федерации» от 14 октября 2003 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ственного органа все обстоятельства, на которые указывает в жалобе заявитель, и могли ли эти обстоятельства повлиять на вывод о наличии оснований для прекращения уголовного дела. Однако это он должен сделать «не давая оценки имеющимся в деле доказательствам», и он «не вправе делать выводы о доказанности или недоказанности вины, о допустимости или недопустимости доказательств». Представляется, что проверить обоснованность прекращения уголовного дела никоим образом невозможно, не давая оценки имеющимся доказательствам, в том числе их допустимости, и не оценивая их достаточности для подтверждения или опровержения определенного вывода (в том числе, в некоторых случаях, и для вывода о невиновности подозреваемого или отсутствия достаточных данных для формирования такого вывода).

Таким образом, хотя ст. 125 УПК РФ и предусматривает, что суд должен при рассмотрении жалобы на отказ в возбуждении уголовного дела или на прекращение уголовного дела проверить как законность, так и обоснованность решений дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, однако толкование данной нормы Пленумом Верховного Суда Российской Федерации фактически исключает возможность рассмотрения судом вопросов факта (т.е. вопросов об обоснованности принятия соответствующих решений), оставляя в его компетенции лишь вопросы права (проверку правильности процедуры и соответствия решения закону), что не соответствует пониманию «суда» в смысле ст. 6 Конвенции, а значит, не гарантирует реализацию права на доступ к правосудию лиц, обжаловавших соответствующие постановления.

2) Кроме того, для признания органа «судом» он должен обладать полномочиями принимать **обязывающие решения**, которые не могут быть **изменены несудебными властями**¹. Аналогичными Европейский Суд видит и полномочия суда, рассматривающего жалобу на отказ в возбуждении уголовного дела. Так, по делу «Мишкеткуль и другие против Российской Федерации» он заявил, что «в открытом и состязательном процессе независимый суд призван оценить, предъявил ли заявитель достаточно доказательств для возбуждения дела по факту жестокого обращения, и **если да, то**

---

¹ См.: *Постановление ЕСПЧ по делу «Финдли (Findlay) против Соединенного Королевства» от 25 февраля 1997 г. (жалоба № 22107/93) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 2. М.: Норма, 2000. С. 408.*

вернуть дело прокурору и постановить провести уголовное расследование»¹.

Однако в российском уголовном процессе здесь также все не совсем благополучно. В соответствии со ст. 125 УПК РФ суд, рассмотрев жалобу на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, вправе лишь признать соответствующее постановление незаконным или необоснованным (хотя последнее, как было показано выше, фактически исключено из полномочий суда) и обязать лицо, вынесшее обжалованное постановление, устранить допущенное нарушение. Вместе с тем судья не вправе ни возбудить самостоятельно уголовное дело, ни обязать сделать это соответствующее должностное лицо. Более того, в соответствии с п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 от 10 февраля 2009 г., суд вообще «не вправе предопределять действия должностного лица, осуществляющего расследование, отменять либо обязывать его отменить решение, признанное им незаконным или необоснованным». Таким образом, суд **не вправе принять по данному вопросу решение, обязывающее** произвести определенные действия, тогда как несудебный орган наделяется неограниченной возможностью самостоятельно определять, когда и каким образом он должен исправить допущенные нарушения, установленные в судебном акте. Соответственно, судебный акт фактически теряет свой обязывающий характер, а право суда принимать обязывающее решение становится фикцией. В результате возможно как простое неисполнение соответствующего судебного решения, так и преодоление его силы путем вынесения несудебным органом нового аналогичного постановления (например, нового постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по иным или даже по тем же самым основаниям после отмены постановления, признанного судом незаконным и/или необоснованным). В такой ситуации потерпевшему остается лишь снова (и снова, и снова) обжаловать такое постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, судебное решение, формально являющееся обязательным, фактически остается неисполненным, а потерпевший не получает реального доступа к судебной защите.

---

¹ *Постановление ЕСПЧ по делу «Мишкеткуль и другие (Mishketkul and others) против Российской Федерации» от 24 мая 2007 г. (жалоба № 36911/02), п. 65. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».*

3) Законный характер суда. Это положение означает, что:

– само существование соответствующего органа должно быть предусмотрено законом, т.е. должна наличествовать правовая база для создания и функционирования «суда»;

– требованию законного характера должен отвечать и состав суда в каждом конкретном случае, т.е. процедура назначения должностных лиц суда, формирования состава суда для разрешения конкретного дела должна соответствовать положениям национального законодательства. Например, по делу «Посохов против России» Европейский Суд пришел к выводу, что Российской Федерацией было нарушено право заявителя на справедливое судебное разбирательство, поскольку при рассмотрении дела в качестве народных заседателей участвовали лица, получившие соответствующие судебные полномочия с нарушением действовавшего на тот момент Федерального закона РФ «О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации»¹.

Следует отметить, что Конституционный Суд Российской Федерации, еще в 1998 г. решая вопрос о конституционности норм УПК РСФСР и ГПК РСФСР, касающихся изменения территориальной подсудности дела, также пришел к выводу, что конституционное право на судебную защиту, рассматриваемое с учетом положений ст. 6 Европейской конвенции, включает в частности положение, согласно которому «рассмотрение дел должно осуществляться законно установленным, а не произвольно выбранным составом суда...»² В данном Постановлении Суд признал не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее ст. 46 и 47 (часть 1) ст. 44 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и ст. 123 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в той мере, в какой они допускали передачу дела из одного суда, которому оно подсудно, в другой суд без принятия соответствующего процессуального судебного акта и при отсутствии указанных в самом про-

---

¹ См.: *Постановление ЕСПЧ по делу «Посохов (Posokhov) против Российской Федерации»* от 04 марта 2003 г. (жалоба № 63486/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Постановление Конституционного Суда РФ от 16.03.1998 № 9-П «По делу о проверке конституционности статьи 44 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и статьи 123 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан»*, п. 4 // Собрание законодательства РФ. 1998. 23 марта. № 12. Ст. 1459.

цессуальном законе точных оснований (обстоятельств), по которым дело не может быть рассмотрено в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, и, следовательно, подлежит передаче в другой суд¹. В результате указание на такие основания и на порядок принятия соответствующего судебного акта были внесены в УПК РФ (см. ст. 35 УПК РФ). Созданный в результате порядок изменения территориальной подсудности дела вполне отвечает требованиям, необходимым для обеспечения законности состава суда. Однако ни в уголовно-процессуальном, ни в гражданско-процессуальном законе в настоящее время не регламентирован порядок формирования состава суда, состоящего из одного судьи, или формирования коллегии из трех профессиональных судей, а также основания и порядок передачи дела от одного состава суда другому. В отличие от этого, заметим, арбитражный процесс регламентирует:

- порядок формирования состава суда для рассмотрения конкретного дела (в соответствии со ст. 18 АПК РФ он должен быть сформирован с учетом нагрузки и специализации судей в порядке, исключая влияние на его формирование лиц, заинтересованных в исходе судебного разбирательства. Кроме того, в соответствии с п. 31 Регламента арбитражных судов, утвержденного Постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 05.06.1996 № 7 (ред. от 17.12.2009), распределение дел при наличии программного обеспечения может производиться в автоматизированном режиме);

- основания замены судьи или одного из судей, начавших рассмотрение дела (ст. 18 АПК РФ);

- субъектный состав лиц, уполномоченных принимать решение о такой замене (п. 37 Регламента арбитражных судов);

- порядок принятия решения о замене судьи или одного из судей, начавших рассмотрение дела, а также требования к оформлению соответствующего решения и обязательность его приобщения к материалам дела (Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13 августа 2004 г.

---

¹ *Постановление Конституционного Суда РФ от 16.03.1998 № 9-П «По делу о проверке конституционности статьи 44 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и статьи 123 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан», п. 4 // Собрание законодательства РФ. 1998. 23 марта. № 12. Ст. 1459.*

№ 82 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»).

В условиях же отсутствия в уголовном (и гражданском) процессе аналогичных правил формирования состава суда для рассмотрения конкретного дела отсутствуют гарантии законности такого состава, соответственно не исключена и произвольная, немотивированная и многократная передача дела от одного судьи другому, что (особенно в условиях невозможности обжалования соответствующего решения) не только противоречит требованию законности состава суда, но и способно вызвать обоснованные сомнения в независимости и беспристрастности суда. Например, по делу «Моисеев против Российской Федерации» предметом рассмотрения ЕСПЧ стала ситуация, когда состав суда, рассматривающего дело, неоднократно менялся (всего было произведено 11 замен). Причины таких замен были известны только в двух случаях. По мнению ЕСПЧ, замена председательствующего без указания причин должна считаться произвольной. Поскольку законодательство РФ не определяет, в каких случаях председатель суда может передавать дело другому судье, председатель в деле заявителя фактически использовал неограниченное усмотрение по данному вопросу, без каких-либо процессуальных гарантий, например обязанности информировать стороны о причинах такой меры или предоставления им возможности высказывать по этому поводу свое мнение или обжаловать замену в вышестоящем суде. В результате ЕСПЧ пришел к выводу, что в данном случае имело место нарушение ст. 6 Конвенции, в связи с нарушением признаков независимости и беспристрастности суда¹. Тем не менее в данной ситуации, как представляется, может быть поставлен под сомнение и законный характер самого суда.

4) В соответствии со сложившейся судебной практикой Европейского Суда по правам человека заслуживает название «суда» только орган, отвечающий ряду требований: независимость по отношению как к исполнительной власти, так и к сторонам в процессе, продолжительность мандата членов суда, гарантии судебной процедуры².

---

¹ См.: *Постановление ЕСПЧ по делу «Моисеев (Moiseyev) против Российской Федерации»* от 09 октября 2008 г. (жалоба № 62936/00), п. 175. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: *Постановление ЕСПЧ по делу «Ле Конт, Ван Левен и Де Мейер (Le Compte, Van Leuven and De Meyere) против Бельгии»* от 23 июля

При этом согласно Постановлению «Кэмпбелл и Фелл против Соединенного Королевства» при определении того, является ли судебный орган независимым, Суд принимает во внимание следующие факторы:

- процедуру назначения его членов;
- продолжительность их службы в этом качестве;
- существование гарантий, препятствующих оказанию давления на них, а также то, имеет ли данный орган внешние атрибуты независимости¹.

Таким образом, понятие независимости включает в себя как институциональные признаки (назначение членов суда, гарантии их несменяемости, организационные гарантии независимости), так и судопроизводственные: аспекты, позволяющие учитывать положение суда в конкретном деле, а также их внешнее выражение. Несомненно, что судопроизводственные аспекты независимости суда очень тесно связаны с понятием беспристрастности судей, в связи с чем ЕСПЧ зачастую рассматривает их в неразрывном единстве. В связи с этим в ряде решений Европейского Суда отсутствует разграничение: повлияло ли то или иное обстоятельство на независимость суда или на его беспристрастность. По мнению Суда, «концепции независимости и объективной беспристрастности... тесно связаны и должны рассматриваться совместно...»². С учетом этого положения, приведенные в данном параграфе, необходимо учитывать совместно с позициями ЕСПЧ относительно содержания понятия беспристрастности, которые будут изложены ниже.

Суд сформулировал несколько правил относительно **процедуры назначения членов суда**. Прежде всего, тот факт, что члены судебного органа назначаются исполнительной властью, сам по себе не является нарушением Конвенции³. Кроме того, наличие в

1981 г. (жалобы № 6878/75; 7238/75) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 340–359.

¹ См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Кэмпбелл (Campbell) и Фелл (Fell) против Соединенного Королевства» от 28.06.1984 г. (жалобы № 7819/77 и 7878/77), п. 78 // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 438–469.

² Цит. по: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Моисеев (Moiseyev) против Российской Федерации» от 09 октября 2008 г. (жалоба № 62936/00), п. 175. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Кэмпбелл (Campbell) и Фелл

юрисдикционном органе судей или других представителей, обладающих юридической квалификацией, как правило, считается свидетельством его независимости¹.

Далее, Европейский Суд исходит из того, что судебный орган должен быть независим как от исполнительной власти, так и от сторон в деле². При этом зависимость суда от исполнительной власти может не только являться следствием непосредственного вмешательства государства в деятельность судов, оказания давления на судей (об этом см. ниже), но и находить свое выражение в порядке формирования судебного состава, в подчиненности судьи по службе представителю одной из сторон. Так, например, в деле «Срадек против Австрии» Суд счел, что принявший решение орган (региональный отдел по сделкам с недвижимостью) не обладал независимостью, поскольку в качестве одной из сторон разбирательства выступало правительство, и представитель правительства являлся начальником лица, входившего в состав «суда» и выступавшего в его заседании в роли докладчика³. Аналогичным образом Суд пришел к выводу об отсутствии независимости у военного суда в ситуации, когда все его члены имели более низкое звание, чем «созывающий офицер», игравший ведущую роль в осуществлении уголовного

(Fell) против Соединенного Королевства» от 28.06.1984 г. (жалобы № 7819/77 и 7878/77), п. 79 // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 438–469.

¹ См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Ле Конг, Ван Левен и Де Мейер (Le Compte, Van Leuven and De Meyere) против Бельгии» от 23 июля 1981 г. (жалобы № 6878/75; 7238/75) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 340–359.

² См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Де Вильде (De Wilde), Оомс (Ooms) и Версип (Versyp) против Бельгии» от 18 июня 1971 г., п. 78. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс»; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Неймастер (Neumeister) против Австрии» от 27 июня 1968 г. (жалоба № 1936/63), п. 24. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

³ См.: *Постановление* по делу «Срадек (Sramek) против Австрии» от 22 октября 1984 г. (жалоба № 8790/79), п. 39–42. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

преследования по делу, а некоторые из судей находились так или иначе под командованием этого офицера¹.

Кроме того, независимость судей от правительства предполагает невозможность их отзыва исполнительной властью в течение срока их полномочий (т.е. **несменяемость судей**). В то же время даже если несменяемость судей формально не установлена законом, по мнению Суда, это еще не означает их зависимости от исполнительной власти при условии, что этот принцип признан фактически и что существуют другие гарантии несменяемости судей². Однако члены суда должны для обеспечения их независимости назначаться на достаточно продолжительный срок. Так, в деле «Ле Конт, Ван Левен и Де Мейер против Бельгии»³ было признано, что 6-летняя продолжительность срока службы членов Апелляционного совета является гарантией его независимости. Напротив, в деле «Кэмпбелл и Фелл против Соединенного Королевства»⁴ члены тюремного Совета посетителей назначались на 3-летний срок. Такой срок службы был признан Европейским Судом недостаточно продолжительным, но вместе с тем поскольку члены Совета выполняют свои обязанности на безвозмездной основе, Суд учел, что трудно найти людей для подобной работы. Поэтому в конкретной ситуации данный срок полномочия членов Совета не был расценен им как нарушение ст. 6 Конвенции.

Отсутствие организационных и финансовых гарантий независимости судей также может оцениваться Европейским Судом как

---

¹ См.: *Постановление ЕСПЧ по делу «Финдли (Findlay) против Соединенного Королевства» от 25 февраля 1997 г. (жалоба № 22107/93), п. 75–76.* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: *Постановление ЕСПЧ по делу «Кэмпбелл (Campbell) и Фелл (Fell) против Соединенного Королевства» от 28.06.1984 г. (жалобы № 7819/77 и 7878/77), п. 80 // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 438–469.*

³ См.: *Постановление ЕСПЧ по делу «Ле Конт, Ван Левен и Де Мейер (Le Compte, Van Leuven and De Meyere) против Бельгии» от 23 июля 1981 г. (жалобы № 6878/75; 7238/75) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 340–359.*

⁴ См.: *Постановление ЕСПЧ по делу «Кэмпбелл (Campbell) и Фелл (Fell) против Соединенного Королевства» от 28.06.1984 г. (жалобы № 7819/77 и 7878/77), п. 80 // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 438–469.*

нарушение ст. 6 Конвенции. Например, по делу «Мирошник против Украины» ЕСПЧ пришел к выводу о нарушении требований ст. 6 Конвенции в отношении судебного разбирательства по иску к Министерству обороны, осуществлявшегося военным судом, поскольку судьи военных судов в тот момент времени являлись военнослужащими и Министерство обороны участвовало в финансировании, снабжении и обеспечении деятельности военных судов, обеспечении военных судей жильем, что свидетельствовало о необеспечении их независимости при рассмотрении исков к Министерству обороны¹.

Далее, независимость судей может быть нарушена и вследствие прямого вмешательства государства в деятельность суда, оказания им в той или иной форме воздействия на суд с целью понуждения его к принятию определенного решения. В этих случаях, как правило, Европейский Суд не разводит понятия независимости и беспристрастности суда, считая, что такое вмешательство приводит к нарушению обоих признаков справедливости судебного разбирательства. Например, по делу «Совтрансавто холдинг» против Украины Суд установил, что при рассмотрении арбитражными судами спора между компаниями «Совтрансавто холдинг» и «Совтрансавто-Луганск» Президент Украины и органы исполнительной власти неоднократно оказывали на суды воздействие, направленное на принятие определенного решения по делу, и более того, те же действия допускало административное руководство Высшего арбитражного суда Украины. В частности:

– 16 января 1998 г. руководством компании «Совтрансавто-Луганск» было направлено письмо Президенту Украины с просьбой «взять дело под личный контроль», с целью «защитить интересы Украины». В письме от 3 февраля 1998 г. Президент Украины предписал Председателю Высшего Арбитражного Суда Украины «защищать интересы граждан Украины».

– 6 марта 1998 г. глава Луганской областной администрации проинформировал Президента Украины о том, что, несмотря на его резолюцию от 28 января 1998 г. встать на защиту национальных интересов, Высший Арбитражный Суд Украины отменил решение суда от 4 августа 1997 г. и постановление от 14 октября 1997 г. и

---

¹ См.: *Информация* о Постановлении ЕСПЧ по делу «Мирошник (Miroshnik) против Украины» от 27 ноября 2008 г. (жалоба № 75804/01) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 3. С. 19–20.

отправил дело на новое рассмотрение, что, по его мнению, представляет угрозу для нормального функционирования компании «Совтрансавто-Луганск» и ущемляет интересы Украины в пользу России. Он потребовал от Президента Украины немедленно вмешаться в рассматриваемое дело с целью защиты интересов украинского предприятия и граждан Украины.

– 19 мая 1998 г. Т. (народный депутат Украины) в своем письме на имя Президента Украины призвал его встать «на защиту интересов граждан Украины». Резолюцией, наложенной на указанное письмо депутата, датированной тем же днем, Президент Украины еще раз обратил внимание Председателя Высшего Арбитражного Суда Украины на необходимость защитить интересы государства.

– 20 мая 1998 г., в ходе слушания дела Г.А. Кравчук (судья, назначенный Арбитражным судом Киевской области) публично отказался вести процесс по причине сильного давления, которое на него оказывалось со стороны ответчиков (компании «Совтрансавто-Луганск» и исполкома Луганского горсовета). 21 мая 1998 г. был назначен другой судья.

– 28 мая 1998 г. Председателем Высшего Арбитражного Суда Украины на имя председателя Арбитражного суда Киевской области была отправлена копия резолюции Президента Украины от 19 мая 1998 г. для того, чтобы она была принята во внимание во время рассмотрения дела заявителя.

Не проводя оценки какого-либо эффекта такого вмешательства на принятые судебные решения, Европейский Суд установил, что в данном деле заявитель объективно мог иметь опасения относительно независимости и беспристрастности суда. Органы исполнительной власти Украины таким вмешательством проявили неуважение по отношению к функции отправления правосудия¹.

Отметим также, что государство может вмешиваться в деятельность судов и иным образом: путем ретроспективного принятия нормативных актов, вносящих изменение в правовое положение другой стороны в споре. В этих случаях ЕСПЧ презюмирует нарушение не признака независимости суда, а начала равенства сторон. Например, рассмотрев дело «Булгакова против РФ», ЕСПЧ

---

¹ См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Совтрансавто холдинг» (Sovtransavto Holding) против Украины» от 25 июля 2002 г. (жалоба № 48553/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

установил, что имело место нарушение принципа правовой определенности и равенства сторон в следующих обстоятельствах:

«С 1998 года пенсия заявителя должна была рассчитываться согласно новому пенсионному законодательству. Закон о пенсиях содержал двусмысленные понятия, и каждая сторона – пенсионеры и органы пенсионного обеспечения – читали его в свою пользу. Когда переговоры исчерпали себя, заявитель подала гражданский иск к Управлению Пенсионного фонда Российской Федерации. Суд истолковал закон в пользу заявителя и удовлетворил ее иск. Судебное решение было оставлено без изменения судом кассационной инстанции и вступило в силу в декабре 1999 г. Две недели спустя Министерство труда и социального развития Российской Федерации утвердило Разъяснение, подробно указывающее на то, как Закон о пенсиях должен применяться. В Разъяснении подтверждалось толкование Управлением Пенсионного фонда Российской Федерации Закона о пенсиях, и в августе 2000 г. Управление Пенсионного фонда Российской Федерации обратилось в суд с заявлением о пересмотре дела, поскольку Разъяснение являлось «вновь открывшимся обстоятельством». Суд удовлетворил заявление, пересмотрел дело и вынес решение не в пользу заявителя»¹. Суд в данном случае исходил из следующего: государство не может произвольно вмешиваться в судебный процесс. Так, если власти проиграли дело в суде, но добились возобновления рассмотрения дела, введя новое законодательство с ретроактивным применением, возникает вопрос согласно п. 1 ст. 6 Конвенции. В данном случае единственной причиной пересмотра урегулированного спора является утверждение Разъяснения, давшего новое толкование закону, лежащему в основе судебного решения, вынесенного в пользу заявителя. Таким образом, государство установило новые правила, которые были бы применимы к другим делам в будущем, но оно и добилось отмены вступившего в силу судебного решения, заменив «неверное» юридическое толкование закона «правильным», более выгодным для государства (в лице Управления Пенсионного фонда). Такая ситуация, по мнению Европейского Суда, нарушила принципы правовой определенности и равенства сторон, закрепленные в п. 1 ст. 6 Конвенции².

Наконец, значимость **внешних атрибутов независимости суда** определяется сформулированной Европейским Судом формулой:

---

¹ См.: *Постановление ЕСПЧ по делу «Булгакова (Bulgakova) против Российской Федерации»* от 18.01.2007 г. (жалоба № 69524/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Там же.

«правосудие не только должно осуществляться, но должно быть видно, что оно осуществляется»¹. В Постановлении Европейского Суда по делу «Финдли против Соединенного Королевства» указано: «Для веры в независимость и беспристрастность суда важны их внешние признаки»². В деле «Белилос против Швейцарии» Суд учел, что местная «Полицейская комиссия», занимавшаяся разбирательством некоторых мелких правонарушений, состояла из единственного члена – полицейского чиновника, действовавшего в своем личном качестве. Несмотря на то, что он не должен был подчиняться указаниям властей, что он принял присягу и не подлежал увольнению, он впоследствии должен был вернуться к исполнению своих обязанностей в муниципалитете. Его можно было рассматривать в качестве представителя полиции, подчиняющегося своему руководству и солидарного со своими коллегами, что, следовательно, могло подорвать доверие, которым должны обладать суды. С учетом этого Суд сделал вывод, что в данной ситуации имели место обоснованные сомнения относительно независимости и организационной беспристрастности Полицейской комиссии, и признал нарушенным п. 1 ст. 6 Конвенции³.

4.2. Беспристрастность судей

Общие положения

Под беспристрастностью Суд понимает отсутствие предубеждения и заинтересованности в исходе дела. Оценивая ее значимость с точки зрения обеспечения справедливого характера судебного разбирательства, Суд неоднократно подчеркивал, что в демократическом обществе важно, чтобы суды внушали доверие населению.

---

¹ См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Кэмпбелл (Campbell) и Фелл (Fell) против Соединенного Королевства» от 28.06.1984 г. (жалобы № 7819/77 и 7878/77), п. 80 // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 438–469.

² См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Финдли (Findlay) против Соединенного Королевства» от 25 февраля 1997 г. (жалоба № 22107/93), п. 76. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Белилос (Belilos) против Швейцарии» от 29 апреля 1988 г. (жалоба № 10328/83), п. 66–67// Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 568–581.

Поэтому необходимо не только, чтобы судьи были действительно беспристрастны, но и чтобы они выглядели таковыми. С учетом этого Суд разделяет субъективный и объективный подходы к проверке беспристрастности судей. Так, в деле «Пьерсак против Бельгии» Суд заявил, что «несмотря на то, что беспристрастность обычно означает отсутствие предубеждения или пристрастия, ее отсутствие или, наоборот, наличие может быть проверено различными способами в соответствии с ч. 1 ст. 6 Конвенции. В данном контексте можно провести различие между субъективным подходом, отражающим личные убеждения данного судьи по конкретному делу, и объективным подходом, который определяет, имелись ли достаточные гарантии, чтобы исключить какие-либо сомнения по этому поводу»¹.

При этом личная беспристрастность судьи презюмируется, пока не доказано обратное². Данная презумпция является очень сильной, так как на практике достаточно трудно доказать наличие личного пристрастия. Поэтому в том, что касается субъективной беспристрастности суда, Суду требуются весомые доказательства фактического наличия предубеждения.

Такие доказательства предоставить бывает весьма затруднительно, и на практике очень немного случаев, в которых Суд приходил бы к выводу о наличии субъективного предубеждения судьи. Однако требование объективной беспристрастности предполагает «дальнейшие важные гарантии справедливости судебного разбирательства». Иными словами, Европейский Суд признал трудность установления нарушения ст. 6 Конвенции в рамках субъективной заинтересованности и поэтому в подавляющем большинстве дел,

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Пьерсак (Piersack) против Бельгии» от 1 октября 1982 г. (жалоба № 8692/79), п. 30 // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 417–421.

² См. среди прочих прецедентов *Постановление* ЕСПЧ по делу «Падовани (Padovani) против Италии» от 26 февраля 1993 г. (жалоба № 13396/87), п. 20. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010), а также *Постановление* ЕСПЧ по делу «Морель (Morel) против Франции» от 06 июня 2000 г. (жалоба № 34130/96), п. 41. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

касающихся возможной заинтересованности суда, сосредоточивает свое внимание на объективном критерии¹.

Анализ практики Европейского Суда демонстрирует две возможные ситуации, в которых возникает вопрос о недостаточной беспристрастности суда. Первая по своей природе имеет функциональный характер: когда само поведение судьи не вызывает недоверия, но когда, к примеру, он до судебного разбирательства выполнял по этому же делу другие функции, несовместимые с функцией судьи. Например, по делу «Пьерсак против Бельгии» Суд пришел к выводу о нарушении требования объективной беспристрастности, поскольку лицо, участвовавшее в судебном разбирательстве в качестве председательствующего, ранее занимало должность руководителя подразделения в прокуратуре, осуществлявшего расследование по тому же делу и имело право вносить любую поправку в направляемые в суд документы, обсуждать с лицами, непосредственно осуществлявшими расследование, позицию, которую следует занять по делу, и давать им советы по вопросам права². Вторая ситуация имеет личностный характер и вытекает из поведения судей в конкретном случае. Такое поведение может свидетельствовать о нарушении объективного критерия беспристрастности, но также может в силу своей природы затрагивать и субъективный критерий и даже обнаруживать персональную заинтересованность судьи. Таким образом, попадает ли дело под действие одного, другого или обоих критериев, зависит от конкретных фактов, касающихся рассматриваемого поведения: действия судьи могут не только внушать объективные опасения с точки зрения стороннего наблюдателя в наличии заинтересованности (объективный критерий), но могут затрагивать и собственные убеждения судьи (субъективный критерий)³. Например, в случае, когда председатель суда

---

¹ См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Киприану (Kyprianou) против Кипра» от 15 декабря 2005 г. (жалоба № 73797/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Постановление* ЕСПЧ по делу «Пьерсак (Piersack) против Бельгии» от 1 октября 1982 г. (жалоба № 8692/79), п. 30 // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 417–421.

³ См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Киприану (Kyprianou) против Кипра» от 15 декабря 2005 г. (жалоба № 73797/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

публично использовал фразы, говорящие о том, что он сформировал неблагоприятное мнение по делу заявителя прежде, чем стал председательствовать в суде, рассматривающем его, такие заявления могли подтвердить опасения обвиняемого в объективной пристрастности судьи¹. Вместе с тем в другом деле, где судья публично (в прессе) подверг критике действия защиты и выразил удивление ее заявлением о невинности, Европейский Суд применил субъективный критерий².

а) Субъективный критерий

Как уже было сказано выше, Суд исходит из того, что личная беспристрастность суда презюмируется, и не рассматривает вопрос о субъективной беспристрастности судьи, если ему не представлены весомые доказательства наличия предубеждения. В качестве таких доказательств Европейский Суд, к примеру, стремился удостовериться, не выказывал ли судья враждебность или пристрастность или не организовал ли он передачу дела под свою юрисдикцию, исходя из личных целей. В частности, по делу «Киприану против Кипра»³ Суд пришел к выводу, что некоторые аспекты поведения судей в ходе судебного разбирательства с участием заявителя могут быть признаны субъективной заинтересованностью. При этом он привел следующие мотивы:

1) судьи в своем обвинительном решении признали, что были «лично» «глубоко оскорблены» заявителем. С точки зрения Европейского Суда это заявление само по себе показывает, что судьи были лично оскорблены словами и действиями заявителя, и означает восприятие их как персональную обиду;

2) высокопарный язык, использованный судьями при оглашении своего решения, по мнению Суда, скрывает чувство оскорбленного достоинства и шока, которые противоречат беспристраст-

---

¹ См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Бусчеми (Buscemi) против Италии» от 16 сентября 1999 г. (жалоба № 29569/95), п. 68. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

² См.: *Информация* о Постановлении ЕСПЧ по делу «Лавентс (Lavents) против Латвии» от 28 ноября 2002 г. (жалоба № 58442/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Киприану (Kyprianou) против Кипра» от 15 декабря 2005 г. (жалоба № 73797/01), п. 129–133. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ному подходу к судебным выступлениям. В частности, судьи заявили, что «суд не может вспомнить другого столь явного и неприемлемого случая оскорбления суда кем-либо, не говоря уже об адвокате», и что «не будь реакция суда мгновенной и жесткой, авторитету правосудия был бы нанесен серьезный урон»;

3) судьи тут же перешли к вынесению приговора в виде тюремного заключения сроком на пять дней, немедленно вступившего в силу, который они назвали «единственно адекватным ответом». По мнению судей, «неправильная реакция со стороны законной и цивилизованной власти, коей является суд, может означать, что авторитет суда может пострадать»;

4) судьи ранее в диалоге с заявителем выразили мнение, что считают его виновным в уголовном преступлении, а именно в оскорблении суда. После признания заявителя виновным в совершении этого преступления ему был предложен выбор: либо остаться при своем мнении и объяснить касательно причин, по которым на него не может быть наложено наказание, либо отказаться от своих слов. Таким образом, ему фактически было предложено уменьшить «ущерб, причиненный его поведением», а не выступить в свою защиту.

С учетом этих фактов ЕСПЧ решил, что судьи отнеслись к делу недостаточно отстраненно, и поэтому сделал вывод о том, что сомнения заявителя в беспристрастности судей были оправданы в рамках субъективного критерия.

б) Объективный критерий

1. По мнению Европейского Суда, основной задачей судов является внушать доверие и уверенность¹. Поэтому судьи должны вести себя так, чтобы у участников процесса и присутствующих не было объективных оснований для возникновения сомнений в беспристрастности суда. Европейский Суд, в частности, исходит из того, что судебные органы должны максимально тщательно изучать рассматриваемые ими дела с целью сохранить лицо беспристрастных судей. Эта тщательность должна удерживать их от оказания давления даже в случае провокации. Эти высокие требования

---

¹ См.: *Постановление ЕСПЧ по делу «Клейн (Kleyn) и другие против Нидерландов»* от 06.05.2003 г. (жалобы № 39343/98, 39651/98, 43147/98 и 46664/99), п. 196. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

правосудия и как бы отчужденную природу должности судьи диктует профессиональный долг¹.

При этом принципы, сложившиеся в практике Суда относительно независимости и беспристрастности судов, действуют как для профессиональных, так и для непрофессиональных судей (например, народных, присяжных, арбитражных заседателей).

2. В рамках теста на объективность необходимо определить, существуют ли, независимо от личного поведения судьи, неоспоримые факты, которые могут вызывать сомнения в его беспристрастности. Внешние атрибуты в этом отношении могут иметь существенное значение². Например, по делу «Белуха против Украины» Суд установил, что председатель Артемовского городского суда Донецкой области, который единолично заседал как судья первой инстанции в деле заявителя и решение которого было оставлено без изменения вышестоящими судами, требовал и получал на бесплатной основе (для суда в целом) определенное имущество от компании-ответчика. По мнению Европейского Суда, в этих обстоятельствах опасения заявителя, что председатель Артемовского городского суда Донецкой области В.Л.Г. будет пристрастным, могли быть объективно оправданными³.

По делу «Киприану против Кипра» Суд пришел к выводу о том, что беспристрастность судей может быть подвергнута сомнению в рамках не только субъективного, но и объективного критерия, поскольку в ситуации, когда судьи сочли, что имело место оскорбление их в зале суда, поскольку они были непосредственным объектом критики заявителя, касающейся манеры, в которой они вели разбирательство, те же судьи приняли решение о привлечении заявителя к ответственности, рассматривали поведение заявителя,

---

¹ См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Бусчеми (Buscemi) против Италии» от 16 сентября 1999 г. (жалоба № 29569/95). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

² *Постановление* ЕСПЧ по делу «Фей (Fey) против Австрии» от 24 февраля 1993 г. (жалоба № 14396/88), п. 30. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

³ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Белуха (Belukha) против Украины» от 09.11.2006 г. (жалоба № 33949/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

признали его виновным и назначили наказание, в данном случае лишение свободы. В подобной ситуации смешение ролей истца, свидетеля, обвинителя и судьи само по себе внушает объективно оправданные опасения в небеспристрастности суда, ввиду проверенного временем принципа, что никто не может быть судьей в своем деле»¹.

3. При определении того, существует ли в рассматриваемом деле обоснованное основание для опасения, что конкретному судье не хватает беспристрастности, мнение обвиняемого (защитника), а также тех, кто это отрицает, играет важную, но не определяющую роль. Решающим здесь является то, насколько данное опасение может быть **объективно** оправдано, т.е. могут ли эти признаки быть выявлены **объективным наблюдателем**².

Здесь следует особо остановиться на отношении Суда к тем случаям, когда в рассмотрении дела принимал участие судья, принявший ранее какие-либо решения в отношении заявителя на досудебном этапе. Здесь Суд исходит из того, что, по общему правилу, тот факт, что судья уже выносил решения по конкретному делу до его рассмотрения в суде первой инстанции, сам по себе, автоматически, не может еще служить оправданием наличия сомнений в беспристрастности этого судьи³. Например, по делу «Белевицкий против Российской Федерации» Суд признал, что не имело места нарушение требования беспристрастности в ситуации, когда судья, рассматривавший дело в отношении заявителя, ранее принимал решение о продлении срока его содержания под стражей, которое

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Киприану (Kyprianou) против Кипра» от 15 декабря 2005 г. (жалоба № 73797/01), п. 129–133. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Там же, а также см.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Ремли (Remli) против Франции» от 23 апреля 1996 г. (16839/90) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 2. М.: Норма, 2000. С. 196–206; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Веттштайн (Wettstein) против Швейцарии» от 21 декабря 2000 г. (жалоба № 33958/96), п. 44. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010) и др.

³ См., например: *Информация* о Постановлении ЕСПЧ по делу «Пероте Пеллон (Perote Pellon) против Испании» от 25 июля 2002 г. (жалоба № 45238/99) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2003. № 1.

было мотивировано, в частности, тяжестью предъявленного заявителю обвинения¹.

В то же время Суд может прийти и к противоположному выводу, в зависимости от специфики конкретных действий судьи на предшествующих этапах судопроизводства и от содержания и мотивировки принятых им решений. Например, в деле «Хаусхильдт против Дании» Суд усмотрел нарушение права на беспристрастный суд, поскольку судья, председательствовавший в судебном разбирательстве, не просто ранее 9 раз выносил судебное решение о продлении срока содержания под стражей, но ссылаясь при этом на то, что имеется «очень высокая степень вероятности» виновности заявителя. Суд счел, что различие между степенью убежденности судьи в виновности, необходимой для вынесения обвинительного приговора и для вынесения решения о продлении срока содержания под стражей в этой ситуации, было слишком тонким и что опасения заявителя поэтому были объективно оправданны². Аналогичным образом Суд пришел к выводу о нарушении ст. 6 в деле «Пероте Пеллон против Испании» с учетом того, что председательствующий судья и один из судей-докладчиков уже участвовали в осуществлении ряда процессуальных действий по делу, включая, в частности, принятие решения об отказе в удовлетворении жалобы на постановление о предъявлении обвинения и вынесение решений о продлении срока предварительного заключения, в результате чего в рассматриваемом деле могли возникнуть серьезные сомнения в беспристрастности состава суда, рассмотревшего дело по первой инстанции³.

При этом новое рассмотрение дела теми же судьями не обязательно противоречит началу беспристрастности, если предыдущий приговор был вынесен в результате заочного рассмотрения дела. В

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Белевицкий (Belevitskiy) против Российской Федерации» от 1 марта 2007 г. (жалоба № 72967/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Постановление* ЕСПЧ по делу «Хаусхильдт (Hauschildt) против Дании» от 24 мая 1989 г. (жалоба № 10486/83). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

³ *Информация* о Постановлении ЕСПЧ по делу «Пероте Пеллон (Perote Pellon) против Испании» от 25 июля 2002 г. (жалоба № 45238/99) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2003. № 1.

деле «Томанн против Швейцарии» в такой ситуации Суд не усмотрел нарушения ст. 6, поскольку судьи «отдавали себе отчет в том, что они вынесли свое первое решение на основании ограниченных свидетельств, и предприняли новое разбирательство дела на более исчерпывающей и состязательной основе». Кроме того, Суд, напротив, указал, что если бы суду пришлось изменять свой состав каждый раз, когда заново рассматривается дело, по которому ранее был вынесен заочный приговор, то лица, в отношении которых был вынесен заочный приговор, получили бы преимущество перед теми, кто явился в судебное разбирательство, поскольку это позволило бы первым получить второе слушание по их делу в суде того же уровня. Кроме того, это привело бы к замедлению работы судов вследствие того, что большее количество судей будет вынуждено изучать то же дело, что вряд ли будет совместимым с требованием «проведения судебного разбирательства в разумный срок»¹.

Конечно, наличие объективно оправданных опасений в небеспристрастности судей может быть подтверждено Судом и в других ситуациях. Например, напомним, что по упомянутому выше делу «Моисеев против России» Суд счел, что сомнения заявителя по поводу независимости и беспристрастности суда были оправданными в ситуации, когда состав суда, рассматривающего дело, неоднократно менялся (всего 11 замен), причем причины таких замен были известны только в двух случаях. По мнению Европейского Суда, замена председательствующего без указания причин должна считаться произвольной. Поскольку законодательство РФ не определяет, в каких случаях председатель суда может передавать дело другому судье, председатель в деле заявителя фактически использовал неограниченное усмотрение по данному вопросу, без каких-либо процессуальных гарантий, например, обязанности информировать стороны о причинах такой меры или предоставления им возможности высказывать по этому поводу свое мнение или обжаловать замену в вышестоящем суде².

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Томанн (Thomann) против Швейцарии» от 10 июня 1996 г. (жалоба № 17602/91). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

² См.: *Информация* о Постановлении ЕСПЧ по делу «Моисеев (Moiseyev) против Российской Федерации» от 09 октября 2008 г. (жалоба

4. Наличие таких объективных опасений может, как правило, приниматься во внимание только в случае, если заинтересованная сторона обратила внимание суда на соответствующие обстоятельства (например, если по этим обстоятельствам был заявлен отвод или требование распустить коллегию присяжных заседателей). В то же время это правило применяется Судом с определенной степенью гибкости. Простое отсутствие возражений против участия в деле отдельных судей не может еще считаться достаточным условием для установления отказа от своего права на беспристрастный суд. Стороны должны быть осведомлены о своем праве на выражение сомнения относительно беспристрастности судебного разбирательства, им должна быть предоставлена возможность поднять этот вопрос, и они должны выразить свое удовлетворение по поводу состава суда. Например, в деле «Обершлик против Австрии» в заседании апелляционного суда, рассматривавшего дело в отношении заявителя на втором этапе, председательствовал тот же самый судья, что и при рассмотрении дела на первом этапе. Кроме того, заявитель уточнил ЕСПЧ, что в то время ему даже показалось, что не только председательствующий, но и два других судьи уже участвовали ранее в первом апелляционном рассмотрении дела. Выяснилось, что это было действительно так. Правительство возражало против жалобы заявителя, указывая, что, не заявив отвода и не выдвинув возражений против участия председательствующего, заявитель тем самым отказался от использования своего права на замену судьи. Суд счел, что в данном случае нет оснований утверждать, что заявитель отказался от своего права на рассмотрение своего дела «беспристрастным» судом. В данном случае не только председательствующий, но также и два других члена апелляционного суда были обязаны в соответствии с УПК Австрии заявить самоотвод. Кроме того, Суд принял во внимание, что заявитель и его адвокат лишь после слушания дела узнали, что и двое других судей также участвовали в вынесении предыдущего решения по делу¹. В деле «Пфайфер и Планкль против Австрии» Суд не признал, что имел

№ 62936/00) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 2. С. 17–21.

¹ См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Обершлик (Oberschlick) против Австрии» от 23 мая 1991 г. (жалоба № 11662/85) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 684–697.

место отказ заявителя от своего права на беспристрастный суд в ситуации, когда судья, не имевший права участвовать в судебном разбирательстве, так как ранее он участвовал в расследовании по делу, выяснил мнение заявителя о возможности своего участия в рассмотрении дела в отсутствие адвоката заявителя, который даже не был вызван в суд¹.

5. В случае, когда имело место заявление (сообщение), ставящее под сомнение беспристрастность судьи (судей), любой национальный судебный орган в серьезных случаях обязан проверять, является ли данный судебный состав «беспристрастным судом» в свете положений ст. 6 Конвенции.

Например, по делу «Ремли против Франции» суд ассизов Роны должен был судить лиц североафриканского происхождения – г-на Ремли и его напарника, а третье лицо – г-жа М. письменно показала, что слышала, как один из членов жюри заявил: «К тому же я расист». Адвокаты заявителя обратили внимание суда на упомянутое высказывание и попросили его зафиксировать. Суд отклонил эту просьбу, не вникнув в представленное ему доказательство, под чисто формальным предлогом, что он не может «приобщать к делу факты, имевшие место вне зала суда». Кроме того, суд не распорядился провести расследование по этому факту, в то время как он был полномочен это сделать. Следовательно, заявитель не имел возможности ни добиться замены данного члена жюри на кого-либо из запасных, ни сослаться на вышеупомянутый факт в своей кассационной жалобе. Он не имел также возможности дать отвод вышеназванному лицу, поскольку состав жюри уже был образован, а подача апелляции на решение суда ассизов невозможна. Европейский Суд, рассмотрев данное дело, пришел к выводу, что в данном деле суд ассизов Роны не провел проверку заявления о небеспристрастности одного из членов суда, создав таким образом ситуацию, противоречащую требованиям Конвенции. Этого уже достаточно, учитывая важность доверия, которое суды в демократическом обществе обязаны внушать представшим перед ними, чтобы констатировать факт нарушения ст. 6, п. 1².

---

¹ См.: *Постановление ЕСПЧ по делу «Пфайфер и Планкль (Pfeifer and Plankl) против Австрии»* от 25 февраля 1992 г. (жалоба № 10802/84). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

² См.: *Постановление ЕСПЧ по делу «Ремли (Remli) против Франции»*

Далее, такая проверка должна быть эффективной, способной устранить сомнения относительно реальности и характера указанных фактов¹. По делу «Фархи против Франции» заявитель требовал, чтобы был зафиксирован факт неправомерного, с его точки зрения, общения между представителем прокуратуры и некоторыми присяжными. В качестве реакции на это заявление председатель и ассессоры заслушали адвокатов заявителя и гражданского истца, генерального адвоката и обвиняемого. Это обсуждение не позволило определить содержание беседы и установить личности соответствующих присяжных. По мнению ЕСПЧ, в данном случае только заслушивание присяжных могло внести ясность в отношении характера беседы и влияния, которое она могла при необходимости оказать на их мнение. Кроме того, решение, принятое по результатам такого обсуждения, ограничилось тем, что констатировало, что имело место обсуждение с участием сторон, и признало отсутствие нарушения положений УПК Франции, не содержа какого-либо уточнения о результатах проверки, которые могли быть получены по окончании этого обсуждения. В связи с этим Европейский Суд пришел к выводу, что проверка, проведенная в настоящем деле, не может считаться эффективной, а стало быть имело место нарушение права на беспристрастный суд².

Что же касается того, что должно быть сделано, если в результате проверки будет установлено, что сомнения в беспристрастности обоснованы, то общее правило гласит, что всякий судья, в отношении беспристрастности которого имеются законные сомнения, должен выйти из состава суда³. Однако такое правило может быть сложным для реализации, когда речь идет о рассмотрении дела с участием коллегии присяжных, поскольку в некоторых случаях способно привести к роспуску коллегии присяжных. Другие же

от 23 апреля 1996 г. (16839/90) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 2. М.: Норма, 2000. С. 196–206.

¹ См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Фархи (Farhi) против Франции» от 16 января 2007 г. (жалоба № 17070/05). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Там же. П. 27–32.

³ См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Пьерсак (Piersack) против Бельгии» от 1 октября 1982 г. (жалоба № 8692/79), п. 30. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

меры, направленные к обеспечению беспристрастности присяжных, ЕСПЧ в зависимости от ситуации в целом может оценить как достаточные либо недостаточные. Например, по делу «Грегори против Соединенного Королевства» судье поступила записка от жюри присяжных со словами: «Присяжные демонстрируют расистские настроения. Один член должен выйти из состава жюри». ЕСПЧ счел, что сообщение было весьма расплывчатым, и председательствующий принял в этой ситуации меры, которые ЕСПЧ были восприняты как достаточные: он показал записку представителям обвинения и защиты, которые не настаивали на роспуске жюри. Он также обратился к жюри с предупреждением рассматривать дело только на основании доказательств, отбросив всякие предубеждения¹. В отличие от этого дела, по делу «Сандер против Соединенного Королевства» член жюри представил записку о том, что два его коллеги присяжных «допускают открыто расистские высказывания и шутки», и о том, что он опасается, что «они собираются осудить обвиняемых не на основе доказательств, но потому, что они азиаты». На следующее утро после представления этой записки все присяжные заседатели подписали письмо о том, что эти утверждения безосновательны. Однако один из присяжных заседателей написал отдельное письмо, косвенно говорящее, что он допускает расистские шутки. В данном случае, в отличие от предыдущего дела («Грегори против Соединенного Королевства»), угроза беспристрастности жюри была не расплывчатой, а достаточно конкретной (признание одного из членов жюри, что он сделал расистские комментарии в виде шутки или иным образом). Кроме того, по данному делу, в противоположность делу «Грегори против Соединенного Королевства», адвокат заявителя настаивал на роспуске жюри присяжных. С учетом этого Европейский Суд пришел к выводу, что меры, предпринятые председательствующим (напутствие присяжным), которые были аналогичны мерам, предпринятым по делу «Грегори против Соединенного Королевства», в данном слу-

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Грегори (Gregory) против Соединенного Королевства» от 25 февраля 1997 г. (жалоба № 22299/93), п. 46–48. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

чае были недостаточны, и констатировал, что было допущено нарушение ст. 6 Конвенции¹.

К сожалению, как представляется, основания и порядок разрешения отвода, заявленного судье, установленные в российском уголовно-процессуальном и гражданско-процессуальном законодательстве, не гарантируют в достаточной степени устранения от рассмотрения дела судей, в отношении которых нет оснований предполагать их субъективную заинтересованность, в ситуации, когда у объективного наблюдателя, тем не менее, может сложиться обоснованное основание для опасения в их небеспристрастности, а также не создают механизма проведения эффективной проверки сообщений, ставящих под сомнение беспристрастность судьи (судей). Лишь АПК РФ предусматривает дополнительные (по сравнению с УПК и ГПК) основания для заявления такого отвода и гарантии объективного характера его разрешения (в число которых, в частности, входит разрешение отвода, заявленного единоличному судье председателем арбитражного суда, заместителем председателя арбитражного суда или председателем судебного состава, а не тем судьей, которому заявлен отвод, как это характерно для гражданского и уголовного процесса).

Небезупречной в данном отношении представляется и позиция Конституционного Суда Российской Федерации. В своем Определении от 8 февраля 2007 г. № 325-О-О, Конституционный Суд Российской Федерации, противореча приведенной им же позиции Европейского Суда по правам человека, согласно которой беспристрастность судьи должна оцениваться, в частности, в соответствии с объективным подходом, записал, что участники судебного разбирательства **должны** испытывать доверие к суду, которое может быть поставлено под сомнение **только на основе достоверных и обоснованных доказательств, свидетельствующих об обратном**². В результате Консти-

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Сандер (Sander) против Соединенного Королевства» от 9 мая 2000 г. (жалоба № 34129/96). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

² *Определение* Конституционного Суда РФ от 08.02.2007 № 325-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан Лесной Лидии Николаевны, Стригуна Станислава Владимировича, Чичерина Виктора Петровича и общества с ограниченной ответственностью «Афина-Бизнес» на нарушение конституционных прав и свобод частью второй статьи 20

туционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что предусмотренный ГПК РФ (и УПК РФ также) порядок разрешения вопроса об отводе, заявленном судьбе, рассматривающему дело единолично, не противоречит Конституции РФ¹. Представляется, что данное Определение содержит позицию, прямо противоречащую толкованию ст. 6 Конвенции, данному Европейским Судом по правам человека. В самом деле, Европейский Суд исходит из того, что **суд должен** действовать так, чтобы окружающие испытывали к нему доверие, а если это доверие по каким-либо причинам нарушено, то суд должен предпринять достаточные меры для того, чтобы это доверие восстановить. Конституционный же Суд Российской Федерации заявил, что **участники судебного разбирательства должны** испытывать доверие к суду и не могут терять его иначе, как при наличии достоверных доказательств пристрастности суда, получить которые практически невозможно. Возникают поэтому существенные сомнения: действительно ли такая позиция Конституционного Суда Российской Федерации позволяет гарантировать реальный и исполнимый характер права на судебную защиту, обеспечение реализации в России положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ратифицированной Российской Федерацией, а потому являющейся составной частью российского законодательства? Соответственно, указанная позиция не дает убедительного ответа на вопрос о том, обеспечивает ли существующий ныне в уголовном процессе порядок разрешения отвода единоличному судьбе достаточные гарантии того, что в рассмотрении уголовного дела не примет участия судья, относительно кандидатуры которого имеются обоснованные сомнения в его беспристрастности.

Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Там же.

Глава 5. Процессуальные условия справедливости судебного разбирательства

5.1. Публичность (гласность) правосудия

Говоря о содержании начала публичности судебного разбирательства (в толковании ЕСПЧ), необходимо отметить, прежде всего, что публичность судебного разбирательства в смысле ст. 6 Конвенции не имеет ничего общего с пониманием принципа публичности в российском уголовном процессе. Если применительно к уголовному процессу РФ публичность понимается как официальность уголовного судопроизводства, как такой порядок, при котором действия государственных органов и должностных лиц в уголовном процессе определяются не соображениями целесообразности, а осуществляются в строгом соответствии с законом¹, то с точки зрения Конвенции публичность включает:

- открытость, гласность судебного разбирательства;
- публичное оглашение судебного решения;
- устный характер судебного разбирательства, включающий право заинтересованных лиц лично присутствовать в судебном разбирательстве и быть заслушанными судом.

Публичный характер судебного разбирательства является, по мнению ЕСПЧ, существенным элементом права на справедливый суд. Как заявил Суд в деле «Ахсен против Германии», «публичный

---

¹ Мы не будем подробно останавливаться здесь на данном вопросе. Позицию автора по вопросу о содержании принципа публичности уголовного процесса см.: *Уголовно-процессуальное право Российской Федерации*: Учеб. / Под ред. Ю.К. Якимовича. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. С. 73–81.

характер разбирательства перед судебными органами, на который ссылается п. 1 ст. 6, защищает заявителей от тайного, не подконтрольного обществу отправления правосудия; это также один из способов укрепления доверия к деятельности судов как высшей, так и низшей инстанции. Делая процесс отправления правосудия прозрачным, публичность способствует достижению цели п. 1 ст. 6, а именно, обеспечению справедливого судебного разбирательства, гарантия которого является одним из фундаментальных принципов любого демократического общества, по смыслу Конвенции»¹.

Открытость (гласность) судебного разбирательства

Начало открытости судебного разбирательства не беспредельно и может быть в некоторых случаях ограничено. В соответствии со ст. 6 Конвенции, «...пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или – в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо, – при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия». Таким образом, Конвенция не просто допускает ограничения из начала открытости судебного разбирательства, но и не устанавливает закрытого перечня таких ограничений. Европейский Суд также не пытается ограничить перечень подобных случаев. Например, в отдельных ситуациях Суд признавал допустимость ограничения открытости судебного разбирательства в следующих ситуациях:

– по делам о дисциплинарных проступках заключенных, находящихся в тюрьмах. В деле «Кемпбелл и Фелл против Соединенного Королевства» Суд заявил, что нельзя не считаться с доводами относительно общественного порядка и вопросов безопасности, когда подобное разбирательство проходит открыто. Это создало бы невероятные трудности для государственной власти²;

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Ахсен (Axen) против Германии» от 8 декабря 1983 г. (жалоба № 8273/78). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkr197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

² См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Кэмпбелл (Campbell) и Фелл (Fell) против Соединенного Королевства» от 28.06.1984 г. (жалобы № 7819/77 и 7878/77), п. 87 // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 438–469.

– для профессионального дисциплинарного разбирательства (например, в отношении врача или адвоката). При определении того, насколько необходимым является публичное разбирательство, по мнению Суда, должны учитываться такие факторы, как соблюдение профессиональной тайны и охрана частной жизни клиентов или пациентов¹;

– по делам об определении места жительства ребенка, Суд указал: «...такого рода судебные разбирательства представляют собой нагляднейший пример дел, где недопущение прессы и публики может быть оправдано стремлением защитить частную жизнь ребенка и сторон и не допустить нанесения ущерба интересам правосудия. Для предоставления возможности судье составить как можно более точное и полное представление о преимуществах и недостатках различных вариантов проживания и общения родителей с ребенком имеет огромное значение, чтобы родители и свидетели чувствовали себя способными открыто выражать свое мнение по высшей степени частным вопросам, не опасаясь любопытства или замечаний со стороны публики...»²;

– в интересах защиты частной жизни, чести и достоинства, безопасности участвующих в деле лиц, государственной безопасности³.

В целом же Суд отметил, что хотя ст. 6 Конвенции устанавливает общее правило о том, что судопроизводство должно быть публичным, не является несовместимым с этой нормой введение госу-

---

¹ См. *Постановление* ЕСПЧ по делу «Альбер и Ле Конт (Albert and Le Compt) против Бельгии» от 10.02.1983 г. (жалобы № 7299/75, 7496/76), п. 34. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

² *Постановление* ЕСПЧ по делу «Б. и П. (B. and P.) против Соединенного Королевства» от 24 апреля 2001 г. (жалобы № 36337/97 и 35974/97), п. 38. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

³ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Z. против Финляндии» от 25 февраля 1997 г. (жалоба № 22009/93) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 2. М.: Норма, 2000. С. 412–427; *Информация* о Постановлении ЕСПЧ по делу «Олуич (Olujić) против Хорватии» от 05 февраля 2009 г. (жалоба № 22330/05) // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 6. С. 23–25; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Волков (Volkov) против Российской Федерации» от 04 декабря 2007 г. (жалоба № 64056/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» и др.

дарством исключений из этого правила, в том числе и для целой категории дел, «если это представляется необходимым в интересах нравственности, общественного порядка или национальной безопасности, либо если это требуется в интересах несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон... хотя **необходимость такой меры всегда должна быть предметом судебного контроля**»¹.

При этом Суд полагает, что любое ограничение открытости судебного разбирательства возможно только тогда, когда: 1) оно вызывается необходимостью обеспечения в конкретной ситуации иных ценностей, которые перевешивают требование публичности процесса; 2) такая необходимость подтверждена конкретными обстоятельствами, исследованными судом с участием сторон; 3) она обоснована в мотивированном судебном решении; 4) публичность ограничивается только в строго необходимых пределах.

Например, по делу «Волков против Российской Федерации» Суд учел, что:

1) в начале закрытого слушания 17 ноября 1999 г. Омский областной суд рассмотрел вопрос о порядке проведения судебного разбирательства в связи с возражениями адвоката заявителя против проведения закрытого судебного разбирательства. Суд заслушал вдову одного из убитых, г-жу G., которая подтвердила, что боится друзей заявителя и их угроз, и попросила о проведении закрытых слушаний по данному делу. Далее суд выслушал заявителя, который настаивал, что не видит оснований проводить закрытые слушания. Затем суд выслушал прокурора, который поддержал ходатайство г-жи G. и подтвердил, что потерпевшие и свидетели находятся под давлением и опасаются открыто давать показания;

2) доводы, выдвинутые Омским областным судом для проведения закрытых судебных слушаний после совещания на месте, были основаны на желании «обеспечить всестороннее и объективное изучение дела и исключить любую возможность давления на потерпевших и свидетелей»;

3) оценивая процедуру обсуждения вопроса о проведении закрытого судебного заседания по делу и мотивированность соответ-

---

¹ См.: *Постановление ЕСПЧ по делу «Б. и П. (В. and P.) против Соединенного Королевства»* от 24 апреля 2001 г. (жалобы № 36337/97 и 35974/97), п. 39. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

ствующего решения, Суд нашел «краткость этих доводов достойной сожаления. Было бы целесообразно расширить их, чтобы разъяснить более подробно, почему свидетели имели серьезные основания опасаться давать показания публично и почему забота о безопасности свидетелей в данном случае перевесила важность обеспечения открытости судебного разбирательства. Более того, если суд действительно принимал во внимание информацию УБОП, то эти сведения необходимо было представить участникам дела, в частности заявителю, чтобы обеспечить открытое обсуждение по данному вопросу»¹.

Тем не менее Европейский Суд пришел к выводу что, даже несмотря на эти недостатки, поскольку решение областного суда провести закрытое судебное разбирательство имело очевидное основание в виде ходатайства со стороны важного свидетеля – вдовы одного из лиц, в убийстве которого заявителю было предъявлено обвинение, а решение суда было принято после того, как обвинение и защита имели возможность изложить свои доводы по данному вопросу, то при особых обстоятельствах данного дела областной суд мог с достаточным основанием заключить, что удаление публики служит интересам правосудия².

Напротив, по делу «Белашев против Российской Федерации»³ Суд пришел к выводу о том, что удаление публики из зала суда являлось нарушением права, предусмотренного ст. 6 Конвенции. По данному делу власти РФ утверждали, что проведение закрытого судебного разбирательства было обосновано и диктовалось интересами правосудия. В частности, 17 сентября 2001 г. Московский городской суд решил удалить публику из зала в интересах государственной безопасности, поскольку уголовное дело содержало сведения, отнесенные к государственной тайне. 25 декабря 2001 г. городской суд подтвердил свое решение рассматривать дело в закрытом судебном разбирательстве, сославшись на необходимость защиты потерпевших и свидетелей ввиду тяжести обвинений, предъ-

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Волков (Volkov) против Российской Федерации» от 04 декабря 2007 г. (жалоба № 64056/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Там же.

³ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Белашев (Belashev) против Российской Федерации» от 04 декабря 2008 г. (жалоба № 28617/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

явленных заявителю и его соподсудимым. Власти Российской Федерации подчеркивали, что хотя городской суд прямо не сослался на основания, указанные в п. 1 ст. 6 Конвенции, разбирательство не было публичным, потому что присутствие общественности могло повредить интересам правосудия.

Европейский Суд, изучив данные постановления и кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации, протоколы судебных заседаний и иные материалы дела, пришел к выводу о том, что эти материалы не подтверждают того, что в данном случае действительно имелась обоснованная необходимость в закрытии судебного разбирательства.

В частности, относительно соображений секретности он отметил следующее:

– 7 сентября и 25 декабря 2001 г. городской суд вынес определения о рассмотрении дела в закрытом судебном заседании. Первое определение не было мотивированным, а второе ссылалось только на необходимость обеспечения безопасности потерпевших и свидетелей. Кроме того, в своем кассационном определении от 26 февраля 2003 г. Верховный Суд Российской Федерации, рассмотрев жалобу заявителя на рассмотрение дела в закрытом заседании, не упоминал соображения государственной безопасности в качестве основания для удаления публики. Эти обстоятельства заставили Европейский Суд усомниться в том, что основой решения для удаления публики действительно являлись соображения государственной безопасности;

– в любом случае одно лишь наличие секретной информации в уголовном деле не влечет еще автоматически необходимости удаления публики без сопоставления значения открытости и соображений государственной безопасности. Европейский Суд отметил, что для государства может быть важно сохранять свои тайны, но бесконечно важнее обеспечить правосудие всеми требуемыми гарантиями, из которых одной из самых существенных является публичность. До удаления публики суды должны сделать конкретные выводы о том, что: 1) закрытость разбирательства необходима для защиты важного государственного интереса, и 2) ограничить гласность можно строго в пределах, необходимых для сохранения такого интереса;

– по делу отсутствовали доказательства того, что оба эти условия были достигнуты. Московский городской суд не привел под-

робных мотивов для закрытого судебного разбирательства. Он даже не указал, какие документы в уголовном деле, при наличии таковых, считались секретными или как они были связаны с природой и характером обвинений против заявителя. Одновременно городской суд не принял каких-либо мер для смягчения отрицательного влияния, которое решение о рассмотрении дела заявителя в закрытом судебном разбирательстве в целях защиты интереса государства в сохранении своих тайн должно было оказать на общественное доверие к надлежащему отправлению правосудия. Нет сведений о том, что городской суд не имел возможности удалить публику в одном или при необходимости нескольких закрытых заседаниях для оглашения секретных документов. С учетом этого Европейский Суд нашел поразительным, что в такой ситуации Московский городской суд предпочел рассмотреть дело полностью в закрытом судебном разбирательстве.

Относительно необходимости обеспечения безопасностей свидетелей изучение материалов дела привело Европейский Суд к следующим выводам:

– приведенные Московским городским судом мотивы для закрытия судебного разбирательства, указанные в постановлении от 25 декабря 2001 г., которые сводились к «обеспечению безопасности потерпевших, свидетелей и других участников разбирательства, с учетом характера обвинений», являются нежелательно лаконичными. Было бы предпочтительно изложить их более подробно, чтобы разъяснить, по какой причине городской суд обеспокоен уязвимостью тех или иных потерпевших и свидетелей или почему он предполагает, что свидетели и потерпевшие могут подвергнуться запугиванию, а также разъяснить, почему забота о безопасности потерпевших и свидетелей перевешивает требование публичности процесса. Кроме того, если суд первой инстанции действительно учитывал имеющуюся информацию, ее следовало представить участникам разбирательства, в частности заявителю, для открытого обсуждения данного вопроса в судебном заседании;

– неизвестно, какая информация послужила основой для решения городского суда. Кроме того, как можно видеть из протокола судебного заседания, необходимость защиты потерпевших и свидетелей даже не упоминалась прокурором в его возражении на ходатайство заявителя о рассмотрении дела в открытом судебном заседании. В этой ситуации Суд счел, что Московский городской суд

пришел к выводу о наличии риска для потерпевших и свидетелей исключительно на основании тяжести обвинений, предъявленных подсудимым. Между тем согласно правовой позиции ЕСПЧ тяжесть предъявленных обвинений не может оправдывать ограничения такого фундаментального принципа судебного разбирательства, как его открытость для публики. Это особенно важно для ситуаций, когда правовая квалификация фактов определяется прокуратурой без судебной проверки вопроса о том, вытекает ли из имеющихся доказательств обоснованное подозрение в том, что предполагаемое преступление совершено заявителем (а именно это вытекает из законодательства Российской Федерации). Угроза, которую подсудимые могут представлять для других участников разбирательства, не должна оцениваться исключительно в соответствии с тяжестью обвинений и суровостью грозящего наказания, но с учетом многих других относимых факторов, которые могут подтверждать существование опасности, оправдывающей удаление публики. В настоящем деле в решениях судов страны не приведены мотивы, по которым они сочли, что угроза безопасности потерпевших и свидетелей имеет приоритетное значение. Соответственно, Европейский Суд нашел, что при таких обстоятельствах отказ от публичного разбирательства не был оправданным.

Кроме того, Европейский Суд, делая вывод о нарушении РФ ст. 6 Конвенции, учел и то, что рассмотрение кассационной жалобы в Верховном Суде также не было открыто для публики, т.е. при рассмотрении кассационной жалобы Верховный Суд не устранил недостаток отсутствия публичности рассмотрения дела Московским городским судом¹.

Необходимо отметить еще один критерий правомерности закрытия судебного заседания, предложенный ЕСПЧ, который может быть сформулирован примерно следующим образом: интересы лица не могут защищаться путем отказа от публичности судебного разбирательства, произведенного вопреки его желанию. Например, по делу «Олуич против Хорватии» Суд пришел к выводу о том, что будет являться нарушением справедливости судебного разбира-

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Белашев (Belashev) против Российской Федерации» от 04 декабря 2008 г. (жалоба № 28617/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тельства проведение закрытого заседания в целях защиты чести и достоинства лица, которое не желает такой защиты¹.

Публичное оглашение судебного решения

Если Конвенция знает исключения из правила доступа публики и прессы в судебное заседание, то обязанность публичного оглашения судебных решений, закрепленная в Конвенции, не содержит подобного рода оговорок. Тем не менее Европейский Суд пришел к выводу о том, что данная обязанность не всегда обязательно должна исполняться путем зачитывания полного текста судебного решения в присутствии прессы и публики. Она может реализовываться и с помощью иных способов, обеспечивающих наличие реальной возможности ознакомления с текстом такого решения (например, путем депонирования судебного решения в канцелярии суда, где оно будет доступным для ознакомления с ним любого заинтересованного лица)².

Более того, в случаях, когда суд обоснованно ограничил публичность судебного разбирательства, по мнению ЕСПЧ, публичность оглашения решений в некоторой степени также может быть ограничена. Например, в уже упомянутом выше Постановлении по делу «В. и Р. против Соединенного Королевства» Суд не признал нарушением отсутствия публичного оглашения решений об установлении места жительства детей, так как **при наличии оправданного интереса к ним можно было получить доступ в канцелярии суда и, кроме того, подобные решения регулярно публикуются в специальных изданиях**³.

В то же время правила, в соответствии с которыми оглашается публично только резолютивная часть решения, а его полный текст

---

¹ См.: *Информация* о Постановлении ЕСПЧ по делу «Олуич (Olujić) против Хорватии» от 05 февраля 2009 г. (жалоба № 22330/05) // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 6. С. 23–25.

² См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Претто и другие (Pretto And Others) против Италии» от 08 декабря 1983 г. (жалоба № 7984/77), п. 26. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

³ См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Б. и П. (B. and P.) против Соединенного Королевства» от 24 апреля 2001 г. (жалобы № 36337/97 и 35974/97), п. 39. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

доступен лишь участникам судебного разбирательства, ЕСПЧ считает нарушающими ст. 6 Конвенции¹.

С другой стороны, в некоторых случаях необходимость эффективной защиты частной жизни сторон требует не только ограничения гласности судебного разбирательства и ограничения публичности оглашения судебного решения, но и принятия иных мер, ограничивающих открытость судопроизводства. Так, например, по делу «Z. против Финляндии» Суд пришел к выводу о том, что право заявителя на уважение ее личной и семейной жизни было нарушено тем, что апелляционный суд в своем решении разгласил полное имя заявительницы и сведения о состоянии ее здоровья, которые ранее не были оглашены в опубликованном варианте решения суда первой инстанции, а также тем, что согласно судебным решениям полное изложение текста судебного решения суда первой инстанции и материалы дела должны оставаться закрытыми в течение десяти лет, несмотря на просьбы заявителя о более длительном сроке секретности. Между тем в Российской Федерации вообще не существует правовых норм, позволяющих судам в интересах участников процесса закрывать полный текст решения и материалы дела на определенный срок. В том числе не урегулирован подобный порядок и в Федеральном законе РФ № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», вступившем в силу с 01 июля 2010 г.

Устный характер судебного разбирательства и право заинтересованных лиц лично присутствовать в судебном разбирательстве и быть заслушанными судом

По мнению ЕСПЧ, начало публичности включает в себя и право на устное разбирательство. Причем устное разбирательство Суд понимает как такое, в рамках которого стороны имеют возможность не только в устной форме довести до суда свою позицию, но и давать показания, а также заслушивать и допрашивать свидетелей. Например, по делу «Йюссила против Финляндии» Суд указал: «Право на открытое устное разбирательство составляет базовый принцип, установленный п. 1 ст. 6 Конвенции. Этот принцип особенно важен в уголовном контексте, согласно которому суд первой

---

¹ См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Рякиб Бирюков (Ryukib Biryukov) против Российской Федерации» от 17 января 2008 г. (жалоба № 14810/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

инстанции должен полностью соответствовать требованиям статьи 6 Конвенции... и заявитель имеет право на устное разбирательство своего дела с возможностью, помимо прочего, давать показания в свою защиту, выслушать показания против себя и допросить свидетелей»¹.

В то же время Суд исходит из того, что в некоторых случаях (в основном это касается дел о гражданских правах и обязанностях) устное разбирательство может и не быть необходимым для обеспечения справедливого характера судебного разбирательства. Например, если по делу не ставится вопрос об установлении или оспаривании фактов, то суд может справедливо и обоснованно вынести решение, основываясь на заявлениях сторон и иных письменных материалах дела². Поэтому с учетом необходимости экономии времени, обеспечения права на рассмотрение дела в разумный срок государство вправе устанавливать некоторые ограничения устного характера судебного разбирательства. Каковы же критерии допустимости таких ограничений, предложенные ЕСПЧ? К их числу можно отнести следующие:

1) Как правило, такие исключения возможны только по делам о спорах по поводу гражданских прав и обязанностей, хотя ЕСПЧ отметил, что «и в уголовной части суть вопросов, рассматриваемых судом, не всегда требует устного разбирательства»³, имея в виду при этом дела о таких «уголовных преступлениях», как дела об административных правонарушениях и дела о наложении штрафов за налоговые правонарушения. В тех же случаях, когда рассматриваются дела о «классических» уголовных преступлениях, на них в полной мере распространяются не только положения ч. 1 ст. 6, но и ч. 3 ст. 6 Конвенции, требующие предоставления обвиняемому возможности защищать себя лично, но и право на допрос свидетелей, поэтому по таким делам Суд очень жестко относится к обеспечению обвиняемому реального права принимать личное участие в судебном разбирательстве (подробнее о праве обвиняемого на личное участие в судебном разбирательстве см. п. 6.5 настоящей работы).

---

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Йюссилла (Jussila) против Финляндии» от 23 ноября 2006 г. (жалоба № 73053/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Там же.

³ Там же. П. 43.

2) В любом случае отказ в проведении устного разбирательства не должен иметь автоматического характера – у заинтересованного лица должно быть право требовать проведения устного разбирательства с тем, чтобы окончательное решение по данному вопросу принял суд. При этом во внимание должно быть принято то, какого рода вопросы встанут перед судом в ходе слушаний по делу. Например, по упомянутому делу «Йюссила против Финляндии» Суд пришел к выводу об отсутствии нарушения ст. 6 Конвенции, так как, в частности, не согласился с заявителем, утверждавшим, что при рассмотрении его дела перед судом стоял «вопрос спорной достоверности, который мог быть решен лишь в процессе устного разбирательства, т.е. устных показаний или перекрестного допроса свидетелей»¹. По делу «Команицки против Словакии» Суд, напротив, признал рассмотрение гражданского дела в отсутствие истца нарушением правил публичности судебного разбирательства и равенства сторон, так как истец прямо заявил о своем желании присутствовать на слушаниях и заранее сообщил об уважительных причинах своего отсутствия, а суд рассматривал новые доказательства, относительно которых истец имел определенные сообщения².

3) Суд исходит из того, что по делам о гражданских правах и обязанностях для того, чтобы выполнить требование п. 1 ст. 6, необходима, как правило, публичность разбирательства в судах первой или единственной инстанции. Соответственно в ряде случаев Европейский Суд устанавливал, что если в суде первой инстанции были проведены устные слушания, то отсутствие «открытых слушаний» в суде второй и третьей инстанций может быть оправданным в связи с особенностями соответствующего судопроизводства. Необходимое условие для этого – чтобы суд кассационной или апелляционной инстанции рассматривал только вопросы законности, но не вопросы обоснованности³. Например, в деле «Басо Гон-

---

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Йюссила (Jussila) ... П. 47.

² Постановление ЕСПЧ по делу «Команицки (Komanitský) против Словакии» от 04 июня 2002 г. (жалоба № 32106/96), п. 52–55. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

³ Постановление ЕСПЧ по делу «Ковалев (Kovalev) против Российской Федерации» от 10 мая 2007 г. (жалоба № 78145/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

салес против Испании»¹ Суд постановил, что в апелляционной инстанции публичное слушание не являлось необходимым, когда апелляционный суд рассматривал только вопросы права, а заявитель имел возможность представлять письменные возражения на жалобу прокурора, а также имел право просить о публичном разбирательстве. В тех же случаях, когда апелляционный суд призван рассмотреть вопросы как факта, так и права и вынести решение о виновности или невиновности обвиняемого, проведение устных слушаний является необходимостью².

Напротив, в том случае, если в суде первой инстанции не проводилось публичное разбирательство, то это положение может быть исправлено проведением устных и публичных слушаний в суде высшей инстанции. Но если апелляционный суд не рассматривает конкретные обстоятельства дела или не в состоянии рассмотреть все его аспекты, то в данном случае имеет место нарушение ст. 6. В деле «Дьенне против Франции» Суд указал, что поскольку по данному делу не проводилось публичное разбирательство перед дисциплинарным органом, это не может считаться исправленным посредством того, что медицинский апелляционный орган провел открытые слушания, так как он не может рассматриваться в качестве судебного органа, обладающего полной юрисдикцией, в частности, у него нет полномочий оценить, насколько рассматриваемая мера наказания была пропорциональна совершенному проступку³.

В некоторых случаях существует возможность для заявителя отказаться от своего права на публичное разбирательство. Как заявил Суд в деле «Хоканссон и Стурессон против Швеции», «общепризнано, что ни буква или дух данного положения не могут препятствовать заявителю в отказе от своего собственного свободного волеизъявления, выраженного прямо или косвенно, а именно, от

---

¹ См.: *Информация* о Постановлении ЕСПЧ по делу «Басо Гонсалес (Bazo Gonzalez) против Испании» от 16 декабря 2008 г. (жалоба № 30643/04) // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 4. С. 26–27.

² *Постановление* ЕСПЧ по делу «Экбатани (Ekbatani) против Швеции» от 26 мая 1988 г. (жалоба № 10563/83) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 585.

³ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Дьенне (Diennet) против Франции» от 26 сентября 1995 г. (жалоба № 18160/91), п. 34. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

права на публичное разбирательство своего дела... Однако отказ от этого права должен быть сделан в недвусмысленной форме и не должен вступать в противоречие с какими бы то ни было интересами, представляющими общественную важность»¹. По данному делу Суд также признал, что имел место молчаливый отказ заявителей от их права на публичное разбирательство, поскольку они не обратились с просьбой о его проведении, в то время как такая возможность была четко сформулирована в законодательстве Швеции². В то же время Суд неоднократно приходил к выводу о том, что Российской Федерацией нарушено право на «публичный и справедливый суд», если участники процесса не были уведомлены о времени и месте судебного разбирательства (не были вызваны в суд) таким образом, чтобы иметь возможность явиться на него, если бы ими было принято решение воспользоваться правом участвовать в судебном заседании. По мнению Суда, такого рода случаи не могут быть расценены как отказ сторон от своего законного права присутствовать в судебном заседании³.

4) Для того чтобы Суд признал, что право на устное разбирательство реализовано, присутствие самого заинтересованного лица не всегда обязательно: если речь идет не об уголовном обвинении, он может быть заменен представителем. Так, по делу «Ковалев против Российской Федерации» Суд решил, что судебное разбирательство по делу заявителя было и устным, и публичным, так как жена заявителя, отбывавшего наказание в виде лишения свободы, имевшая полномочия на подачу иска и представление интересов своего мужа в суде, присутствовала в заседаниях судов обеих инстанций и могла представлять доводы по делу в устном процессе. Кроме того, представитель неправительственной организации, ко-

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Хоканссон и Стурессон (Håkansson And Stureson) против Швеции» от 21 февраля 1990 г. (жалоба № 11855/85), п. 66. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

² Там же. П. 67.

³ См., например: *Постановление* Европейского Суда по делу «Яковлев (Yakovlev) против Российской Федерации» от 15 марта 2005 г. (жалоба № 72701/01), п. 21–22 Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* Европейского Суда по делу «Грошев (Groshev) против Российской Федерации» от 20 октября 2005 г. (жалоба № 69889/01), п. 28–30. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

торый помогал жене заявителя, также выступил перед судами. Если бы заявитель не находился в тюрьме, ничто не могло бы помешать ему присутствовать в судебном заседании и лично представить свои доводы. Поэтому нельзя утверждать, что судебные заседания были проведены в отсутствие стороны в процессе¹.

5.2. *Состязательность и равенство процессуальных возможностей сторон*

Европейский Суд, считая состязательность неперенным элементом справедливости судебного разбирательства, в то же время понимает ее иначе, чем Конституционный Суд Российской Федерации и УПК РФ.

В соответствии со ст. 15 УПК РФ, формулировка которой опирается на правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, состязательность состоит в разграничении процессуальных функций, а также в равенстве прав стороны обвинения и стороны защиты перед судом. Европейский Суд иначе подходит к понятиям состязательности и равенства сторон, рассматривая их, во-первых, как равноправные и равнозначимые категории. По мнению Суда, принцип равенства сторон является лишь одним из аспектов более широкого понятия справедливого судебного разбирательства, включающего также фундаментальное право на состязательность уголовного процесса². Иногда ЕСПЧ рассматривает эти принципы по отдельности, иногда совместно³, но ни один из них он не подчиняет другому и не включает в состав другого. Во-вторых, отличается то содержание, которое Европейский Суд вкладывает в содержание данных понятий.

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Ковалев (Kovalev) против Российской Федерации» от 10 мая 2007 г. (жалоба № 78145/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Постановление* ЕСПЧ по делу «Метелица (Metelitsa) против Российской Федерации» от 22.06.2006 г. (жалоба № 33132/02), п. 29. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Ковалев (Kovalev) против Российской Федерации» от 10 мая 2007 г. (жалоба № 78145/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Состязательность

Согласно правовой позиции Европейского Суда по правам человека «принцип состязательности означает, что стороны в уголовном или гражданском процессе вправе знакомиться со всеми доказательствами или замечаниями, приобщенными к делу, комментировать их»¹. «Право на состязательный процесс в уголовном деле означает, что как обвинению, так и защите должна быть дана возможность знать и комментировать поданные заявления и представленные доказательства другой стороны»².

Таким образом, принцип состязательности, прежде всего, окажется нарушенным, если одна из сторон не получит возможности **своевременно ознакомиться с аргументами или доказательствами противоположной стороны**. Сторона должна иметь реальную возможность ознакомления с любым документом или объяснением, представленным суду с целью оказать влияние на решение суда или поставить такой документ или решение под сомнение. Например, по делу «Ларин и Ларина против Российской Федерации» Европейский Суд установил, что в ходе кассационного пересмотра дела областной суд рассмотрел доводы заявителей, изложенные в их кассационной жалобе, и «письменные объяснения», представленные стороной ответчика, причем эти объяснения никогда не были переданы заявителям (вопреки положениям ч. 2 ст. 107 ГПК РФ). Таким образом, заявители были лишены возможности ознакомиться с доводами стороны ответчика и, в случае необходимости, ответить на них письменно. Это обстоятельство в совокупности с тем, что заявители не были вызваны в судебное заседание, привело ЕСПЧ к выводу о том, что по делу было допущено нарушение права заявителей на состязательный процесс³.

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Вермюлен (Vermeulen) против Бельгии» от 20 февраля 1996 г. (жалоба № 58/1994) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 2. М.: Норма, 2000. С. 174–177.

² *Постановление* Большой палаты ЕСПЧ по делу «Оджалан (Ocalan) против Турции» от 12.05.2005 г. (жалоба № 46221/99), п. 146. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Ларин и Ларина (Larin and Larina) против Российской Федерации» от 7 июня 2007 г. (жалоба № 74286/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Далее, сторона должна иметь возможность **прокомментировать заявления и доказательства противоположной стороны, ответить на них**. Например, в деле «Вермюлен против Бельгии» Суд решил: «То обстоятельство, что г-н Вермюлен не имел возможности ответить ему [заместителю генерального прокурора, принимающему участие в заседании суда] до окончания слушания дела, нарушило его право на состязательный процесс. Принцип состязательности означает, что стороны в уголовном или гражданском процессе вправе знакомиться со всеми доказательствами или замечаниями, приобщенными к делу, комментировать их; это относится и к заключениям, сделанным независимым представителем прокурорской службы, которые оказывают влияние на решение суда»¹.

Поскольку Европейский Суд исходит из того, что Конвенция предусматривает реальные и исполнимые, а не теоретические и иллюзорные права, то сторонам недостаточно только иметь право знать о доказательствах и заявлениях противоположной стороны и комментировать их, им необходимо еще и **право быть услышанными**. Поэтому Суд полагает, что право обвиняемого **эффективно участвовать в судебном разбирательстве** (включающее, в частности, право принимать непосредственное участие в судебном разбирательстве и право в случае необходимости получать юридическую помощь) присуще «самой сути состязательного процесса»². Это же право в некоторых случаях должно распространяться и на гражданские дела. Например, по делу «Ковалев против РФ» заявителю не была предоставлена возможность лично выступить перед судом для того, чтобы отстаивать свое утверждение о том, что он подвергся жестокому обращению, когда находился под стражей в органах внутренних дел. В данном случае Суд пришел к выводу о том, что, учитывая, что иск заявителя был по своей природе основан большей частью на его личном опыте, его показания являлись бы важной частью представления дела стороной истца и, по сути, единственным способом обеспечить состязательность процесса. Поэтому, отказав

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Вермюлен (Vermeulen) против Бельгии» от 20 февраля 1996 г. (жалоба № 58/1994) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 2. М.: Норма, 2000. С. 174–177.

² См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Лагерблом (Lagerblom) против Швеции» от 14 января 2003 г. (жалоба № 26891/95), п. 49. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

заявителю в обеспечении его явки в суд, суды Российской Федерации не обеспечили справедливое рассмотрение его иска¹.

Кроме того, в содержание состязательности Суд включает не только право сторон представлять любые замечания, но и **обязанность суда их рассмотреть**², с тем чтобы у стороны была реальная возможность повлиять на судебное решение. Мало того, в конкретной ситуации может оказаться, что состязательность становится иллюзорной, если не обеспечена возможность стороны **отыскивать и представлять собственные доказательства**. Поэтому Европейский Суд вынужден был, например, в деле «Попов против Российской Федерации» еще более конкретизировать и уточнить содержание состязательности. Согласно постановлению по указанному делу «в случаях, когда осуждение заявителя в решающей степени основывается на предположении о том, что лицо в определенное время находилось в определенном месте, принцип состязательности и в более общем смысле право на справедливое судебное разбирательство, подразумевают, что **заявителю должна быть предоставлена разумная возможность эффективно оспаривать соответствующее предположение**»³. По данному делу Суд пришел к выводу о нарушении Российской Федерацией права на справедливое судебное разбирательство с учетом того факта, что в условиях, когда осуждение заявителя было основано на противоречивых показаниях против него, суды Российской Федерации отказали заявителю в удовлетворении ходатайства о допросе свидетелей защиты без какого-либо учета относимости показаний данных свидетелей к делу, что привело к ограничению прав защиты, несовместимому с гарантиями справедливого судебного разбирательства⁴.

В то же время Европейский Суд не видит опасности для состязательности в ситуации, когда отдельные доказательства собираются по инициативе суда, он лишь считает, что с целью обеспечения состяза-

---

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Ковалев (Kovalev) против Российской Федерации» от 10 мая 2007 г. (жалоба № 78145/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Постановление ЕСПЧ по делу «Перес (Perez) против Франции» от 12 февраля 2004 г. (жалоба № 47287/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Постановление ЕСПЧ по делу «Попов (Popov) против Российской Федерации» от 13 июля 2006 г. (жалоба № 26853/04), п. 183. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Там же. П 181–189.

тельного процесса все доказательства обычно должны представляться в присутствии обвиняемого в открытом судебном заседании¹.

Равенство процессуальных возможностей

Право на справедливый суд включает в себя также (и наряду с состязательностью) принцип равенства сторон. В понимании ЕСПЧ он заключается в том, что каждой из сторон в разбирательстве должна быть гарантирована разумная возможность представить свое дело в таких условиях, которые не ставят ее в существенно менее благоприятное положение по сравнению с оппонентом². Таким образом, в отличие от авторов УПК РФ, Европейский Суд видит смысл принципа равенства в том, чтобы обеспечить не формальное равенство – равенство прав сторон, а реальное равенство – равенство их возможностей по отстаиванию своих позиций, «равенство средств»³ (должны быть равны средства, доступные обвинению и защите⁴). В этих целях положение сторон в процессе должно быть справедливо уравнено, должен быть создан «справедливый баланс» между сторонами⁵.

Конкретные ситуации, в которых Суд может прийти к выводу о нарушении равенства возможностей сторон в судебном разбирательстве и, следовательно, о несправедливости такого судебного разбирательства в целом, весьма разнообразны.

1) Пожалуй, чаще всего по уголовным делам Суд исследует вопрос о равенстве возможностей сторон применительно к жалобам на нарушение права обвиняемого на вызов и допрос своих свидетелей на

---

¹ См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Зайцев (Zaytsev) против Российской Федерации» от 16 ноября 2006 г. (жалоба n 22644/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Де Хаэс (De Haes) и Гийселс (Gijssels) против Бельгии» от 24 февраля 1997 г. (жалоба № 19983/92), п. 53. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Драон (Draon) против Франции» от 06.10.2005 г. (жалоба № 1513/03), п. 93. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Эдвардс (Edwards) и Льюис (Lewis) против Соединенного Королевства» (жалобы № 39647/98 и 40461/98). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Стадухин (Stadukhin) против Российской Федерации» от 18.10.2007 г. (жалоба № 6857/02), п. 28. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тех же условиях, что и сторона обвинения (ч. 3 ст. 6 Конвенции). Суд считает, что такое право обвиняемого не беспредельно, он не имеет права требовать вызова любых свидетелей. Однако необходимо, чтобы его возможности по вызову свидетелей были справедливо уравнены с возможностями стороны обвинения (подробнее об этом см. в соответствующем разделе работы). Например, в деле «Перич против Хорватии»¹ Суд констатировал нарушение ч. 1 ст. 6, так как суд отказал заявителю в вызове свидетелей со ссылкой на то, что обстоятельства дела уже ясны, но впоследствии разрешил противоположной стороне пригласить своих свидетелей. В деле «Полуфакин и Чернышев против Российской Федерации» Суд указал: «Если суд первой инстанции не считал нужным вызывать свидетеля, о допросе которого ходатайствовала защита, он должен был отклонить такие ходатайства. Если же суд удовлетворил указанные ходатайства, согласившись тем самым, что показания свидетелей защиты могли иметь значение для дела, то суд был обязан принять эффективные меры для обеспечения явки свидетелей в заседание путем как минимум направления повесток. Не сделав этого, суд первой инстанции не исполнил свою обязанность обеспечить явку свидетелей в пользу заявителя на тех же условиях, что и свидетелей обвинения, нарушив тем самым принцип равенства сторон»². В деле «Олуич против Хорватии» Суд пришел к выводу о том, что имело место нарушение равенства процессуальных возможностей сторон, поскольку заявителю было отказано в вызове свидетелей, так как обстоятельства, относящиеся к доказательствам, на которые он ссылался, были, согласно судебному решению, или уже установлены, или не имели значения для дела. Между тем Европейский Суд пришел к выводу, что указанные свидетельские показания имели отношение к делу заявителя, поскольку могли содействовать его линии защиты, кроме того, такие мотивы не являлись достаточными для оправдания отказа от допроса любых свидетелей, которых просил вызвать заявитель, что в итоге ограничило его возможности пред-

---

¹ *Информация* о Постановлении ЕСПЧ по делу «Перич (Peric) против Хорватии» от 27 марта 2008 г. (жалоба № 34499/06) // Бюллетень ЕСПЧ. 2008. № 9. С. 18–19.

² См.: *Постановление* по делу «Полуфакин и Чернышев (Polufakin and Chernyshev) против России» от 25 сентября 2008 г. (жалоба № 30997/02), п. 207. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ставить доказательства в своем деле вопреки гарантиям справедливого судебного разбирательства¹.

Таким образом, равенство сторон в этом смысле близко по своему содержанию к праву обвиняемого на вызов и допрос своих свидетелей.

2) С другой стороны, равенство сторон, по мнению Суда, шире права, закрепленного в ч. 3 ст. 6 Конвенции. Например, в деле «Бениш против Австрии» Суд констатировал, что имело место нарушение равенства сторон в ситуации, когда свидетелю-эксперту, назначенному защитой, в суде не были предоставлены технические условия, аналогичные тем, которые получил свидетель (эксперт) обвинения². В деле «Шулепова против Российской Федерации» Суд пришел к выводу о том, что равенство сторон было нарушено, поскольку суд назначил сотрудников больницы – ответчика – в качестве экспертов. Данный вывод был им сделан с учетом того, что хотя заявительница и имела право привлечь эксперта по своему выбору, процессуальное положение последнего не было бы равным положению экспертов, назначенных судом. Заключение экспертов, назначенных судом, которые по природе своего статуса предполагались нейтральными и беспристрастными помощниками суда, должны были иметь большее значение для оценки суда, чем мнение эксперта, привлеченного стороной³.

3) Нарушение равенства сторон также может быть органично связано с отсутствием достаточных возможностей для собственной защиты. По делу «Майзит против Российской Федерации» Европейский Суд отметил: «Право на защиту, в рамках которого подпункт «б» пункта 3 статьи 6 Конвенции содержит открытый спи-

---

¹ См.: *Информация* о Постановлении ЕСПЧ по делу «Олуич (Olujić) против Хорватии» от 05 февраля 2009 г. (жалоба № 22330/05) // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 6. С. 23–25.

² См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Бениш (Bönisch) против Австрии» от 6 мая 1985 г. (жалоба № 8658/79). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

³ См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Шулепова (Shulepova) против Российской Федерации» от 11.12.2008 г. (жалоба № 34449/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

сок, создано, помимо прочего, для установления равенства, насколько это возможно, между обвинением и защитой»¹.

Например, по делу «Моисеев против Российской Федерации» Европейский Суд в ситуации, когда было ограничено право защитников встречаться с подзащитным, а их переписка подвергалась цензуре, пришел к выводу, что «практика ознакомления со всеми документами, которыми обменивались заявитель и его защита, имела следствием то, что противная сторона заранее знала стратегию защиты и ставила заявителя в невыгодное положение. Это вопиющее нарушение конфиденциальности отношений между клиентом и адвокатом не могло не причинить ущерб праву заявителя на защиту и в значительной степени лишить получаемую правовую помощь ее пользы... Соответственно, Европейский Суд находит, что практика ознакомления органа преследования с материалами защиты нарушала принцип равенства сторон и в значительной степени умаляла права защиты»². Кроме того, по данному делу Суд считал нарушением начала равенства сторон и то обстоятельство, что защита заявителя вынуждена была испрашивать специальные разрешения для его посещения и бесед с ним. Это ставило защиту в зависимое и подчиненное по отношению к прокуратуре положение, чем нарушало принцип равенства сторон судопроизводства. Несколько раз орган обвинения фактически злоупотреблял своим доминирующим положением, отказываясь удовлетворить ходатайство адвоката о неограниченном доступе и угрожая ей уголовным преследованием, причем требование о разрешении на свидание с подзащитным не имело правовой основы и потому было произвольным³.

Зачастую случаи, в которых ЕСПЧ приходит к выводу о нарушении начала равенства сторон в связи с отсутствием у обвиняемого достаточных возможностей для собственной защиты, внешне довольно похожи на некоторые ситуации, в которых Суд приходил к выводу о том, что отсутствие эффективных возмож-

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Майзит (Mauzit) против Российской Федерации» от 20 января 2005 г. (жалоба № 63378/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Постановление* ЕСПЧ по делу «Моисеев (Moiseyev) против Российской Федерации» от 09 октября 2008 г. (жалоба № 62936/00), п. 211–212. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Там же.

ностей для отстаивания своей позиции являлось нарушением принципа состязательности. Например, в деле «Фуше против Франции»¹ Суд заявил, что поскольку обвиняемому, желавшему самому защищать себя в суде, было отказано прокурором в доступе к материалам дела и снятии копий с документов, содержащихся в нем (что лишило его возможности должным образом подготовить свою защиту), то имело место нарушение принципа равенства сторон, рассматриваемого совместно с ч. 3 ст. 6 (с правом иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты). Аналогичным образом в деле «Мирилашвили против России» в судебном разбирательстве были оглашены показания 3 свидетелей, проживавших в Грузии и не явившихся в суд. Эти свидетели были опрошены адвокатами защиты, в ходе таких опросов отказались от ранее данных показаний, и результаты этих опросов были предоставлены суду. Суд, огласив показания, данные на следствии, отказался приобщить и огласить результаты опросов, посчитав их недопустимыми доказательствами. Европейский Суд пришел к выводу, что в данном случае защита находилась в неблагоприятном положении по сравнению со стороной обвинения: обвинение могло допрашивать ключевых свидетелей непосредственно, защита – нет. Представляя результаты опроса, защита стремилась не только представить оправдательные доказательства, но и оспорить данные, собранные против заявителя. В этой ситуации отказ приобщить к делу показания, полученные защитой, не был оправданным. В этом случае Суд признал, что имело место нарушение равенства возможностей сторон².

Вообще, как мы уже сказали выше, Европейский Суд, закрепляя как за началом состязательности, так и за началом равенства сторон свое собственное содержание, при рассмотрении конкретных дел не всегда пытается четко определить, имело ли место нарушение того или иного начала. Зачастую он рассматривает их в

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Фуше (Foucher) против Франции» от 18 марта 1997 г. (жалоба № 22209/93). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tpk197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

² См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Мирилашвили (Mirilashvili) против России» от 11 декабря 2008 г. (жалоба № 6293/04) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 4. С. 22–23.

комплексе, как составные черты более общего понятия – справедливости судебного разбирательства. Тем не менее, как представляется, можно попытаться сформулировать следующее правило для определения того, какое же начало (состязательности или равенства сторон) было нарушено в конкретной ситуации: если будет установлено, что одна из сторон находилась в существенно менее благоприятном положении, по сравнению с оппонентом, в результате чего и не смогла эффективно отстаивать свою позицию, речь будет идти, скорее всего, о нарушении равенства сторон. Если же неравенство сторон не было установлено, но тем не менее у одной из сторон отсутствовали эффективные и реальные возможности для отстаивания своей позиции по делу, то нарушенным окажется принцип состязательности. Например, в случае, когда обвинение и защита имели равные права на представление доказательств, но отказ в допросе свидетелей, ходатайство о вызове которых было удовлетворено судом, привел к невозможности для обвиняемого эффективно возражать против обвинения, Суд, как уже было показано выше, констатировал нарушение состязательности судебного разбирательства¹.

4) Признание нарушения равенства сторон может иметь место и в других ситуациях, Например, Суд счел, что имело место нарушение принципа равенства сторон в том случае, когда национальный государственный законодательный орган принял закон, целью которого было добиться поражения заявителя, дело которого в тот момент рассматривалось в национальном суде².

Наконец, нельзя не привести и пример ситуации, когда ЕСПЧ не разделяет состязательность и равенство сторон, делая вывод о том, что была нарушена ч. 1 ст. 6 Конвенции в целом. Например, в Постановлении по делу «Алдошкина против Российской Федера-

---

¹ См. упомянутое выше Постановление ЕСПЧ по делу «Попов (Popov) против Российской Федерации» от 13 июля 2006 г. (жалоба № 26853/04). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Греческие нефтеперерабатывающие заводы «Стрэн» и Стратис Андреадис (Stran Greek Refineries and Stratis Andreadis) против Греции» от 9 декабря 1994 г. (жалоба № 22/1993). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Булгакова (Bulgakova) против Российской Федерации» от 18.01.2007 г. (жалоба № 69524/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ции» Европейский Суд пришел к выводу о том, что была нарушена ч. 1 ст. 6 Конвенции в ситуации, когда ни заявительница, ни ее адвокат не были проинформированы о дате судебного заседания суда надзорной инстанции и не знали о содержании надзорного протеста. В связи с этим они не могли представлять какие-либо доводы, либо давать пояснения, письменно либо устно, или заявлять о невиновности заявительницы. В то же время сторона обвинения присутствовала в судебном заседании Президиума Верховного Суда Российской Федерации и устно представляла свои доводы в поддержку переквалификации действий заявительницы¹.

Как уже было указано выше, Конституционный Суд Российской Федерации и отечественный законодатель занимают иную позицию по вопросу содержания принципов (начал) состязательности и равенства сторон, а также по вопросу определения соотношения между ними. Сформулированное Конституционным Судом Российской Федерации понимание состязательности как разграничения процессуальных функций в свое время имело безусловно положительный эффект, акцентируя внимание не на теоретической возможности спора (состязания) между сторонами, но на необходимости ее реального гарантирования, поскольку, действительно, возможность спора по уголовному делу превращалась в фикцию в ситуации, когда на суд фактически были возложены обязанности по поддержанию обвинения. В настоящее же время, когда в сознании российской юридической общественности необходимость разделения процессуальных функций в уголовном процессе уже является аксиомой, понимание состязательности **только** как разделения процессуальных функций (плюс равноправие сторон) начинает приносить существенный вред обеспечению справедливости судопроизводства. В итоге мы имеем:

- отказы ряда следователей собирать оправдательные доказательства, поскольку они «действуют на стороне обвинения»;
- призывы во имя состязательности не знакомить сторону защиты со всеми материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования (ведь сторона защиты не обязана знакомить обвинение с собранными ею материалами);

---

¹ См.: *Постановление ЕСПЧ по делу «Алдошкина (Aldoshkina) против Российской Федерации»* от 12 октября 2006 г. (жалоба № 66041/01), п. 24. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

– признание за государством (государственным обвинителем) права распорядиться обвинением (отказаться от обвинения), невзирая на позицию потерпевшего;

– случаи возложения судом на сторону защиты обязанности самостоятельно обеспечивать явку в суд свидетелей (в том числе из числа перечисленных в обвинительном заключении), о допросе которых защита ходатайствует (поскольку «в условиях состязательности суд не должен брать на себя функции сторон»);

– предложения разрешить оглашать по ходатайству стороны обвинения протоколы допросов любых свидетелей, не явившихся в суд, поскольку иное, якобы, противоречит состязательности, ставя обвинение в неравное положение со стороной защиты, и т.д.

Все это последствия неполного, узкого понимания состязательности, при котором разграничение процессуальных функций, которое является всего лишь гарантией реальной возможности спора, считается более значимым, чем обеспечение стороне действительной возможности знакомиться с доводами противоположной стороны, оспаривать представляемые ею доказательства (в том числе лично допрашивая ее свидетелей или участвуя в их допросе), представлять свои доказательства и доводить до суда свою позицию по делу, которую суд был бы вправе и обязан учесть при вынесении решения по делу, т.е. более значимым, чем, собственно, возможность спора, являющегося существом состязательности.

Добавим еще, Европейский Суд, в отличие от Конституционного Суда Российской Федерации и отечественного законодателя, вообще не рассматривает ситуацию, в которой суд принимает на себя реализацию функции обвинения, с точки зрения нарушения начала состязательности. Так, в деле «Озеров против Российской Федерации» заявитель указывал, что так как уголовное дело по его обвинению в совершении преступления было рассмотрено судом в ноябре 1999 г. в отсутствие прокурора, то в отношении него было допущено нарушение ст. 6 Конвенции, поскольку, по существу, производство велось с нарушением начала состязательности. Европейский Суд согласился с тем, что в данном случае имело место нарушение ст. 6 Конвенции, но обоснованно показал, что в этих условиях имело место нарушение начала беспристрастности, поскольку в ситуации, когда имеется смешение функций прокурора и

судьи, имеются обоснованные сомнения в беспристрастности такого судьи¹.

5.3. Разумный срок судебного разбирательства

Европейский Суд заявил, что целью данной гарантии является защита **всех сторон** в судебном разбирательстве «от чрезмерного затягивания судебной процедуры; по уголовным делам она предназначена также для предупреждения, что лицо, которому предъявлено обвинение, не должно находиться слишком долго в состоянии неопределенности»². Более того, указанная гарантия «подчеркивает важность того, чтобы правосудие осуществлялось без задержек, могущих подорвать его эффективность и доверие к нему»³. Таким образом, значение критерия «разумного срока» состоит в том, чтобы гарантировать вынесение судебного решения без неоправданной задержки, устанавливая тем самым предел состоянию неопределенности, в котором находится то или иное лицо в связи с его участием в судебном разбирательстве по поводу спора о его гражданских правах и обязанностях или в связи с предъявленным ему уголовным обвинением, что является важным как для самого заинтересованного лица, так и с точки зрения понятия «юридической определенности», а также с точки зрения формирования доверия к правосудию в общественном восприятии и для обеспечения эффективности правосудия в целом.

При этом **продолжительность судебного разбирательства** оценивается с учетом не только проведенных по делу судебных заседаний. В гражданских делах **отсчет времени начинается** с момента возбуждения дела (подачи иска), а в уголовных – с момента

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Озеров (Ozerov) против Российской Федерации» от 18 мая 2010 г. (жалоба № 64962/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Постановление* ЕСПЧ по делу «Стогмюллер (Stögmüller) против Австрии» от 10 ноября 1969 г. (жалоба № 1602/62), п. 5. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

³ См., например: *Постановление* Большой палаты ЕСПЧ по делу «Апичелла (Aricella) против Италии» от 29.03.2006 г. (жалоба № 64890/01), п. 116. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

появления фигуры обвиняемого (см. гл. 2 настоящей работы)¹. Напомним, «в целях пункта 1 статьи 6 Конвенции «обвинение» может быть определено как «официальное уведомление лица компетентным органом государственной власти о предположении, что указанное лицо совершило преступление»². Например, по делу «Коршунов против Российской Федерации» заявитель отрицал, что ему были вручены повестки следователя. Также он не был осведомлен об объявлении его в розыск. Поэтому датой начала производства по делу Европейский Суд счел дату задержания заявителя³.

Отсчет времени прекращается, как только завершается разбирательство в суде самой высшей инстанции, т.е. когда выносится окончательное решение⁴. При этом в случае, если окончательное решение по делу было отменено в порядке надзора и рассмотрение дела началось заново, Суд не принимает во внимание промежуток (промежутки) времени, в течение которого (которых) действовало вступившее в законную силу решение суда.

В случае, если судебное разбирательство началось до ратификации соответствующим государством Конвенции, Суд, как правило, будет рассматривать продолжительность судебных разбирательств, только начиная с момента ратификации Конвенции, но учитывая при этом общую продолжительность рассмотрения дела, а также его состояние и прогресс в разбирательстве дела на момент принятия решения Европейским Судом⁵.

---

¹ См., например: *Постановление ЕСПЧ по делу «Куценко (Kutsenko) против Российской Федерации»* от 01 июня 2006 г. (жалоба № 12049/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление ЕСПЧ по делу «Девеер (Deweer) против Бельгии»* от 27 февраля 1980 г. (жалоба № 6903/75) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 301–317.

² *Постановление ЕСПЧ по делу «Коршунов (Korshunov) против Российской Федерации»* от 25 октября 2007 г. (жалоба № 38971/06). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Там же. П. 69.

⁴ См., например: *Постановление ЕСПЧ по делу «Куценко (Kutsenko) против Российской Федерации»* от 01 июня 2006 г. (жалоба № 12049/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См., например: *Постановление ЕСПЧ по делу «Калашников (Kalashnikov) против Российской Федерации»* от 15 июля 2002 г. (жалоба № 47095/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Например, по делу «Городничев против Российской Федерации» Суд решил:

– рассматриваемый период начинается 19 февраля 1995 г., когда заявитель был задержан;

– поскольку 21 июля 1999 г. Новосибирский областной суд в качестве суда второй инстанции утвердил обвинительный приговор, вынесенный заявителю 29 марта 1999 г., но это решение, как и кассационное определение, вступившее в законную силу, было отменено 8 февраля 2001 г. в связи с протестом в порядке надзора, и рассмотрение дела было возобновлено, новое разбирательство завершилось 17 мая 2001 г. вынесением нового обвинительного приговора и утверждающим его кассационным определением от 9 июля 2001 г., то рассматриваемый период оканчивается последней датой (9 июля 2001 г.);

– вместе с тем Европейский Суд не принял во внимание промежуток времени с 21 июля 1999 г. по 8 февраля 2001 г., поскольку в течение этого периода дело не рассматривалось в национальных судах, так как в течение этого времени в отношении заявителя действовало окончательное судебное решение от 29 марта 1999 г.;

– в этих обстоятельствах период, принятый Судом к рассмотрению в данном случае, состоял из двух периодов: с 19 февраля 1995 г. по 21 июля 1999 г. и с 8 февраля по 9 июля 2001 г., т.е. составлял четыре года и десять месяцев. За это время судебное разбирательство проходило в судах двух инстанций, каждая из которых трижды выносила решение об обоснованности обвинения, предъявленного заявителю по факту правонарушений, предусмотренных частью второй ст. 108 УК РФ;

– принимая во внимание свою компетенцию *ratione temporis*, Европейский Суд принял во внимание только период после 5 мая 1998 г., т.е. период продолжительностью приблизительно в один год и семь с половиной месяцев. За это время судебное разбирательство проходило в судах двух инстанций, которые дважды выносили решения об обоснованности обвинения, предъявленного заявителю (29 марта и 21 июля 1999 г., 17 мая и 9 июля 2001 г.). Однако для того, чтобы определить «разумный» характер длительности разбирательства, Европейский Суд признал, что он должен учесть, в каком состоянии оно находилось на 5 мая 1998 г., т.е. на момент вынесения решения Европейским Судом¹.

---

¹ См.: *Постановление ЕСПЧ по делу «Городничев (Gorodnitchev) против Российской Федерации»* от 24 мая 2007 г. (жалоба № 52058/99). Дос-

Интерес с точки зрения оценки продолжительности рассмотрения дела представляет Постановление ЕСПЧ по делу «Дубинская против Российской Федерации». В данном деле имелись доказательства того, что заявительницей был в 1995 г. подан иск в Чертановский районный суд г. Москвы, который был принят к рассмотрению судом. При этом на момент подачи заявления в ЕСПЧ и на момент рассмотрения данного заявления Европейским Судом не было никаких сведений о рассмотрении иска заявительницы Чертановским районным судом. При этом власти РФ утверждали, что от представителя заявителя Д. Штейнберга в письменном виде была затребована определенная дополнительная информация, в связи с непредоставлением которой суду иск был возвращен заявительнице. При этом Российской Федерацией не было предоставлено никаких доказательств того, что такой запрос и/или иск был направлен (возвращен) заявительнице и/или ее представителю. Материалы по данному иску в архиве Чертановского районного суда не сохранились (были уничтожены). С учетом ситуации Суд пришел к выводу о том, что в период времени, в течение которого иск заявительницы не был рассмотрен, следует включать все время с момента подачи иска (1995 г.) и до момента принятия решения по заявлению Европейским Судом (2006 г.)¹.

Разумность длительности разбирательства не имеет четко установленных пределов и оценивается Судом индивидуально в каждом конкретном случае в зависимости от обстоятельств дела и с учетом критериев, установившихся в судебной практике Суда, к числу которых относятся:

- сложность дела;
- поведение заявителя;
- поведение компетентных органов (не допускали ли они неоправданных задержек в производстве по делу);
- важность предмета (исхода) судебного разбирательства для заявителя (проявили ли компетентные органы с учетом этого необходимую рачительность)². При этом применяется следующее пра-

---

туп из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Дубинская (Dubinskaya) против Российской Федерации» от 13 июля 2006 г. (жалоба № 4856/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Постановление* ЕСПЧ по делу «Аллене де Рибемон (Allenet de

вило: чем более важен результат процесса для заявителя, тем больше усилий обязано предпринять государство с целью завершения рассмотрения дела в как можно более короткий срок.

В то же время Суд сформулировал ориентировочное правило: один год судебного рассмотрения в суде одной инстанции¹.

Посмотрим теперь, каким образом оценивает Европейский Суд каждый из этих критериев.

Сложность дела

При оценке данного критерия Судом могут учитываться:

- 1) Сложность установления фактов по делу, включая:
  - сам характер фактов, которые необходимо установить², диктуемый существом дела;
  - необходимость производства экспертных исследований и их сложность³;
  - количество обвиняемых⁴;
  - количество преступлений, в совершении которых обвинялся заявитель⁵;

Ribemont) против Франции» от 10 февраля 1995 г. (жалоба № 3/1994) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 2. М.: Норма, 2000. С. 85–95.

¹ См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Шухардин (Shukhardin) против Российской Федерации» от 28 июня 2007 г. (жалоба № 65734/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Курбатов (Kurbatov) против Российской Федерации» от 02.10.2008 г. (жалоба № 44436/06), п. 28. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Марусева (Maruseva) против Российской Федерации» от 29.05.2008 г. (жалоба № 28602/02), п. 30. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Рольгезер и другие (Rolgezer and others) против Российской Федерации» от 29 апреля 2008 г. (жалоба № 9941/03), п. 28. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Понюшков (Ponushkov) против Российской Федерации» от 6 ноября 2008 г. (жалоба № 30209/04), п. 59. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Городничев (Gorodnitchev) против Российской Федерации» от 24 мая 2007 г. (жалоба № 52058/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

- количество свидетелей и количество иных доказательств, которые необходимо было исследовать суду¹.

2) Внешние и процедурные аспекты, влияющие на сложность рассмотрения дела, в том числе:

- необходимость получения и исследования материалов из других государств²;

- присоединение дела к другим делам³;

- вступление в процесс новых лиц⁴.

3) Суд также при определении сложности дела учитывает позицию национальных судов по этому вопросу, и если ими было признано в той или иной форме, что дело не обладает повышенной сложностью, то и Суд, как правило, придет к аналогичному выводу⁵.

Например, по делу «Городничев против РФ» Суд счел, что уголовное дело заявителя не являлось **делом особой сложности**, так как он был единственным обвиняемым по делу по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 108 УК РФ. К тому же власти Российской Федерации не выдвинули какого-либо довода, свидетельст-

---

¹ См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Калашников (Kalashnikov) против Российской Федерации» от 15 июля 2002 г. (жалоба № 47095/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Манцони (Manzoni) против Италии» от 19 февраля 1991 г. (жалоба № 11804/85), п. 18. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

³ См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Багель (Bagel) против Российской Федерации» от 15.11.2007 г. (жалоба № 37810/03), п. 78. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Савенко (Savenko) против Российской Федерации» от 14.06.2007 г. (жалоба № 28639/03), п. 32. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Маньери (Manieri) против Италии» от 27 февраля 1992 г. (жалоба № 12053/86), п. 18. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

⁵ См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Калашников (Kalashnikov) против Российской Федерации» от 15.07.2002 г. (жалоба № 47095/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

вующего о сложности дела¹. В то же время Суд счел, что представляло **определенную сложность** дело по обвинению Зементовой (Постановление ЕСПЧ по делу «Зементова против РФ»), поскольку оно касалось обвинений в получении взятки и злоупотреблении должностными полномочиями, совершенных группой лиц, в том числе и заявительницей², а также признал **сложным** дело в отношении Пищальникова (Постановление ЕСПЧ по делу «Пищальников против РФ»), с учетом того, что материалы дела насчитывали 31 том, в разбирательстве участвовали 12 обвиняемых и 11 потерпевших, и суды страны допросили свыше 80 свидетелей³. В других случаях, делая вывод, что дело отличалось определенной сложностью, или однозначно признавая его сложным, ЕСПЧ ссылаясь, например, на то, что:

– дело касалось нескольких убийств, ограбления, похищения и незаконного хранения оружия, якобы совершенных девятью подсудимыми, находившимися в преступном сговоре⁴;

судебное разбирательство требовало проведения экспертизы, а заявитель неоднократно изменяла и дополняла свои исковые требования⁵;

– заявитель обвинялся в ряде преступлений, было допрошено значительное число потерпевших и проведено несколько экспертиз⁶;

---

¹ См., например: *Постановление ЕСПЧ по делу «Городничев (Gorodnitchev) против Российской Федерации»* от 24 мая 2007 г. (жалоба № 52058/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: *Постановление ЕСПЧ по делу «Зементова (Zementova) против Российской Федерации»* от 27.09.2007 г. (жалоба № 942/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См., например: *Постановление ЕСПЧ по делу «Пищальников (Pishchalnikov) против Российской Федерации»* от 24 сентября 2009 г. (жалоба № 7025/04). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См., например: *Постановление ЕСПЧ по делу «Бахитов (Bakhitov) против Российской Федерации»* от 4 декабря 2008 г. (жалоба № 4026/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См., например: *Постановление ЕСПЧ по делу «Понюшков (Ponushkov) против Российской Федерации»* от 6 ноября 2008 г. (жалоба № 30209/04). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ См., например: *Постановление ЕСПЧ по делу «Куценко (Kutsenko) против Российской Федерации»* от 1 июня 2006 г. (жалоба № 12049/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

– дело требовало экспертного заключения и исследования многочисленных медицинских документов¹ и т.п.

Особая сложность дела иногда может служить оправданием весьма продолжительного разбирательства. Например, в деле «Боддаерт против Бельгии» Суд не счел неоправданно долгим срок продолжительностью почти 6 лет и 3 месяца. При этом Суд принял во внимание, что заявитель обвинялся в убийстве, расследование которого объективно было очень сложным, а также промедление в рассмотрении дела было связано с признанной государством (и не опровергнутой Судом) необходимостью объединить это дело с двумя другими уголовными делами, расследование по которым еще продолжалось, с целью их совместного рассмотрения в суде. При этом заявитель большую часть этого времени не находился под стражей. С учетом всех обстоятельств Суд пришел к выводу, что в данном случае был достигнут справедливый баланс между интересами надлежащего отправления правосудия и правом на судебное разбирательство в разумный срок². В то же время в Постановлении по делу «Марченко против Российской Федерации» Суд указал: «В любом случае, по мнению Европейского Суда, общий период судебного разбирательства длительностью более шести лет и двух месяцев не может сам по себе объясняться лишь сложностью дела»³. Поэтому сама по себе повышенная сложность дела, даже если она и будет установлена Судом, не является еще достаточным основанием для слишком долгого разбирательства, если Суд сочтет, что в значительной степени его продолжительность явилась следствием поведения национальных властей⁴.

---

¹ См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Рольгезер и другие (Rolgezer and others) против Российской Федерации» от 29 апреля 2008 г. (жалоба № 9941/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Боддаерт (Boddaert) против Бельгии» от 12 октября 1992 г. (жалоба № 12919/87). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

³ См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Марченко (Marchenko) против Российской Федерации» от 5 октября 2006 г. (жалоба № 29510/04). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Калашников (Kalashnikov) против Российской Федерации» от 15.07.2002 г. (жалоба № 47095/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Поведение заявителя

Если задержка рассмотрения дела связана с действиями заявителя, то это в целом является фактором, ослабляющим эффективность его жалобы. Тем не менее Суд при оценке действий заявителя исходит из следующего положения: «...на заявителя нельзя возлагать ответственность за то, что он в полной мере воспользовался возможностями, предоставляемыми национальным законодательством для защиты собственных прав»¹. Соответственно, нельзя требовать от лица, привлеченного к уголовной ответственности, чтобы он активно содействовал судебным властям².

С учетом изложенного Суд последовательно различает:

- правомерные действия заявителя, направленные на реализацию им своих прав (даже если такие действия в конкретной ситуации и приводят к замедлению судебного разбирательства), и
- действия, представляющие собой злоупотребление заявителем своими процессуальными правами или направленные непосредственно на затягивание судебного разбирательства.

Например, в Постановлении по делу «Пищальников против РФ» Суд отметил: «Последовательный подход Европейского Суда заключается в том, что заявителю не может быть поставлено в вину извлечение выгоды из средств, предоставленных национальным законодательством для защиты своих интересов... Европейский Суд не находит, что заявитель злоупотреблял своими процессуальными правами или использовал их таким способом, который неоправданно затягивал разбирательство»³.

---

¹ См., например: *Постановление ЕСПЧ по делу «Соколов (Sokolov) против Российской Федерации»* от 22 сентября 2005 г. (жалоба № 3734/02), § 38. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление ЕСПЧ по делу «Марченко (Marchenko) против Российской Федерации»* от 5 октября 2006 г. (жалоба № 29510/04), п. 34. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См., например: *Постановление ЕСПЧ по делу «Калашников (Kalashnikov) против Российской Федерации»* от 15.07.2002 г. (жалоба № 47095/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление ЕСПЧ по делу «Комарова (Komarova) против Российской Федерации»* от 2 ноября 2006 г. (жалоба № 19126/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ *Постановление ЕСПЧ по делу «Пищальников (Pishchalnikov) против Российской Федерации»* от 24 сентября 2009 г. (жалоба № 7025/04). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Одновременно с пониманием и принятием Судом того обстоятельства, что обвиняемый (иное заинтересованное лицо) вправе пользоваться всеми законными возможностями для защиты собственных прав, период времени, на который затягивается судебное разбирательство в результате собственных действий заявителя, не должен, по мнению Суда, ставиться в вину государству. В основу вывода о нарушении требования «разумного срока» могут быть положены только задержки судебного разбирательства, состоявшиеся по вине государства-ответчика¹.

Например, в деле «Чирикоста и Виола против Италии» Суд решил, что 15-летний срок разбирательства по гражданскому делу не являлся неоправданным, поскольку заявители сами по крайней мере 17 раз обращались к суду с просьбой об отсрочке процесса и не возражали против требований другой стороны, выраженных 6 раз, о переносе разбирательства².

Если же судебное разбирательство затянулось как в связи с действиями заявителя, так и по причинам, связанным с деятельностью национальных властей, то Европейский Суд может:

– либо вообще не принять во внимание задержку производства, допущенную в связи с действиями заявителя (если сочтет, например, что «хотя заявитель и ответствен за некоторые проволочки в производстве по делу, в целом его действия не способствовали существенным образом затягиванию производства»³);

– либо вычесть продолжительность задержки, связанной с деятельностью заявителя, из общей продолжительности судебного разбирательства. Например, по указанному выше делу «Марченко против Российской Федерации» Европейский Суд учел, что:

• задержка судебного разбирательства, составившая приблизительно десять месяцев, была вызвана тем, что, по крайней мере,

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Марченко (Marchenko) против Российской Федерации» от 5 октября 2006 г. (жалоба № 29510/04), п. 34. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Чирикоста и Виола (Ciricosta and Viola) против Италии» от 4 декабря 1995 г. (жалоба № 19753/92), п. 29–32. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

³ См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Калашников (Kalashnikov) против Российской Федерации» от 15.07.2002 г. (жалоба № 47095/99), п. 130. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

восемь судебных заседаний было отложено, а также тем, что судебные заседания в марте, апреле, июле и в августе 2003 г., в феврале и марте 2004 г. длились примерно три часа по причине плохого самочувствия заявителя;

- заявитель заявлял отвод судьям семь раз. При этом шесть ходатайств заявителя об отводе судей не были удовлетворены; задержка судебного разбирательства, имевшая место в результате удовлетворения одного ходатайства заявителя об отводе судьи, составила примерно три месяца.

В результате Суд сделал вывод, что власти Российской Федерации несут ответственность за общий период судебного разбирательства за исключением задержек, имевших место по вине заявителя, т.е. приблизительно за пять лет (из общей продолжительности судебного разбирательства в шесть лет и два месяца)¹.

По делу «Сидоренко против РФ» Суд вычел из общей продолжительности рассмотрения дела период продолжительностью примерно 11 месяцев, поскольку установил, что имело место 11 случаев неявки заявителя в судебные заседания, о которых он был надлежащим образом уведомлен (и отказался учитывать его неявку еще в 8 судебных заседаниях, поскольку в материалах дела отсутствовали доказательства его надлежащего уведомления об этих заседаниях)².

Поведение властей

Исходными предпосылками при определении того, не связана ли задержка в рассмотрении дела с поведением властей, являются следующие:

- 1) По мнению Суда, положения п. 1 ст. 6 Конвенции возлагают на государства, ее ратифицировавшие, обязанность организовать свою систему органов судебной власти так, чтобы их деятельность отвечала требованию о рассмотрении дел в разумный срок. Именно государство должно нести ответственность за нарушение требования о разумном сроке судебного разбирательства, если промедле-

---

¹ *Постановление ЕСПЧ по делу «Марченко (Marchenko) против Российской Федерации» от 5 октября 2006 г. (жалоба № 29510/04), п. 34. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

² *См.: Постановление ЕСПЧ по делу «Сидоренко (Sidorenko) против Российской Федерации» от 8 марта 2007 г. (жалоба № 4459/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

ние обусловлено чрезмерной загруженностью судей¹ или связано с положениями законодательства, применение которых приводит (способно привести) к замедлению производства по делу.

Например, по делу «Марченко против Российской Федерации» Суд возложил на Российскую Федерацию ответственность за практически двухгодичную задержку судебного разбирательства, вызванную фактом ухода в отставку двоих судей, поскольку каждый раз, когда судья уходил в отставку, судебное разбирательство по делу начиналось сначала, что требовало назначения новых судебных слушаний по делу, повторный допрос свидетелей и новой оценки доказательств по делу².

Поскольку именно в обязанности государства входит обеспечение независимости суда и беспристрастности судей, то именно на него возлагается и ответственность за задержки, связанные с разрешением отводов, заявленных судьям. Так, в Постановлении по делу «Сидоренко против РФ» ЕСПЧ отметил: «Власти Российской Федерации заявили, что задержки судебного разбирательства в результате изменения состава суда имели место по вине заявителя, поскольку он обращался с соответствующими ходатайствами, которые впоследствии удовлетворялись. Учитывая выдающееся место, которое в демократическом обществе занимает право на справедливое судебное разбирательство независимым и беспристрастным судом..., Европейский Суд полагает, что власти государства-ответчика должны нести ответственность за задержки разбирательства, вызванные успешным обжалованием стороной по делу состава суда. Если суд удовлетворяет ходатайство стороны об отводе суда, неизбежно это означает, что опасения стороны относительно беспристрастности и независимости суда являются обоснованными»³.

---

¹ См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Городничев (Gorodnitchev) против Российской Федерации» от 24 мая 2007 г. (жалоба № 52058/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Бахитов (Bakhitov) против Российской Федерации» от 4 декабря 2008 г. (жалоба № 4026/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» и др.

² *Постановление* ЕСПЧ по делу «Марченко (Marchenko) против Российской Федерации» от 5 октября 2006 г. (жалоба № 29510/04). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Сидоренко (Sidorenko) против Российской Федерации» от 8 марта 2007 г. (жалоба № 4459/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2) Судебные власти и вообще государственные органы должны предпринимать все необходимые меры, направленные на максимальное ускорение разбирательства¹. Это означает, в частности, что:

а) Прежде всего, сами они не должны допускать бездействия или совершать действия, приводящие к замедлению производства по делу. Например, по делу «Ангелова против Российской Федерации» Суд отметил, что за значительные периоды бездействия, по поводу которых власти Российской Федерации не представили каких-либо удовлетворительных объяснений, несут ответственность должностные лица. В данном деле с 5 мая 1998 г. по 9 октября 2003 г. в деле заявительницы не было практически никаких изменений. В частности, между 11 мая и 31 октября 2001 г. не было назначено или проведено заседаний, поскольку дело передавалось другому судье². По делу «Куценко против РФ» Европейский Суд вменил в вину властям РФ, что «хотя иск заявителя был зарегистрирован 15 сентября 1998 г., Ломоносовскому районному суду Ленинградской области потребовалось около шести месяцев, чтобы назначить судебное заседание на 26 марта 1999 г. В указанный день судебное заседание было перенесено еще на один месяц и девятнадцать дней, при этом данная задержка произошла по вине властей. Более того, пять раз судебные заседания переносились, в целом, на восемь месяцев и семнадцать дней в связи с участием председательствующего судьи в другом судебном заседании. В связи с этим Европейский Суд напомнил, что обязанностью государств является организация их судебных систем таким образом, чтобы они могли выполнять свою обязанность по рассмотрению дел в разумный срок»³.

ЕСПЧ достаточно часто отмечает случаи бездействия национальных судебных властей РФ и по другим делам. Например:

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Марченко (Marchenko) против Российской Федерации» от 5 октября 2006 г. (жалоба № 29510/04), п. 38–39. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Ангелова (Angelova) против Российской Федерации» от 13.12.2007 г. (жалоба № 33820/04). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Куценко (Kutsenko) против Российской Федерации» от 1 июня 2006 г. (жалоба № 12049/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

– по делу «Пищальников против РФ» совокупная задержка в девять месяцев была вызвана уклонением областного суда от назначения первого судебного заседания. Еще одна задержка в два месяца имела место при передаче дела из областного суда в Верховный Суд для рассмотрения кассационной жалобы. Дело находилось без движения в Верховном Суде в течение более чем восьми месяцев. При этом Европейский Суд нашел «удивительным», что в течение этого периода Верховный Суд назначил и провел только одно заседание 8 августа 2003 г. – в тот же день, когда было вынесено определение¹;

– по делу «Понюшков против РФ», немногим меньше чем год и шесть месяцев прошло с момента подачи заявителем дополнения к кассационной жалобе до ее рассмотрения судом. Единственной причиной, которую указали власти Российской Федерации для этой чрезмерной задержки, являлась необходимость доставки подсудимых из Иркутска в Москву. При этом Верховному Суду Российской Федерации потребовалось 10 месяцев для рассмотрения ходатайства подсудимых о личном присутствии в суде кассационной инстанции и вынесения формального решения об их доставке в Москву, два месяца – для доставки в Москву всех подсудимых, кроме одного, для доставки которого потребовалось шесть месяцев. При этом ни один из подсудимых не был допущен в зал суда, а участвовал в заседании по кассационной жалобе посредством видеоконференц-связи. При этих обстоятельствах Европейский Суд не согласился с тем, что потеря времени в связи с необходимостью доставки подсудимых в Москву была оправданной. По этому же делу Верховному Суду Российской Федерации потребовалось девять месяцев, чтобы назначить новое заседание после отмены первого решения по кассационной жалобе судом надзорной инстанции².

Наконец, необходимо отметить, что ЕСПЧ считает неоправданно большими и промежутки примерно в один месяц между двумя судебными заседаниями, что является довольно распространенной практикой в судах РФ. Так, по делу «Панченко против РФ»

---

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Пищальников (Pishchalnikov) против Российской Федерации» от 24 сентября 2009 г. (жалоба № 7025/04). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Постановление ЕСПЧ по делу «Понюшков (Ponushkov) против Российской Федерации» от 6 ноября 2008 г. (жалоба № 30209/04). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Суд указал: «...дальнейшие задержки в судебном разбирательстве имели место по причине больших промежутков между судебными заседаниями в ходе второго судебного разбирательства»¹. Между тем по данному делу почти за 20 месяцев было назначено менее 20 судебных заседаний. Европейский Суд пришел к выводу, что суд первой инстанции должен был чаще назначать судебные заседания в целях ускорения судебного разбирательства².

Будет рассматриваться и как промедление допущенное властями РФ наличие периодов бездействия органов предварительного расследования. Например, по делу «Пищальников против РФ» Суд отметил, что задержка почти в два месяца была вызвана передачей дела из следственных органов в областной суд³.

б) Государство ответственно и за промедления, связанные с ошибками судов и/или других властей. Например, по делу «Коршунов против Российской Федерации» после передачи дела по обвинению Коршунова в суд в ноябре 2005 г. разбирательство не могло начаться несколько месяцев в связи с «возникшими между судами разногласиями относительно наличия недостатков в обвинительном заключении» (3 марта 2006 г. Автозаводский районный суд г. Нижнего Новгорода вынес постановление о возвращении уголовного дела в Генеральную прокуратуру Российской Федерации для исправления ошибок в обвинительном заключении в отношении заявителя. 2 мая 2006 г. Нижегородский областной суд отменил указанное постановление и вернул уголовное дело в Автозаводский районный суд г. Нижнего Новгорода). За эту задержку ответственность несут власти Российской Федерации⁴. По делу «Мацкус против РФ» судебное разбирательство не могло начаться

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу Панченко (Panchenko) против Российской Федерации» от 8 февраля 2005 г. (жалоба № 45100/98). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Постановление* ЕСПЧ по делу Панченко...

³ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Пищальников (Pishchalnikov) против Российской Федерации» от 24 сентября 2009 г. (жалоба № 7025/04). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Коршунов против Российской Федерации» от 25 октября 2007 г. (жалоба № 38971/06). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в течение полутора лет, поскольку национальные суды не могли урегулировать различные процессуальные вопросы¹.

Отвечает государство, в частности, за ошибки, допущенные как самими судами, так и органами предварительного расследования. Так, по делу «Городничев против РФ» причину одной из задержек ЕСПЧ усмотрел в том, что «24 февраля 1999 г. Кировский районный суд назначил проведение судебной экспертизы с целью изучить характер телесных повреждений, нанесенных потерпевшему, не сформулировав с достаточной точностью вопросов, на которые должны ответить эксперты. Такая недостаточная точность сделала задачу экспертов невыполнимой, о чем суд был проинформирован 10 марта 1999 г. Помимо того, что это обстоятельство вызвало некоторую потерю времени, Кировский районный суд так и не сформулировал вопросы для проведения экспертизы. Напротив, 29 марта 1999 г. он вынес обвинительный приговор без заключения экспертизы, обосновав свои выводы заключениями двух предыдущих экспертиз, которые сам признал противоречивыми... Среди прочих нарушений этот недостаток послужил впоследствии причиной отмены указанного приговора, что дополнительно продлило судебное разбирательство на четыре месяца»².

– По делу «Панченко против РФ», по мнению ЕСПЧ, в основе наиболее длительных задержек судебного разбирательства лежали нарушения прав защиты (в частности, права на ознакомление с материалами дела), допущенные органами предварительного расследования, что вызвало перерывы в судебном разбирательстве на срок от трех до девяти месяцев. Кроме того, на длительность судебного разбирательства по данному делу, по мнению Европейского Суда, повлияло и низкое качество предварительного расследования. «Хотя уголовное дело было возбуждено лишь через год после того, как все вменяемые заявителю правонарушения были уже совершены, через десять лет срок предъявления обвинения истек в отношении большинства пунктов обвинения, а от остальной части обвинения прокуратура отказалась, поскольку не были собраны

---

¹ *Постановление ЕСПЧ по делу «Мацкус (Matskus) против Российской Федерации» от 21 февраля 2008 г. (жалоба № 18123/04). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

² См., например: *Постановление ЕСПЧ по делу «Городничев (Gorodnitchev) против Российской Федерации» от 24 мая 2007 г. (жалоба № 52058/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

доказательства, достаточные для того, чтобы предъявленное обвинение было доказано»¹.

в) Суды должны предпринимать меры, направленные к тому, чтобы судебное разбирательство не замедлялось в связи с действиями участников разбирательства, направленными на его затягивание, а также в связи с нарушениями ими закона или существенными промедлениями в исполнении своих обязанностей. Европейский Суд полагает, что суд, рассматривающий дело, обязан принимать меры к сторонам, чтобы обеспечить проведение разбирательства в приемлемые сроки. Соответственно, он полагает, что за задержку, вызванную непринятием судом таких мер, также несет ответственность государство².

Например, по делу «Сидоренко против РФ» Европейский Суд отметил, что одной из причин задержки разбирательства по делу стало поведение обвиняемой заявителя, потерпевших и свидетелей, которые не являлись, по крайней мере, в 25 судебных заседаниях. «Европейский Суд напоминает, что задержка разбирательства в результате их неявки и неспособности городского суда дисциплинировать их имела место по вине властей государства-ответчика... Новочеркасский городской суд Ростовской области неоднократно давал поручения отделению милиции о принудительном приводе обвиняемой заявителя в судебное заседание. Тем не менее в материалах дела нет информации о том, что эти определения суда действительно исполнялись. Более того, Новочеркасский городской суд Ростовской области не принял мер по обеспечению явки в судебные заседания потерпевших и свидетелей»³. В

---

¹ *Постановление ЕСПЧ по делу «Панченко (Panchenko) против Российской Федерации» от 8 февраля 2005 г. (жалоба № 45100/98). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

² См., например: *Постановление ЕСПЧ по делу «Пищальников (Pishchalnikov) против Российской Федерации» от 24 сентября 2009 г. (жалоба № 7025/04). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Постановление ЕСПЧ по делу «Зементова (Zementova) против Российской Федерации» от 27 сентября 2007 г. (жалоба № 942/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

³ *Постановление ЕСПЧ по делу «Сидоренко (Sidorenko) против Российской Федерации» от 8 марта 2007 г. (жалоба № 4459/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

такой ситуации ЕСПЧ признал Российскую Федерацию ответственной за задержку судебного разбирательства¹.

Ответственность за задержку судебного разбирательства в связи с проведением экспертизы по делу возлагается, по мнению Суда, также, как правило, на власти государства-ответчика, поскольку п. 1 ст. 6 Конвенции возлагает на принявшие ее государства обязанность организовать судебную систему таким образом, чтобы их суды могли рассматривать дела в течение разумного срока². Например, по делу «Рольгезер и другие против РФ» Суд отметил: «За существенный период бездействия несут ответственность власти. Более трех лет и четырех месяцев прошло с 7 декабря 1998 г., когда городской суд обязал Министерство здравоохранения провести экспертизу, до 22 апреля 2002 г., когда дело было возвращено в суд. Экспертиза не была проведена, поскольку ответчик – государственное предприятие – не оплатил его стоимость. Европейский Суд напоминает в этом отношении, что главная ответственность за задержки, связанные с экспертизой, в конечном счете, возлагается на государство. Именно суд страны должен был обеспечить своевременную оплату стоимости экспертизы ответчиками и проведение последней без задержки»³.

---

¹ Там же. Аналогичная ситуация имела место и по другим делам. См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Шеломков (Shelomkov) против Российской Федерации» от 5 октября 2006 г. (жалоба № 36219/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Соколов (Sokolov) против Российской Федерации» от 22 сентября 2005 г. (жалоба № 3734/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Ангелова (Angelova) против Российской Федерации» от 13.12.2007 г. (жалоба № 33820/04). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Пищальников (Pishchalnikov) против Российской Федерации» от 24 сентября 2009 г. (жалоба № 7025/04). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Марченко (Marchenko) против Российской Федерации» от 5 октября 2006 г. (жалоба № 29510/04). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Рольгезер и другие (Rolgezer and others) против Российской Федерации» от 29 апреля 2008 г. (жалоба № 9941/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3) Рассмотрение дела различными инстанциями в принципе не освобождает судебные власти от соблюдения требования разумного срока, предусмотренного п. 1 ст. 6 Конвенции¹, поскольку решение о возвращении дела на новое рассмотрение обычно принимается в связи с ошибками, допущенными нижестоящими органами, повторение тех же распоряжений в рамках данного разбирательства свидетельствует о недостатках в функционировании правовой системы.

Важность предмета (исхода) судебного разбирательства для заявителя

При проведении оценки того, была ли соблюдена гарантия «разумного срока», принимается во внимание значимость для заявителя исхода разбирательства по делу. Чем больше такая значимость, тем большую «рачительность», большее усердие должны проявлять власти, стремясь закончить рассмотрение дела в кратчайший срок.

При этом Суд исходит из следующего:

1) грозящее подсудимому уголовное наказание само по себе свидетельствует о значимости для него исхода такого дела. Поэтому ожидается, что уголовные разбирательства будут, как правило, проводиться более ускоренно, чем гражданские;

2) в то же время часть гражданских дел Суд также (в зависимости от их предмета) может признать имеющими особую значимость для заявителя. Например, это может быть по делам о возмещении вреда здоровью, причиненного в результате медицинской халатности², при рассмотрении споров, касающихся вопроса о средствах заявителя к

---

¹ См., например: *Постановление ЕСПЧ по делу «Фалимонов (Falimov) против Российской Федерации»* от 25.03.2008 г. (жалоба № 11549/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление ЕСПЧ по делу «Облов (Oblov) против Российской Федерации»* от 15 января 2009 г. (жалоба № 22674/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Постановление ЕСПЧ по делу «Марченко (Marchenko) против Российской Федерации»* от 5 октября 2006 г. (жалоба № 29510/04). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

существованию, каковыми являются пенсии¹, когда речь идет о смерти близкого родственника²;

3) особенного усердия от властей требует тот факт, что обвиняемый находится под стражей³ или является несовершеннолетним⁴.

Под действием многочисленных Постановлений ЕСПЧ, признающих нарушение Российской Федерацией разумного срока судебного разбирательства (в частности, по уголовным делам), в Российской Федерации были внесены изменения в процессуальное законодательство, требующие соблюдения разумных сроков осуществления судопроизводства (ФЗ от 30.04.2010 № 69-ФЗ), а также принят Закон «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (ФЗ от 30.04.2010 № 68-ФЗ).

Так, Федеральным законом от 30.04.2010 № 69-ФЗ в УПК РФ была включена ст. 6¹, в соответствии с которой, в частности:

1) Уголовное судопроизводство должно осуществляться в разумный срок.

2) Срок уголовного судопроизводства включает в себя период с момента начала осуществления уголовного преследования до момента прекращения уголовного преследования или вынесения обвинительного приговора.

3) При определении разумного срока уголовного судопроизводства учитываются такие обстоятельства, как правовая и фактическая сложность уголовного дела, поведение участников уголовного судопроизводства, достаточность и эффективность действий суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, начальника подразделения дознания, органа дознания, дознавателя,

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Шнейдерман (Shneyderman) против Российской Федерации» от 11 января 2007 г. (жалоба № 36045/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Постановление* ЕСПЧ по делу «Марусева (Maruseva) против Российской Федерации» от 29 мая 2008 г. (жалоба № 28602/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ *Постановление* по делу «Коршунов (Korshunov) против Российской Федерации» (жалоба № 38971/06) от 25 октября 2007 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Облов (Oblov) против Российской Федерации» от 15 января 2009 г. (жалоба № 22674/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

производимых в целях своевременного осуществления уголовного преследования или рассмотрения уголовного дела, и общая продолжительность уголовного судопроизводства. При этом обстоятельства, связанные с организацией работы органов дознания, следствия, прокуратуры и суда, а также рассмотрение уголовного дела различными инстанциями не могут приниматься во внимание в качестве оснований для превышения разумных сроков осуществления уголовного судопроизводства.

Кроме того, изменения, внесенные в УПК РФ, направлены и на появление некоторых гарантий соблюдения разумного срока судопроизводства. Эти гарантии заключаются:

а) в появлении у заинтересованных лиц права обратиться к председателю суда с заявлением об ускорении рассмотрения дела, но только в одном случае – если после поступления уголовного дела в суд дело длительное время не рассматривается. Заявление об ускорении рассмотрения уголовного дела должно быть при этом рассмотрено председателем суда в срок не позднее 5 суток со дня поступления этого заявления в суд. По результатам его рассмотрения выносится мотивированное постановление, в котором может быть установлен срок проведения судебного заседания по делу и (или) могут быть приняты иные процессуальные действия для ускорения рассмотрения дела (ст. 6¹ УПК РФ);

б) в возможности (если разумный срок уголовного судопроизводства нарушается в ходе досудебного производства по уголовному делу) заинтересованных лиц обратиться к прокурору или руководителю следственного органа с жалобой, которая должна быть рассмотрена в порядке и в сроки, установленные ст. 124 УПК РФ. В результате удовлетворения такой жалобы в соответствующем постановлении должны быть указаны процессуальные действия, осуществляемые для ускорения рассмотрения дела, и сроки их осуществления (ст. 123 и 124 УПК РФ).

В соответствии с ФЗ РФ от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» заявление о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок может быть подано в суд в шестимесячный срок со дня вступления в законную силу приговора или постановления суда, принятых по делу, либо другого судебного решения, которым прекращено уголовное судопроизводство. В

случае установления подозреваемого или обвиняемого заявление о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок может быть подано и до прекращения уголовного преследования или до вступления в законную силу обвинительного приговора суда, если продолжительность производства по уголовному делу превысила четыре года и заявитель ранее обращался с заявлением об ускорении его рассмотрения в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации.

В целом весьма положительно оценивая сам факт принятия данных законов, следует, тем не менее, отметить, что:

1) их положения, в основном отвечая правовым позициям, сформулированным ЕСПЧ, в то же время не полностью им соответствуют, не вполне гарантируя тем самым соблюдение в Российской Федерации права на разумный срок судебного разбирательства. Например, УПК РФ оканчивает период, включаемый при рассмотрении разумности срока уголовного судопроизводства, момент вынесения обвинительного приговора (или прекращения уголовного преследования), тогда как Европейский Суд, как было сказано выше, включает в него весь промежуток времени до момента вынесения окончательного решения, т.е. связывает его не с моментом вынесения приговора, а с моментом его вступления в законную силу. В результате законодательство РФ не содержит гарантий от затягивания производства по уголовному делу в проверочных судебных инстанциях – апелляции (а до 2013 г. – и в кассации);

2) положения данных федеральных законов не вполне последовательны. Например, связывая, как было сказано выше, окончание периода, принимаемого во внимание при рассмотрении вопроса о разумности срока уголовного судопроизводства, с моментом вынесения обвинительного приговора или прекращения уголовного преследования (которое может быть осуществлено и путем принятия несудебного акта – постановления следователя), они предусматривают возможность обращения за компенсацией только с вступлением приговора или постановления суда, принятых по делу, **в законную силу** либо с вынесением иного **судебного решения**, которым прекращено уголовное судопроизводство. Таким образом, возможность обращения за компенсацией фактически не признается за участниками судопроизводства (в том числе потерпевшими), если уголовное дело (уголовное преследование) было прекращено

следователем, а также произвольным образом ограничивается в ситуации, когда приговор по делу уже вынесен, но проверочная судебная инстанция длительное время не приступает к его пересмотру;

3) гарантии соблюдения разумного срока судопроизводства, имеющиеся в данных законах, явно недостаточны, поскольку, например, нарушения разумного срока уголовного судопроизводства в ходе рассмотрения уголовного дела могут быть, очевидно, связаны не только с тем, что после поступления уголовного дела в суд дело длительное время не рассматривается, но и с многочисленными его отложениями, неоправданной длительностью судебной экспертизы, затягиванием процесса вследствие непринятия судом мер к другим участникам судопроизводства, неправомерно затягивающим судебное разбирательство, и т.п. Однако в таких ситуациях не предусмотрена возможность обращения с заявлением об ускорении рассмотрения дела;

4) формулировки ряда положений данных федеральных законов не имеют пока четкого истолкования в судопроизводстве РФ (например, момент начала осуществления уголовного преследования, а также перечень обстоятельств, учитываемых при определении разумности срока уголовного судопроизводства). Данные обстоятельства (правовая и фактическая сложность уголовного дела, поведение участников уголовного судопроизводства, достаточность и эффективность действий суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, начальника подразделения дознания, органа дознания, дознавателя, производимых в целях своевременного осуществления уголовного преследования или рассмотрения уголовного дела, и общая продолжительность уголовного судопроизводства) должны толковаться судами и иными органами РФ только на основе правовых позиций Европейского Суда по правам человека (перечисленных выше в данном параграфе). Это, однако, требует знания правоприменителями РФ таких правовых позиций, а также целенаправленной деятельности высших судебных инстанций РФ, направленных на формирование единой судебной практики, соответствующей этим правовым позициям.

5.4. Мотивированность судебных решений

Европейский Суд неоднократно отмечал, что гарантированное п. 1 ст. 6 Конвенции право на справедливое судебное разбирательство включает право сторон, участвующих в деле, представлять любые замечания, которые они считают относящимися к их делу. Поскольку целью Конвенции является обеспечение не теоретических или иллюзорных прав, а прав фактических и эффективных, это право можно считать эффективным только в том случае, если замечания были действительно «заслушаны», т.е. должным образом учтены судом, рассматривающим дело. Следовательно, действие ст. 6 Конвенции заключается в том, чтобы среди прочего обязать суд провести надлежащее рассмотрение замечаний, доводов и доказательств, представленных сторонами по делу, беспристрастно решая вопрос об их относимости к делу¹. Отсюда, в частности, проистекает обязанность суда приводить основания своих решений. При этом мотивированным должно быть не только заключительное решение по делу (приговор или решение суда), но и все промежуточные решения, если они затрагивают законные права участников судебного разбирательства (в частности, мотивированными должны быть решения по заявленным ходатайствам (например, о вызове и допросе свидетелей защиты), решения по заявленным отводам, относительно сохранения в тайне данных о личности свидетелей, в случае применения к ним мер безопасности, решения об изменении состава суда, рассматривающего дело, и т.д.

При этом ЕСПЧ исходит из следующего:

1) Согласно его правоприменительной практике, должное отправление правосудия означает, что в решениях судов с необходимостью должны содержаться доводы, на которых они основаны.

2) Пункт 1 ст. 6 Конвенции обязывает суды приводить обоснования своих решений, но его нельзя понимать как требование подробного ответа на каждый довод. Степень, в которой применяется эта обязанность приводить обоснования, может различаться в зависимости от характера решения.

---

¹ См.: *Постановление* по делу «Перес (Perez) против Франции» от 12 февраля 2004 г. (жалоба № 47287/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3) Даже если национальный суд имеет определенную степень свободы усмотрения при выборе доводов в определенном деле и принятии доказательств в поддержку доводов сторон, он обязан оправдать свои действия, приведя основания для своего решения.

4) Дальнейшей функцией обоснованного решения является продемонстрировать сторонам, что их выслушали. Более того, мотивированное решение предоставляет сторонам возможность обжаловать его, так же как и возможность кассационному органу пересмотреть решение. Только через вынесение обоснованного решения может осуществляться общественный контроль за отправлением правосудия¹.

В настоящее время ЕСПЧ довольно часто приходит к выводу о том, что то или иное решение судов РФ, попавшее в сферу его внимания, является немотивированным, и указывает на данное обстоятельство, аргументируя свой вывод о нарушении той или иной составляющей права на справедливое судебное разбирательство. Примеры таких решений уже приводились в данной работе (например, применительно к решениям об ограничении открытости судебных заседаний) и будут приводиться и далее (в частности, когда речь пойдет о позициях ЕСПЧ по вопросам доказывания). Например, по делу «Мирилашвили против РФ» заявитель был осужден по обвинению в организации похищения группы лиц. Выводы суда основывались на записях телефонных переговоров, произведенных милицией в квартире одного из потерпевших. Ссылаясь на Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», суд отказал защите в раскрытии материалов, имевших отношение к решению на право проведения записи. ЕСПЧ в своем постановлении по данному делу указал, что у стороны защиты был законный интерес в раскрытии таких материалов, однако, с другой стороны, эти документы могли содержать конфиденциальную информацию, относящуюся к государственной тайне. При таких обстоятельствах

---

¹ См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Кузнецов и другие (Kuznetsov and others) против Российской Федерации» от 11 января 2007 г. (жалоба № 184/02) // <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en>; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Татишвили (Tatishvili) против Российской Федерации» от 22.02.2007 г. (жалоба № 1509/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

у национального суда были широкие пределы усмотрения. Но национальный суд не проанализировал вопросы, затрагивающие баланс интересов (могли ли эти материалы использоваться защитой и могло ли их раскрытие причинить вред публичным интересам). Его решение основывалось на виде материала, но не на его содержании. Оно было неясным, но в результате все такие материалы были исключены из состязательного рассмотрения. По данному делу Европейский Суд пришел к выводу, что решение национального суда о нераскрытии материалов не было достаточно обоснованным и не сопровождалось адекватными процессуальными гарантиями. Учитывая, что, кроме этого, защита находилась в неблагоприятном положении по сравнению со стороной обвинения в части возможностей допроса ключевых свидетелей, Суд признал, что указанное судебное разбирательство в целом не отвечало требованиям справедливости¹.

Очень интересно применительно к данному параграфу и Постановление ЕСПЧ по делу «Татишвили против Российской Федерации». По данному делу Европейский Суд пришел к выводу о том, что имело место нарушение права на справедливое судебное разбирательство в ситуации, когда районный суд в решении не указал никаких оснований для своих выводов, не соответствовавших, к тому же, исследованным по делу обстоятельствам, а суд кассационной инстанции, рассмотрев жалобу заявительницы на то, что выводы районного суда были лишены фактического и/или юридического обоснования, в краткой форме одобрил выводы районного суда, не рассмотрев доводы кассационной жалобы заявительницы и не мотивировав свое решение².

---

¹ *Постановление ЕСПЧ по делу «Мирилашвили (Mirilashvili) против России» от 11 декабря 2008 г. (жалоба № 6293/04) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 4. С. 22–23.*

² *См.: Постановление ЕСПЧ по делу «Татишвили (Tatishvili) против Российской Федерации» от 22 февраля 2007 г. (жалоба № 1509/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

Глава 6. Специальные элементы права на справедливое судебное разбирательство, характерные только для обвиняемого

В данной главе будут рассматриваться не только требования к справедливому судебному разбирательству, перечисленные в п. 2 и 3 ст. 6 Конвенции. Поэтому, прежде всего, отметим, что требования, перечисленные в п. 2 и 3 ст. 6 Конвенции:

1) применимы только по уголовным делам и только по отношению к обвиняемому;

2) их перечень не имеет, по мнению ЕСПЧ, исчерпывающего характера¹. Например, ЕСПЧ указал, что, несмотря на то, что в ст. 6 Конвенции это прямо не говорится, право хранить молчание и – в качестве одного из его элементов – право отказаться свидетельствовать против самого себя являются необходимыми составляющими права на справедливое судебное разбирательство²;

3) требования п. 2 и 3 ст. 6 Конвенции представляют собой конкретные аспекты, примеры права на справедливое разбиратель-

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Артико (Artico) против Италии» от 13 мая 1980 г. (жалоба № 6694/74) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 318–327.

² См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Саундерс (Saunders) против Соединенного Королевства» от 17 декабря 1996 г. (жалоба № 19187/91) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 312–316; *Постановление* Европейского Суда по делу «Функе (Funke) против Франции» от 25 февраля 1993 г. (жалоба № 10828/84) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 788–795.

ство, гарантированного в п. 1 ст. 6 Конвенции¹, но их основной целью всегда является обеспечение или способствование обеспечению справедливости разбирательства при рассмотрении уголовных дел в целом. Поэтому они не могут рассматриваться изолированно от содержания п. 1 ст. 6 Конвенции, а должны толковаться в свете функций, которые они имеют в общем контексте судебного разбирательства², т.е. с той точки зрения, привело ли в конкретной ситуации их нарушение к несправедливому характеру судебного разбирательства в целом или нет.

6.1. Презумпция невиновности. Право хранить молчание и не давать показаний против себя

Содержание принципа презумпции невиновности, по мнению Суда, означает, в частности, что необходимо, чтобы при выполнении своих обязанностей судьи не исходили из предубеждения в том, что обвиняемый совершил преступление; бремя доказывания виновности лежит на обвинении, и сомнения в доказанности должны толковаться в пользу обвиняемого³.

Право хранить молчание и его частное проявление – право не свидетельствовать против самого себя, по мнению ЕСПЧ, предусматривает, что сторона обвинения должна изыскивать доказательства против обвиняемого, не прибегая к давлению и иному воздействию на волю последнего. Следовательно, данное право (являющееся составной частью содержания права на справедливое судеб-

---

¹ См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Ван Мехелен и другие против Нидерландов» от 23 апреля 1997 г. (жалоба № 55/1996) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 2. М.: Норма, 2000. С. 440–454; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Девеер (Deweer) против Бельгии» от 27 февраля 1980 г. (жалоба № 6903/75) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 301–317.

² *Постановление* ЕСПЧ по делу «Майзит (Mauzit) против Российской Федерации» от 20 января 2005 г. (жалоба № 63378/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Телфнер (Telfner) против Австрии» от 20 марта 2001 г. (жалоба № 33501/96), п. 15. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en>

ное разбирательство, закрепленного в п. 1 ст. 6 Конвенции), тесно связано с понятием презумпции невиновности, содержащимся в п. 2 ст. 6 Конвенции¹. Поэтому два данных права (в принципе, являющихся самостоятельными конкретными аспектами права на справедливое судебное разбирательство) рассматриваются в одном разделе данной работы.

Презумпция невиновности

В актах Европейского Суда обсуждались следующие аспекты презумпции невиновности:

1) Презумпция невиновности предполагает, что бремя доказывания виновности лежит на обвинении. Тем не менее это правило, по мнению ЕСПЧ, не абсолютно. Высказываясь по вопросу о презумпции невиновности, Суд указал, что ст. 6 Конвенции не исключает и возможность существования в Национальном законодательстве правовых или фактических презумпций, переносящих бремя доказывания на обвиняемого (по частным вопросам). Однако любое положение, которое определяет перенос бремени доказывания невиновности или делает возможным применение презумпции, действующей против обвиняемого, должно быть ограничено «разумными пределами, учитывающими важность того, что поставлено на карту для обвиняемого, и обеспечивающими его право на защиту»². Например, по делу «Грейсон и Барнхем против Соединенного Королевства» Европейский Суд пришел к выводу, что возложение на заявителей, осужденных за сбыт наркотиков, бремени доказывания законности источника денежных средств или иного имущества, которыми они, как доказано, владели в течение нескольких лет, предшествовавших их осуждению, в судебном разби-

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Саундерс (Saunders) против Соединенного Королевства» от 17 декабря 1996 г. (жалоба № 19187/91), п. 68 // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 312–316.

² См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Салабиакю (Salabiaku) против Франции» от 7 октября 1988 г. (жалоба № 10519/83). Цит. по: *Моул Н., Харби К., Алексеева Л.Б.* Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 6. Право на справедливое судебное разбирательство. Прецеденты и комментарии. М.: Российская академия правосудия, 2001. С. 89; *Информация* о Постановлении по делу «Грейсон и Барнхем против Соединенного Королевства» от 23 сентября 2008 г. (жалобы № 19955/05 и 15085/06) // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 1. С. 14–15.

рательстве, производимом после их осуждения для решения вопроса о возможности применения конфискации имущества, не являлось несовместимым, в принципе или на практике, с концепцией справедливого разбирательства согласно ст. 6 Конвенции. Учитывая наличие при рассмотрении дела других гарантий справедливого судебного разбирательства, это бремя в конкретном случае не превышало разумные пределы¹.

Однако такой перенос обязанности доказывания на обвиняемого в любом случае не может носить «всеобъемлющего» характера. Так, по делу «Телфнер против Австрии» Суд установил, что вывод суда о виновности подсудимого, сделанный исключительно на основе ничем более не подтвержденных умозаключений, представленных полицией, и молчания подсудимого (его нежелания давать показания), равносителен перекладыванию бремени доказывания на обвиняемого и тем самым составляет нарушение принципа презумпции невиновности².

В некоторых случаях Суд устанавливает особые правила распределения бремени доказывания между сторонами. Так, согласно постановлениям по делам «Раманаускас (Ramanauskas) против Литвы» и «Худобин против Российской Федерации», доказывание отсутствия провокации возлагается на сторону обвинения³. Если имеется утверждение о том, что в отношении подсудимого были допущены пытки или иное запрещенное законом обращение в период нахождения его «под властью государства», например в период нахождения его под арестом или при отбывании наказания в виде лишения свободы, то «в случае получения телесных повреждений в этот период именно государство должно предоставить до-

---

¹ *Информация* о Постановлении по делу «Грейсон и Барнхем против Соединенного Королевства» от 23 сентября 2008 г. (жалобы № 19955/05 и 15085/06) // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 1. С. 14–15.

² *Постановление* ЕСПЧ по делу «Телфнер (Telfner) против Австрии» от 20 марта 2001 г. (жалоба № 33501/96). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkr197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

³ См.: *Постановление* Большой палаты ЕСПЧ по делу «Раманаускас (Ramanauskas) против Литвы» от 05.02.2008 г. (жалоба № 74420/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Худобин против Российской Федерации» от 26 октября 2006 г. (жалоба № 59696/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

казательства, ставящие под сомнение описание событий, сделанное пострадавшим, особенно в тех случаях, когда его показания подтверждены медицинскими документами»¹. Представляется поэтому, что в случае, если заявление о применении к подсудимому пыток или иного жестокого обращения сделано в ходе судебного разбирательства по уголовному делу, то суд обязан его проверить, и при наличии травм, полученных во время содержания под стражей, именно на сторону обвинения должна быть возложена обязанность по доказыванию того, что такое заявление не соответствует действительности.

2) Для выполнения своей обязанности по обоснованию виновности обвиняемого государственное обвинение обязано указать обвиняемому, в чем конкретно он обвиняется, и предоставить достаточные доказательства, обосновывающие обвинительное заключение. По делу «Барбера, Мессегуэ и Джабардо против Испании» Суд пришел к выводу о нарушении данного положения в ситуации, когда обвинение, изложив свое видение фактов, квалифицировав их и перечислив доказательства, на предоставлении которых она настаивает, включая 1600 страниц дела, детально не объяснило, на какие элементы оно опиралось, выдвигая обвинение против данных лиц².

3) Суд не вправе делать преждевременных заявлений о виновности обвиняемого, а также допускать высказывания и совершать действия, дающие основания полагать, что суд уже имеет определенное мнение по вопросу о его виновности. По мнению Суда, презумпция невиновности нарушается, если судебное решение в отношении подсудимого отражает понимание, что он виновен, в то время как его виновность не была предварительно установлена на законных основаниях. Даже при отсутствии формального установ-

---

¹ См., например: *Постановление ЕСПЧ по делу «Рибич (Ribitsch) против Австрии»* от 04 декабря 1995 г. (жалоба № 18896/91) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 2. М.: Норма, 2000. С. 166–173; *Постановление ЕСПЧ по делу «Антропов (Antropov) против Российской Федерации»* от 29 января 2009 г. (жалоба № 22107/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: *Информация о Постановлении ЕСПЧ по делу «Барбера, Мессегуэ и Джабардо (Barbera, Messegue & Jabardo) против Испании»* от 6 декабря 1988 г. (жалоба № 10590/83) // Европейский судебный вестник. 2001. С. 18–19.

ления достаточно, если только *мотивировочная часть* решения дает возможность полагать, что суд считает заинтересованное лицо виновным¹. Таким образом, если то или иное судебное решение содержит выводы или формулировки, которые дают основания полагать, что суд считает виновным лицо, которое не было признано виновным в порядке, установленном законом, то встает вопрос о нарушении права на справедливое судебное разбирательство. Например, Суд признал нарушением презумпции невиновности ситуацию, когда в постановлении об избрании меры пресечения была допущена формулировка «совершил уголовные преступления», которые являются предметом этого судебного преследования (вместо указания на то, что «имеется разумное подозрение» в совершении таких преступлений)². Между тем, как показывает изучение практики, указанная «ошибка» достаточно часто допускается и судами РФ.

При этом принцип презумпции невиновности должен соблюдаться не только на этапе, предшествующем судебному разбирательству, но и после прекращения судопроизводства по уголовным делам или после вынесения оправдательного приговора. Более того, после вступления в силу оправдательного приговора или иного акта, констатирующего невиновность обвиняемого, недопустимо даже выражение подозрений, относительно его виновности³. Например, в деле «Шеканина против Австрии»⁴ Суд посчитал проти-

---

¹ См., например: *Постановление ЕСПЧ по делу «Пуиг Панелья (Puig Panella) против Испании»* от 25 апреля 2006 г. (жалоба № 1483/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: *Постановление ЕСПЧ по делу «Матяшевич (Matijasevic) против Сербии»* от 19 сентября 2006 г. (жалоба № 23037/04). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ *Постановление ЕСПЧ по делу «Хаммерн (Hammern) против Норвегии»* от 11.02.2003 г. (жалоба № 30287/96). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010). Изучая данное постановление, необходимо принять во внимание то обстоятельство, что в переводе, размещенном в СПС «КонсультантПлюс», содержится неверное указание на итоговый вывод Европейского Суда по делу. Как видно из решения, размещенного на официальном сайте ЕСПЧ, Суд признал, что по данному делу **был** нарушен п. 2 ст. 6 Конвенции.

⁴ См.: *Постановление ЕСПЧ по делу «Шеканина (Sekanina) против Австрии»* от 25 июня 1993 г. (жалоба № 13126/87), п. 30. URL:

воречащей презумпции невиновности ситуацию, когда национальный суд, вынося решение по иску потерпевшего о возмещении вреда, сослался на подозрения относительно виновности заявителя после того, как ему был вынесен окончательный оправдательный приговор.

Существенным обстоятельством является также то, что, по мнению Европейского Суда, посягательство на презумпцию невиновности может исходить не только от судьи или от суда, но и от других публичных властей¹. Пункт 2 ст. 6 Конвенции не может препятствовать властям информировать общественность о ведущихся уголовных расследованиях, но он требует, чтобы власти делали это сдержанно и деликатно, как того требует уважение презумпции невиновности². Когда власти обнародуют объективную информацию, касающуюся уголовных дел, эта информация не должна содержать каких-либо оценочных суждений или каким-либо образом предрешать вопрос о виновности³. Недопустимы высказывания, допущенные должностными лицами по поводу рассматриваемого уголовного дела, которые внушают общественности представление о том, что подозреваемый виновен, и опережают оценку фактов компетентным судебным органом. Европейский Суд последовательно подчеркивает важность выбора выражений публичными должностными лицами в их заявлениях, сделанных до того, как лицо признано виновным в совершении конкретного преступления и осуждено.

Например, по делу «Хужин и другие против Российской Федерации» Суд отметил: «...за несколько дней до начала рассмотрения судом дела заявителей государственный телевизионный канал организовал трансляцию телевизионной программы, в которой приняли участие следователь, ответственный за дело заявителей, го-

---

<http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?sessionId=52840049&skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Аллене де Рибемон (Allenet de Ribemont) против Франции» от 10 февраля 1995 г. (жалоба № 3/1994) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 2. М.: Норма, 2000. С. 85–95.

² Там же.

³ См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «У.В. и другие против Турции» от 28 октября 2004 г. (жалобы № 48173/99, 48319/99) // Бюллетень ЕСПЧ. 2005. № 2. С. 25–26.

родской прокурор и начальник отдела расследования особо важных дел региональной прокуратуры. Участники и в меньшей степени ведущая и предполагаемая жертва посягательства подробно обсуждали дело заявителей... Что касается содержания программы, Европейский Суд отмечает, что все три сотрудника прокуратуры охарактеризовали деяния, вменяемые в вину заявителям, как преступления, совершенные ими... Их заявления не были ограничены описанием состояния продолжающегося разбирательства или «наличием подозрения» против заявителей, но преподносили в качестве установленного факта, без ограничений и оговорок, совершение ими преступления даже в отсутствие упоминания о том, что заявители отрицали это. Кроме того, городской прокурор Зинтерекос ссылаясь на судимости заявителей, изображая их как закоренелых преступников, и утверждал, что совершение ими «преступления» было следствием их «личных качеств» – «жестокости и бессмысленного зверства». В заключительном заявлении он также указал, что суду остается только приговорить их к лишению свободы достаточной продолжительности, таким образом, представив осуждение заявителей в качестве единственного возможного исхода судебного разбирательства... Европейский Суд полагает, что эти заявления публичных должностных лиц представляли собой объявление заявителей виновными и опережали оценку фактов компетентным судебным органом. С учетом того, что эти должностные лица занимали высокие посты в городском и региональном органах прокуратуры, они должны были проявлять особую сдержанность в выборе выражений при описании продолжающегося уголовного разбирательства против заявителей. Однако с учетом содержания их заявлений, изложенных выше, Европейский Суд находит, что некоторые из них не могли не внушить общественности представление о том, что заявители виновны, до того, как их виновность была установлена в соответствии с законом. Европейский Суд находит, что было допущено нарушение презумпции невиновности заявителей»¹.

Наконец, презумпция невиновности может быть нарушена не только высказываниями и выводами (формулировками), допущенными должностными лицами, но и в других случаях, когда реше-

---

¹ *Постановление ЕСПЧ по делу «Хужин и другие (Khuzhin и Others) против Российской Федерации» от 23.10.2008 г. (жалоба № 13470/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

ния, принятые должностными лицами или совершенные ими действия могли повлечь за собой утверждение представлением общественности о виновности лица, не признанного виновным судом в установленном законом порядке. Например, по делу «Самойла и Чонка против Румынии» нарушение презумпции невиновности признано Судом, в частности, в связи с тем, что председатель Апелляционного суда отказал заявителям в разрешении надеть на судебное заседание собственную одежду, и они предстали перед судом (в публичном слушании) в одежде, которую носят осужденные. Такая практика была неоправданной и могла утвердить представление общественности о виновности заявителей¹.

Право хранить молчание и не давать показаний против себя

Смысл данного права в контексте ст. 6 Конвенции, по мнению Европейского Суда, заключается в следующем:

– прежде всего, в защите обвиняемого от злонамеренного принуждения со стороны властей, что помогает избежать судебных ошибок и добиться целей, поставленных ст. 6;

– как уже было сказано выше, это право способствует тому, чтобы обвинение не прибегало к доказательствам, добытым вопреки воле обвиняемого с помощью принуждения или давления, и в этом смысле оно тесно связано с презумпцией невиновности².

Право не свидетельствовать против самого себя, прежде всего, касается уважения желания обвиняемого хранить молчание. Оно не распространяется на использование в уголовном процессе других доказательств, которые могут быть получены от обвиняемого независимо от его воли принудительным путем (документы, полученные на основании ордера, образцы дыхания, крови, мочи, волос или голоса и кожного покрова для проведения анализа ДНК)³.

В то же время важно то, каким образом получают эти доказательства. Европейский Суд сформулировал несколько критериев,

---

¹ См.: *Постановление ЕСПЧ по делу «Самойла и Чонка (Samoila and Ciunca) против Румынии» от 4 марта 2008 г. (жалоба № 33065/03) // Бюллетень ЕСПЧ. 2008. № 9. С. 19–22.*

² *Постановление ЕСПЧ по делу «Саундерс (Saunders) против Соединенного Королевства» от 17 декабря 1996 г. (жалоба № 19187/91) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 312–316.*

³ Там же.

пользуясь которыми, можно оценить, не имело ли место нарушение права не свидетельствовать против себя.

1) В целом право не свидетельствовать против самого себя не может быть преодолено с помощью различного рода уловок, используемых властями. Например, в деле «Функе против Франции» таможенные службы спровоцировали предъявление обвинения г-ну Функе с целью получения некоторых документов, о существовании которых у них были предположения, но полной уверенности не было. В этой ситуации Европейский Суд пришел к выводу, что такая попытка принудить заявителя предоставить документы и тем самым обеспечить доказательства преступлений, в совершении которых его обвиняли, нарушила его право не свидетельствовать против самого себя¹.

2) Право на молчание будет нарушено не только в том случае, если для его преодоления использовались меры физического характера (пытки, жестокое обращение), но и при применении психологического давления. Например, в деле «Алан против Соединенного Королевства» сделанные заявителем признания, как установил Суд, не были спонтанными и самопроизвольными, а были получены при настойчивых расспросах его Х. (агентом полиции), который при подстрекательстве полиции производил их при обстоятельствах, которые могли рассматриваться как функционально равнозначные допросу, проводившемуся без соблюдения процессуальных гарантий, присущих формальному полицейскому допросу. В данном деле, несмотря на то, что не было установлено существования между заявителем и Х. особых отношений, и несмотря на то, что не было доказательств оказания прямого насилия в отношении заявителя, последний **подвергался психологическому давлению, которое нарушает добровольную природу признания.** В данных обстоятельствах Суд счел, что информация, добытая благодаря использованию Х., может рассматриваться как полученная вопреки воле обвиняемого, а принятие ее во внимание в ходе разбирательства

---

¹ *Постановление* Европейского Суда по делу «Функе (Funke) против Франции» от 25 февраля 1993 г. (жалоба № 10828/84) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 788–795.

дела нарушило право заявителя хранить молчание и привилегию против самообвинения¹.

3) Если речь идет о доказательствах, которые существуют независимо от воли обвиняемого, то для их получения, в целом, возможно использовать принудительные меры, принимая, однако, во внимание то, каков характер этих доказательств и какова, соответственно, степень силы, которая должна быть использована для их изъятия. Например, Суд обнаружил существенные различия между делом «Саундерс против Соединенного Королевства», где речь шла об изъятии материалов, которые вырабатываются в результате естественной жизнедеятельности организма (образцы крови, дыхания, мочи или голоса) и для изъятия которых обвиняемого просят пассивно потерпеть незначительное вмешательство в его физическую неприкосновенность, либо совершить определенные активные действия (предоставить образцы голоса, например)², и делом «Яллох против Германии», в котором заявитель был принужден к рвоте с целью извлечения доказательств преступления (пакетика с наркотиками, проглоченного им при задержании), что потребовало насильственного введения ему через нос трубки и инъекции вещества, для того чтобы спровоцировать патологическую реакцию в его организме. Суд при этом учел, что данная процедура была сопряжена с некоторым риском для здоровья заявителя, а также учел, что данная процедура проводилась в условиях, превышающих минимальный уровень жестокости и сама по себе являлась нарушением ст. 3 Конвенции³.

4) При оценке того, не было ли нарушено право обвиняемого хранить молчание, Суд считает необходимым учитывать также:

– значение общественного интереса в расследовании и наказании, назначенное за рассматриваемое нарушение;

---

¹ См.: *Информация* о Постановлении ЕСПЧ по делу «Алан (Allan) против Соединенного Королевства» от 5 ноября 2002 г. (жалоба № 48539/99) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2003. № 4.

² *Постановление* ЕСПЧ по делу «Саундерс (Saunders) против Соединенного Королевства» от 17 декабря 1996 г. (жалоба № 19187/91) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 312–316.

³ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Яллох (Jalloh) против Германии» от 11 июля 2006 г. (жалоба № 54810/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

– какие меры были предприняты для того, чтобы предоставить обвиняемому необходимые гарантии от самообвинения, и
– как были использованы полученные таким образом материалы, поскольку Суд считает, что они не могут стать основой для вынесения обвинительного приговора¹.

Например, по делу «Гефген против Германии» Европейский Суд установил: первоначальное признание заявителя в похищении ребенка с целью выкупа и его убийстве было сделано им под давлением. Однако в результате этого признания был обнаружен ряд других доказательств его виновности. В судебном разбирательстве заявитель признал себя виновным. Суд, рассматривавший дело, исключил из числа доказательств признание и заявления, сделанные во время следствия, в связи с оказанным на заявителя давлением, но счел допустимыми доказательства, полученные вследствие признания. Признавая заявителя виновным, суд отметил, что заявитель, хотя и был уведомлен в начале судебного заседания о том, что имеет право хранить молчание и что его прежние признания не могут быть использованы как доказательство против него, вновь признался в похищении и убийстве ребенка. Новое признание заявителя на суде сыграло существенную роль при вынесении приговора; остальные доказательства имели вспомогательный характер и использовались исключительно с целью подтверждения правдивости этого признания. В этой ситуации Суд не установил нарушения ст. 6 Конвенции².

Отметим также, что одной из необходимых гарантий от самообвинения Европейский Суд считает ранний доступ обвиняемого к услугам адвоката, считая, что, как правило, доступ к услугам адвоката должен быть предоставлен с момента первого допроса подозреваемого в полиции. В ситуации, когда несовершеннолетнему при допросе в полиции не был предоставлен адвокат, Суд счел, что нельзя утверждать, что заявителю действительно было сообщено о

---

¹ См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «О'Халлоран (O'Halloran) и Фрэнсис (Francis) против Соединенного Королевства» от 29 июня 2007 г. (жалобы № 15809/02 и 25624/02), п. 101, 117. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Информация* о Постановлении по делу «Гефген (Gafgen) против Германии» от 30 июня 2008 г. (жалоба № 22978/05) // Бюллетень ЕСПЧ. 2008. № 11. С. 15–17; 2009. № 3. С. 11–12.

его праве хранить молчание¹. Представляется необходимым отметить, что такой позиции Европейского Суда вполне отвечает положение п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, согласно которому являются недопустимыми доказательствами показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства в отсутствие защитника и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде. Это положение достаточно часто критикуется в юридической литературе со ссылкой на то, что не могут быть признаны недопустимыми доказательства, полученные (в случае, если подозреваемый, обвиняемый отказался от участия защитника) без нарушения требований УПК РФ. Однако в данном случае можно вести речь, как уже было указано выше, о том, что такие доказательства были получены в отсутствие достаточных гарантий от самообвинения, а потому они не могут стать основой для обвинения лица в суде без нарушения положений ст. 6 Европейской конвенции.

6.2. Право пользоваться бесплатной помощью переводчика

Согласно подпункту «е» п. 3 ст. 6 Конвенции каждый обвиняемый имеет право пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке.

Согласно установившейся практике Европейского Суда:

– право на помощь переводчика распространяется не только на лиц, не владеющих языком, на котором ведется судопроизводство, но и на лиц, страдающих глухотой;

– данное право распространяется не только на устный перевод происходящего в судебном заседании, но касается и перевода тех документов или заявлений по возбужденному против обвиняемого делу, которые необходимы ему для понимания происходящего и гарантируют соблюде-

---

¹ См.: *Постановление* Большой палаты ЕСПЧ по делу «Салдуз (Salduz) против Турции» от 27 ноября 2008 г. (жалоба № 36391/02), п. 54–62. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Более подробно обстоятельства настоящего дела будут изложены при рассмотрении содержания права обвиняемого защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника.

ние его прав¹. Определяя объем таких документов, подлежащих переводу на язык, которым владеет обвиняемый, Суд учитывает также содержание подпункта «а» п. 3 ст. 6 Конвенции, согласно которому каждый обвиняемый имеет право быть незамедлительно и подробно уведомленным **на понятном ему языке** о характере и основании предъявленного ему обвинения. Например, в деле «Брозичек против Италии» гражданину Германии было предъявлено обвинение в Италии. Суд постановил, что в данном случае документы, содержащие обвинение, должны были быть представлены обвиняемому на его родном языке или (как он просил) на одном из официальных языков ООН, «если только власти не смогли установить, что заявитель, действительно, владел итальянским языком в степени, достаточной для того, чтобы понять смысл письма, уведомляющего его о выдвинутых против него обвинениях»².

В то же время Суд считает возможным «гибкий» подход к обеспечению перевода документов, он не означает, что необходим письменный перевод всех доказательств или юридических документов по делу. По делу «Камасински против Австрии» Суд отметил, что помощь переводчика должна быть такой, чтобы обвиняемый знал обстоятельства возбужденного против него дела и имел возможность защищать себя, в частности, возможность представить суду свою собственную версию событий³.

По делу «Климентьев против Российской Федерации» Европейский Суд, рассмотрев вопрос о наличии в материалах дела, подготовленных стороной обвинения, материалов, не переведенных на русский язык на момент проведения судебного разбирательства, пришел к выводу о том, что в данном отношении положения ст. 6 Конвенции нарушены не были, так как:

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Людике (Luedicke), Белкасем (Belkasem) и Коч (Koc) против ФРГ» от 28 ноября 1978 г. (жалобы № 6210/73; 6877/75; 7132/75), п. 48 // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 187–197.

² *Постановление* ЕСПЧ по делу «Брозичек (Brozicek) против Италии» от 19 декабря 1989 г. (жалоба № 10964/84), п. 41. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?sessionId=52840049&skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

³ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Камасински (Kamasinski) против Австрии» от 19 декабря 1989 г. (жалоба № 9783/82), п. 74. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?sessionId=52840049&skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

- эти материалы не были положены в основу обвинительного заключения или приговора и не исследовались в судебном заседании;

- напротив, их наличие в материалах дела соответствовало обязанности стороны обвинения предоставить стороне защиты для ознакомления все существенные доказательства как в пользу обвиняемого, так и против него;

- сторона защиты имела возможность заявлять ходатайства о переводе любого из указанных документов и как минимум один раз таким правом воспользовалась¹;

- право на бесплатную помощь переводчика означает однозначный запрет требовать от обвиняемого оплаты услуг переводчика, так как термин «бесплатно» не обозначает «ни освобождение от оплаты на определенных условиях, ни временные льготы по оплате, ни приостановку платежа, а всеобщее и полное освобождение от необходимости платить»²;

- разрешение вопроса о том, нуждается ли обвиняемый в помощи переводчика, не может быть поставлено в однозначную зависимость от мнения стороны защиты по данному вопросу. Суд является главным гарантом справедливости правосудия, и именно на него поэтому возлагается обязанность обеспечить, чтобы отсутствие перевода не повлекло нарушения справедливого характера правосудия. Так, по делу «Кускани против Соединенного Королевства» Суд установил, что в судебном разбирательстве по обвинению заявителя в уклонении от уплаты налогов в крупном размере, когда речь зашла о признании заявителем своей вины (в обмен на снижение наказания), защита заявила о необходимости назначения подсудимому переводчика. Суд обратился к присутствующим с вопросом о том, может ли кто-то помочь обвиняемому с переводом; защита, не консультируясь с обвиняемым, указала на его брата, и суд решил, что воспользуется его услугами при необходимости. Несколько раз суд спрашивал у защиты, нужен ли обвиняемому переводчик, но адвокаты каждый отвечали, что «пока они обходятся». Впо-

---

¹ *Постановление ЕСПЧ по делу «Климентьев (Klimentyev) против Российской Федерации» от 16 ноября 2006 г. (жалоба № 46503/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

² *Постановление ЕСПЧ по делу «Людике (Luedicke), Белкасем (Belkaset) и Коч (Koc) против ФРГ» от 28 ноября 1978 г. (жалобы № 6210/73; 6877/75; 7132/75), п. 40 // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 187–197.*

следствии заявитель обжаловал обвинительный приговор, пояснив, что по различным причинам и, в частности, по причине отсутствия переводчика он признал себя виновным в неуплате вчетверо большей суммы, чем собирался. Европейский Суд по данному делу пришел к выводу, что судья был поставлен в известность о том, что у заявителя были очевидные проблемы восприятия английского языка. Однако несмотря на то, что он удовлетворил ходатайство об участии переводчика в слушании дела, судья позволил убедить себя на слушании по вопросу о назначении наказания в способности адвоката заявителя «справиться самостоятельно». **На судье лежала ответственность удостовериться в том, что отсутствие переводчика не повлияет негативно на полное участие заявителя в решении вопроса решающей для него важности.** Нельзя сказать, что данное требование было удовлетворено тем, что на усмотрение заявителя был оставлен вопрос об использовании непроверенных лингвистических способностей брата. В то время как тактика защиты в суде определяется договоренностями между обвиняемым и его адвокатом, **судья является высшим гарантом справедливости производства по делу**, и он четко осознавал наличие реальных трудностей с переводом. В результате ЕСПЧ признал, что по данному делу было нарушено право на справедливое судебное разбирательство¹.

6.3. Право обвиняемого быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения и право иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты

Данные права предусмотрены различными подпунктами (подпунктами «а» и «b») ч. 3 ст. 6 Конвенции. Однако Европейский Суд небезосновательно исходит из того, что между ними существует тесная связь, и право быть уведомленным о характере и основании обвинения должно рассматриваться в свете права обвиняемого

---

¹ *Постановление ЕСПЧ по делу «Кускани (Cuscani) против Соединенного Королевства» от 24 сентября 2002 г. (жалоба № 32771/96). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

подготовить свою защиту¹, поэтому в данном параграфе они будут рассматриваться совместно.

1. Право обвиняемого быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения включает, во-первых, его право незамедлительно после привлечения его в качестве обвиняемого (подозреваемого) узнать, в чем его обвиняют (подозревают). При этом ему должна предоставляться информация как относительно существа деяния, вменяемого ему в вину, так и относительно правовой квалификации этого деяния². Причем, как уже было сказано выше, уведомление о предъявляемом обвинении должно быть сделано на языке, понятном обвиняемому³.

Во-вторых, обвинительный приговор может быть вынесен только по тому обвинению, с которым обвиняемый был ознакомлен (и от которого имел возможность защищаться). Соответственно, если национальное законодательство предусматривает возможность изменения обвинения в суде, то суд, рассматривающий дело, в каждом таком случае должен убедиться, что обвиняемый:

- был предварительно подробно уведомлен об основании и правовой квалификации изменившегося обвинения;
- имел возможность подготовиться к защите от него⁴.

---

¹ *Постановление* Большой палаты ЕСПЧ по делу «Пелисье (Pelissier) и Сасси (Sassi) против Франции» от 25 марта 1999 г. (жалоба № 25444/94), п. 52–54. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См., например: *Постановление* Большой палаты ЕСПЧ по делу «Пелисье (Pelissier) и Сасси (Sassi) против Франции» от 25 марта 1999 г. (жалоба № 25444/94), п. 51. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Брозичек (Brozicek) против Италии» от 19 декабря 1989 г. (жалоба № 10964/84), п. 41. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?sessionId=52840049&skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010); *Постановление* ЕСПЧ по делу «Камасински (Kamasinski) против Австрии» от 19 декабря 1989 г. (жалоба № 9783/82), п. 74. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?sessionId=52840049&skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

⁴ См., например: *Постановление* Большой палаты ЕСПЧ по делу «Пелисье (Pelissier) и Сасси (Sassi) против Франции» от 25 марта 1999 г. (жалоба № 25444/94). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Маттеи (Mattei) против Франции» от 19 декабря 2006 г. (жалоба № 34043/02). Доступ из справ.-правовой системы

Эти условия должны неукоснительно соблюдаться в каждом случае, когда происходило такое изменение квалификации, которое допускало возможность использования комплекса средств защиты, отличных от средств, выбранных для того, чтобы оспаривать преступление, вмененное в вину первоначально¹. Например, по указанному выше делу «Пелиссье и Сасси против Франции» Суд пришел к выводу о том, что было допущено нарушение ст. 6 Конвенции в ситуации, когда в суде, без предварительного уведомления об этом подсудимых, произошла перекалфикация правонарушения из банкротства в соучастие в банкротстве, поскольку, защищаясь от нового обвинения, подсудимые могли бы доказывать суду, что не имели сознательного умысла содействовать совершению преступления, используя тем самым средства защиты, не свойственные первоначальному обвинению².

По делу «Абрамян против Российской Федерации» Европейский Суд также пришел к выводу о том, что имело место нарушение ст. 6 Конвенции, поскольку в приговоре суд перекалфицировал деяние, совершенное подсудимым, с получения взятки в крупном размере, сопряженной с вымогательством, на покушение на хищение путем обмана или злоупотребления доверием в крупном размере (ч. 3 ст. 30 и п. «б» ч. 3 ст. 159 УК РФ в редакции, действовавшей на соответствующий период времени). При этом Суд учитывал то, что:

- заявитель узнал о новой правовой квалификации предъявленных ему обвинений, только когда суд первой инстанции огласил вынесенный ему приговор в конце разбирательства;

- признаки состава такого преступления, как мошенничество и получение взятки, в значительной степени отличаются.

С учетом этого Европейский Суд пришел к выводу, что заявитель не имел возможности реагировать на изменение обвинения в процессе разбирательства в суде первой инстанции, что, с учетом

«КонсультантПлюс»; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Абрамян (Abramyan) против Российской Федерации» от 9 октября 2008 г. (жалоба № 10709/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» и др.

¹ См., например: *Постановление* Большой палаты ЕСПЧ по делу «Пелиссье (Pelissier) и Сасси (Sassi) против Франции» от 25 марта 1999 г. (жалоба № 25444/94), п. 60. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Там же.

различий признаков составов преступлений, безусловно, ограничило его возможности по защите¹.

Необходимо также учитывать позицию Европейского Суда, согласно которой нарушение Европейской конвенции может быть констатировано только в том случае, если оно, будучи допущенным в суде первой инстанции, не было компенсировано в вышестоящих судебных инстанциях. Например, по делу «Сипавичюс против Литвы» Суд не признал ст. 6 Конвенции нарушенной, в ситуации, когда подсудимый не был своевременно уведомлен об изменении обвинения, так как суд второй инстанции обладал полномочиями по пересмотру юридической классификации обвинения, и, соответственно, заявитель имел возможность защищаться против нового обвинения во второй инстанции. Суд указал: «Тот факт, что как на апелляционном, так и на кассационном уровнях обжалование заявителем новой квалификации совершенного им деяния оказалось безуспешным, не означает, что процедура пересмотра не была способна исправить недостатки рассмотрения дела судом первой инстанции»². В то же время такая возможность исправления допущенных нарушений должна быть не гипотетической, а иметь реальный характер, в связи с чем по указанному выше делу «Абрамян против Российской Федерации» Суд сделал вывод о допущенном Россией нарушении ст. 6 Конвенции, несмотря на то, что это нарушение в принципе могло бы быть компенсировано путем предоставления Абрамяну возможности защиты от изменившегося обвинения в кассационной инстанции (в Верховном Суде Российской Федерации, имевшем полномочия на пересмотр дела в полном объеме). Принимая решение по данному делу, Европейский Суд учел, что заявитель и его адвокат **не были уведомлены** о дате пересмотра дела в Верховном Суде Российской Федерации. Это привело к их отсутствию на заседании и лишило заявителя возможности осуществления своего права на защиту в отношении измененного обвинения «практическим и эффективным способом». Соответственно, нарушение права заявителя на защиту,

---

¹ См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Абрамян (Abramyan) против Российской Федерации» от 9 октября 2008 г. (жалоба № 10709/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Сипавичюс (Sipavičius) против Литвы» от 21 февраля 2002 г. (жалоба № 49093/99). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

допущенное Ставропольским краевым судом, не было устранено Верховным Судом Российской Федерации¹.

Наконец, по мнению ЕСПЧ, данное право может быть нарушено непосредственно в суде надзорной инстанции. Суд устанавливает нарушение требования справедливого судебного разбирательства в соответствии с п. 1 ст. 6 Конвенции в делах, где суд надзорной инстанции переквалифицировал деяние заявителя, не известив последнего о судебном заседании и не предоставив ему возможности представить свои замечания на надзорный протест².

2. Право иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты. Суд исходит из того, что обвиняемый должен иметь возможность организовать свою защиту надлежащим образом, так, чтобы это позволило ему в дальнейшем изложить без ограничений всех относимые доводы защиты суду, повлияв, таким образом, на исход разбирательства по делу. При решении вопроса о соблюдении этого права, очевидно, должны учитываться 2 критерия:

- имелось ли **достаточное время** для подготовки защиты;
- существовали ли **достаточные возможности** для такой подготовки.

Критерий **достаточности времени** определяется Судом с учетом всех обстоятельств дела, включая его характер, сложность и этап его рассмотрения. Например, по делу «Майзит против Российской Федерации» Европейский Суд учел, что обвинительное заключение было вручено заявителю в августе 2000 г., а дело было назначено к рассмотрению в сентябре 2000 г. на 9 октября 2000 г. в целях предоставления заявителю дополнительного времени для изучения материалов дела. В данных обстоятельствах, принимая во внимание предъявленное заявителю обвинение, Европейский Суд

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Абрамян (Abramyan) против Российской Федерации» от 9 октября 2008 г. (жалоба № 10709/02), п. 38. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Ваньян (Vanyan) против Российской Федерации» от 15 декабря 2005 г. (жалоба № 53203/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Станислав Жуков (Stanislav Zhukov) против Российской Федерации» от 12 октября 2006 г. (жалоба № 54632/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» и др.

счел, что у заявителя было «достаточно» времени для подготовки к судебному рассмотрению его дела¹.

Для сравнения, по делу «Оджалан против Турции» Большая палата Европейского Суда сочла недостаточным время, предоставленное заявителю на ознакомление с материалами дела и подготовку защиты, поскольку у А. Оджалана было лишь двадцать дней, чтобы изучить материалы дела, насчитывавшего около 17000 страниц, а его адвокаты не имели возможности предоставить ему копии каких-либо документов, с которыми они ознакомились².

Критерий **достаточности возможностей** для подготовки защиты, в частности, предполагает:

– что защитник обвиняемого должен иметь неограниченный и конфиденциальный доступ к подзащитному, находящемуся в условиях предварительного заключения, для обсуждения всех аспектов дела (этот аспект права на подготовку собственной защиты очень тесно связан с правом обвиняемого защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника, которое будет подробно рассмотрено в п. 6.4 настоящей работы). При этом право консультироваться со своим адвокатом также включает в себя право общаться с ним посредством писем. Например, по делу «Моисеев против Российской Федерации» Суд усмотрел нарушение права на защиту, в частности, в связи с тем, что осуществлялась цензура переписки с адвокатом³. По мнению ЕСПЧ, поскольку изолятор находился в ведении органа, осуществлявшего уголовное преследование, постоянное ознакомление с документами, которыми обменивались заявитель и защитник, давало обвинению преимущество и не могло не оказывать отрицательного влияния на право заявителя на защиту⁴. По делу «Оджалан против Турции» Европей-

---

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Майзит (Mauzit) против Российской Федерации» от 20 января 2005 г. (жалоба № 63378/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Постановление ЕСПЧ по делу «Оджалан (Ocalan) против Турции» от 12 мая 2005 г. (жалоба № 46221/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Постановление ЕСПЧ по делу «Моисеев (Moiseyev) против Российской Федерации» от 09 октября 2008 г. (жалоба № 62936/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ С учетом позиции ЕСПЧ по данному делу Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении № 20-П от 29.11.2010 г.

ский Суд констатировал, что имело место нарушение права на защиту, поскольку, в частности, у заявителя отсутствовала возможность проконсультироваться со своими адвокатами вне пределов слышимости третьих лиц, а первый визит адвоката к заявителю проходил под надзором и в пределах видимости и слышимости сотрудников сил безопасности и судьи, которые присутствовали в той же комнате, что и адвокаты с заявителем, причем запись этой встречи была направлена в суд государственной безопасности¹;

– что обвиняемому и его защитнику предоставлен доступ к материалам уголовного дела, причем, по общему правилу, они должны иметь возможность знакомиться со всеми материалами дела (о возможности некоторых ограничений этого права будет сказано ниже);

– и что обвиняемому и его защитнику будут обеспечены такие условия для работы с материалами дела и подготовки защиты, которые не приведут к практической невозможности реализовать данное право. В отношении лица, содержащегося под стражей, это, в частности, означает, что ему должны быть предоставлены такие условия, которые позволили бы ему читать и писать с разумной степенью концентрации. Европейский Суд при этом не относится чрезмерно

пришел к выводу о том, что цензура переписки лица, заключенного под стражу, со своим адвокатом (защитником) возможна лишь в случаях, когда у администрации следственного изолятора есть разумные основания предполагать наличие в переписке недозволенных вложений (что проверяется только в присутствии самого этого лица) либо имеется обоснованное подозрение в том, что адвокат злоупотребляет своей привилегией на адвокатскую тайну, что такая переписка ставит под угрозу безопасность следственного изолятора или носит какой-либо иной противоправный характер; в таких случаях администрация следственного изолятора обязана принять мотивированное решение об осуществлении цензуры и письменно зафиксировать ход и результаты соответствующих действий. См. об этом: *Постановление Конституционного Суда РФ от 29.11.2010 № 20-П «По делу о проверке конституционности положений статей 20 и 21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в связи с жалобами граждан Д.Р. Барановского, Ю.Н. Волохонского и И.В. Плотникова» // Собрание законодательства РФ. 2010. 13 дек. № 50. Ст. 6808.*

¹ *Постановление Большой палаты ЕСПЧ по делу «Оджалан (Ocalan) против Турции» от 12.05.2005 г. (жалоба № 46221/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

строго к таким условиям. Например, по делу «Майзит против Российской Федерации» Европейский Суд, признав, что условия содержания заявителя под стражей были ненадлежащими и нарушали ст. 3 Конвенции, и отметив, что в данном случае условия содержания заявителя под стражей не способствовали интенсивной умственной деятельности, тем не менее пришел к выводу, что право на подготовку собственной защиты в отношении заявителя не было нарушено. При этом Суд учел, что заявителю не были установлены ограничения в отношении доступа к материалам дела и была предоставлена возможность пользоваться бесплатной и неограниченной правовой помощью, хотя он и не пожелал ею воспользоваться¹.

Напротив, по делу «Моисеев против Российской Федерации» Европейский Суд сделал вывод о нарушении ст. 6 Конвенции, приняв во внимание, что имело место одновременно как ограничение доступа стороны защиты к материалам дела, так и отсутствие надлежащих условий для подготовки защиты (в том числе в связи с условиями содержания заявителя под стражей). В своем решении Суд, в частности, сослался на то, что:

1) доступ заявителя к обвинительному заключению, другим материалам дела и заметкам заявителя и его защиты был возможен только в спецчастях изолятора и суда, рассматривавшего дело. При этом Россия не обосновала необходимости всеобщего характера ограничения доступа заявителя к материалам дела (между тем, например, секретные материалы могли бы храниться отдельно). Лишение адвокатов возможности использовать их собственные заметки существенно ограничило их в использовании содержащейся в них информации и вынудило полагаться исключительно на собственную память. Между тем неограниченный доступ к материалам дела, неограниченное использование заметок и, в случае необходимости, получение копий относимых документов являются важными гарантиями справедливого разбирательства дела;

2) условия этапирования и заключения, которые сами по себе Суд признал бесчеловечными и унижающими достоинство, затронули способности к концентрации и логическому мышлению накануне судебных заседаний, когда возможность давать адвокату указания и консультироваться с ним имела первостепенное значение.

---

¹ *Постановление ЕСПЧ по делу «Майзит (Mauzit) против Российской Федерации» от 20 января 2005 г. (жалоба № 63378/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

Совокупный эффект перечисленных условий и неадекватность доступных средств сделали невозможной подготовку заявителя к своей защите¹.

В том случае, если обвиняемый или его адвокаты утверждают, что необходимые условия для подготовки защиты не были обеспечены, судья, рассматривающий дело, обязан принять решение, касающееся того, может ли судебное разбирательство продолжаться, не нарушая тем самым п. b ч. 3 ст. 6 Конвенции².

Европейский Суд полагает также, что в исключительных обстоятельствах могут быть оправданы некоторые ограничения в обеспечении гарантий реализации права на подготовку собственной защиты. Ряд ситуаций, в которых Суд признал такие ограничения оправданными, приводится в работе Л.Б. Алексеевой, Н. Моул, К. Харби³. В частности, Судом признавались оправданными такие ограничения, как кратковременное приостановление судом возможности посещения адвокатами обвиняемого, возложение на защитника обязательства не раскрывать личности некоторых свидетелей, участвующих в процессе⁴. Тем не менее любое из подобных ограничений может иметь место только в случае строгой необходимости и должно быть соразмерным риску для других охраняемых интересов, связанному с предоставлением свободного общения с адвокатом и свободного доступа ко всем документам. При этом ограничения не могут быть наложены по причинам, которые прямо не относятся к судебному разбирательству. Например, по делу «Оджалан против Турции» Суд счел, что не имеет отношения к судебному разбирательству и не может влечь за собой ограничения прав защиты то обстоятельство, что, согласно утверждениям властей Турции, адвокаты заявителя после каждого визита

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Моисеев (Moiseyev) против Российской Федерации» от 09 октября 2008 г. (жалоба № 62936/00), п. 211–212. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Постановление* ЕСПЧ по делу «Кэмпбелл (Campbell) и Фелл (Fell) против Соединенного Королевства» от 28.06.1984 г. (жалобы № 7819/77 и 7878/77) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 438–469.

³ Моул Н., Харби К., Алексеева Л.Б. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 6. Право на справедливое судебное разбирательство. Прецеденты и комментарии. М.: Российская академия правосудия, 2001. С. 98–107.

⁴ Там же. С. 100.

организовывали пресс-конференции и действовали в качестве представителей КРП¹.

Конвенция, по мнению Европейского Суда, также предполагает, что любое ограничение, накладываемое на право обвиняемого по подготовке собственной защиты, должно быть предусмотрено законом, четко формулирующим условия, при которых подобные ограничения допустимы, а также должно являться «точным и определенным». Например, по рассмотренному выше делу «Мирилашвили против Российской Федерации» Европейский Суд принял во внимание, что обвинительный приговор в отношении заявителя по обвинению в организации похищения группы лиц основывался на записях телефонных переговоров, произведенных милицией в квартире одного из потерпевших. Ссылаясь на Закон РФ «Об оперативно-розыскной деятельности», российский суд отказал защите в раскрытии материалов, имевших отношение к решению на право проведения записи. Европейский Суд указал, что у стороны защиты был законный интерес в раскрытии таких материалов, однако, с другой стороны, эти документы могли содержать конфиденциальную информацию, относящуюся к государственной тайне. При таких обстоятельствах у суда были широкие пределы усмотрения. Но суд не проанализировал вопросы, затрагивающие баланс интересов (могли ли эти материалы использоваться защитой и могло ли их раскрытие причинить вред публичным интересам). Его решение основывалось на виде материала, но не на его содержании. Оно было неясным, но в результате все такие материалы были исключены из состязательного рассмотрения. Европейский Суд в итоге пришел к выводу, что решение о нераскрытии материалов не было достаточно обоснованным и не сопровождалось адекватными процессуальными гарантиями. Учитывая, что, кроме этого, защита находилась в неблагоприятном положении по сравнению со стороной обвинения в части возможностей допроса ключевых свидетелей, Суд признал, что указанное судебное разбирательство в целом не отвечало требованиям справедливости².

---

¹ *Постановление* Большой палаты ЕСПЧ по делу «Оджалан (Ocalan) против Турции» от 12.05.2005 г. (жалоба № 46221/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Мирилашвили (Mirilashvili) против России» от 11 декабря 2008 г. (жалоба № 6293/04) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 4. С. 22–23.

По делу «Оджалан против Турции» Европейский Суд счел, что ограничение количества и продолжительности встреч заявителя со своими адвокатами было одним из факторов, которые затруднили его подготовку к защите. При этом Европейский Суд признал обоснованным решение властей Турции о содержании заявителя на острове-тюрьме вдали от побережья, которое, по его мнению, было вполне понятно с точки зрения исключительных соображений безопасности в настоящем деле. Однако при этом ЕСПЧ не нашел необходимым ограничение числа и продолжительности встреч обвиняемого с адвокатами, которое власти Турции мотивировали, в частности, расписанием паромов, курсировавших между островом Имрали, где находился в предварительном заключении заявитель, и побережьем. Суд отметил, что власти Турции не объяснили, почему они не разрешили адвокатам посещать своего клиента чаще или почему они не предоставили им более подходящее транспортное средство, тем самым увеличив продолжительность каждой отдельной встречи, в то время как подобные меры призваны выступать в качестве части той «заботливости», которую государства-участники Конвенции должны проявлять для обеспечения эффективного соблюдения прав, гарантированных ст. 6 Конвенции¹.

6.4. Право обвиняемого защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия

В содержание данного права, предусмотренного подпунктом «с» п. 3 ст. 6 Конвенции, входят, согласно правовым позициям ЕСПЧ, следующие элементы:

- 1) право обвиняемого защищать себя лично;
- 2) право обвиняемого защищать себя через посредство выбранного им самим защитника;

---

¹ Постановление Большой палаты ЕСПЧ по делу «Оджалан (Ocalan) против Турции» от 12.05.2005 г. (жалоба № 46221/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3) обязанность государства назначить обвиняемому защитника в каждом случае, когда того требуют интересы правосудия;

4) право на то, чтобы при недостатке у обвиняемого средств для оплаты защитника защитник был назначен ему бесплатно;

5) предоставление обвиняемому и его защитнику достаточных возможностей для осуществления защиты.

При этом **право обвиняемого защищать себя лично** не является, по мнению ЕСПЧ, альтернативой праву иметь выбранного им самим или назначенного ему защитника. Личная защита осуществляется не вместо, а наряду с защитой, осуществляемой через посредство выбранного и/или назначенного защитника¹.

Оценивая с этой точки зрения производство в отношении умершего, Европейский Суд указал, что он испытывает серьезные сомнения относительно правовой системы, допускающей судебное преследование и осуждение покойных, с учетом очевидной неспособности таких лиц защищать себя².

Право защищать себя лично предполагает возможность использования любых адекватных средств. Это значит, что обвиняемый имеет не только право личного присутствия в судебном разбирательстве, но и право слышать и следить за разбирательством. Эффективное участие в судебном разбирательстве предполагает, что «обвиняемый обладает широким пониманием сути судебного разбирательства и того значения, которое оно имеет для него, включая санкцию, которая ему угрожает. Обвиняемый должен, в частности, иметь возможность разъяснить своим адвокатам собственную версию событий, указать на показания, с которыми он не согласен, и сообщить им те факты, которые могут быть выдвинуты в его защиту»³.

---

¹ См.: *Постановление ЕСПЧ по делу «Пакелли (Pakelli) против Федеративной Республики Германии»* от 25 апреля 1983 г. (жалоба № 8398/78) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 422–429; *Постановление ЕСПЧ по делу «Круассан (Croissant) против Германии»* от 25 сентября 1992 г. (жалоба № 13611/88). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

² См.: *Информация о Постановлении ЕСПЧ по делу «Градинар (Gradinar) против Молдавии»* от 08 апреля 2008 г. (жалоба № 7170/02) // Бюллетень ЕСПЧ. 2008. № 10. С. 14.

³ *Постановление ЕСПЧ по делу «Тимергалиев против Российской Федерации»* от 14 октября 2008 г. (жалоба № 40631/02), п. 51 // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 9. С. 147.

В то же время Суд полагает, что п. 3 ст. 6 Конвенции не предусматривает неограниченного права использовать любые аргументы защиты. По его мнению, «было бы преувеличением полагать, что исходной посылкой права лиц, обвиняемых в совершении уголовного преступления, защищать себя является идея о том, что они не должны подвергаться преследованию, когда, осуществляя это право, они умышленно вызывают ложные подозрения в подлежащем наказанию поведении в отношении свидетеля или любого другого лица, вовлеченного в уголовное судопроизводство»¹.

Право обвиняемого иметь избранного им самим защитника заключается, прежде всего, в том, что «каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления», кто не желает защищать себя лично, должен иметь возможность прибегнуть к услугам избранного им самим защитника»².

При этом, по мнению Суда, ст. 6 Конвенции обычно требует, чтобы обвиняемому была предоставлена возможность воспользоваться помощью адвоката уже **на начальных стадиях допроса в полиции**. Однако это право, которое прямо не указано в Европейской конвенции, может подлежать ограничениям при достаточном на то основании. Если такое ограничение было допущено, то Суд в каждом случае отдельно рассматривает, не лишило ли наложенное ограничение, в свете всего судебного разбирательства, обвиняемого права на справедливое рассмотрение его дела³.

Европейский Суд неоднократно при этом подчеркивал важность стадии следствия для подготовки уголовного разбирательства, поскольку доказательства, добытые на этой стадии, определяют рамки, в которых обвинение в совершении преступления будет рассматриваться в судебном разбирательстве. В то же время обви-

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Брандстетер (Brandstetter) против Австрии» от 28 августа 1991 г. (жалобы № 11170/84; 12876/87; 13468/87), п. 51–52. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

² См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Пакелли (Pakelli) против Федеративной Республики Германии» от 25 апреля 1983 г. (жалоба № 8398/78) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 422–429.

³ *Постановление* Большой палаты ЕСПЧ по делу «Оджалан (Ocalan) против Турции» от 12.05.2005 г. (жалоба № 46221/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

няемый на этой стадии разбирательства часто оказывается в особо уязвимом положении, последствия которого усугубляются тем фактом, что уголовно-процессуальное законодательство все больше усложняется, особенно в части правил, регулирующих сбор и использование доказательств. В большинстве случаев эта особая уязвимость может быть надлежащим образом компенсирована только помощью адвоката, в задачу которого входит содействие обеспечению права обвиняемого не свидетельствовать против себя. Это право в действительности предполагает, что сторона обвинения в уголовном деле должна обосновать свою позицию против обвиняемого, не прибегая к методам давления или подавления, вопреки воле обвиняемого. Помощь адвоката на ранней стадии, таким образом, является также частью процессуальных гарантий реализации привилегии не свидетельствовать против себя¹.

Например, в деле «Пищальников против Российской Федерации» Суд установил, что:

1) при составлении протокола задержания заявитель сделал в нем запись о своем желании привлечь адвоката Л. Тем самым он, по мнению Суда, выразил намерение быть представленным защитником настолько ясно, что у следственных органов возникла обязанность обеспечить ему возможность использования юридической помощи, если не имеется веских причин отказать заявителю в доступе к адвокату. Тем не менее властями не было ни обеспечено участие адвоката Л., ни предложено пригласить другого адвоката, ни назначен адвокат по постановлению следователя;

2) в течение двух суток с момента задержания заявитель был дважды допрошен в отсутствие защитника. В ходе этих допросов он дал признательные показания, признав себя виновным не только в том преступлении, по подозрению в совершении которого он был задержан, но и в ряде других. Между тем, по мнению Суда, обвиняемый, выразивший намерение участвовать в следственных действиях только в присутствии адвоката, не должен подвергаться дополнительному допросу властями до тех пор, пока защитник не будет ему предоставлен, если только сам обвиняемый не выступит с инициативой дополнительных контактов, собеседова-

---

¹ См., например: *Постановление ЕСПЧ по делу «Пищальников (Pishchalnikov) против Российской Федерации» от 24 сентября 2009 г. (жалоба № 7025/04) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 1. С. 120–138.*

ний с полицией или прокуратурой. Данные о том, что обвиняемый дал признательные показания по собственной инициативе, отсутствовали;

3) тот факт, что заявитель дал показания, будучи предупрежденным перед допросом о его праве отказаться от дачи показаний, Суд не считал добровольным отказом заявителя от своего права на защиту, поскольку посчитал «маловероятным», что заявитель в отсутствие адвоката мог разумно оценить последствия продолжения его допроса в уголовном деле о совершении ряда особо тяжких преступлений;

4) показания, данные в ходе этих допросов, были использованы при обосновании обвинительного приговора. Хотя они и не были единственными доказательствами, на которых было основано осуждение заявителя, они, тем не менее, имели решающее значение для перспектив защиты заявителя и составляли существенный элемент для признания его виновным.

В этих условиях Европейский Суд пришел к выводу о том, что неоказание юридической помощи заявителю на начальных стадиях допросов в милиции непоправимо затронуло его право на защиту и оказало отрицательное влияние на справедливость судебного разбирательства и принцип равенства сторон, расценив это как нарушение подпункта «с» п. 3 ст. 6 Конвенции во взаимосвязи с п. 1 ст. 6 Конвенции¹.

Одновременно Европейский Суд исходит из того, что «право любого обвиняемого в совершении преступления требовать предоставления защитника по его выбору не может считаться абсолютным, и, следовательно, суды страны вправе не принимать во внимание выбор обвиняемого в таком случае, если есть существенные и достаточные основания, чтобы считать это необходимым для обеспечения интересов правосудия².

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Пищальников (Pishchalnikov) против Российской Федерации» от 24 сентября 2009 г. (жалоба № 7025/04) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 1. С. 120–138.

² См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Круассан (Croissant) против Германии» от 25 сентября 1992 г. (жалоба № 13611/88). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010); *Постановление* Большой палаты ЕСПЧ по делу «Мефта (Meftah) и другие против Франции» от 26 июля 2002 г. (жалоба № 32911/96) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2003. № 1.

Например, в Постановлении по делу «Майзит против Российской Федерации» Европейский Суд пришел к выводу о том, что не имело места нарушение права заявителя на защиту в ситуации, когда мать и сестра заявителя не были допущены судом к участию в деле в качестве его защитников. Московский районный суд г. Калининграда счел, что поскольку они не профессионалы, они не могли обеспечить эффективную защиту заявителя в соответствии с процессуальными требованиями. Более того, суд пришел к выводу, что по причине состояния здоровья и профессиональной занятости они не могли бы в достаточной степени участвовать в судебных заседаниях. По мнению Европейского Суда, такие усмотрения являлись законными и перевешивали волю заявителя¹.

Государство обязано назначить обвиняемому защитника, когда того требуют интересы правосудия.

Решая вопрос о том, требуют ли интересы правосудия назначения защитника в каждом конкретном случае, Европейский Суд учитывает следующие обстоятельства:

- 1) сложность дела;
- 2) степень тяжести наказания, грозящего обвиняемому;
- 3) способность обвиняемого адекватно представить свое дело без помощи защитника.

Например, в Постановлении по делу «Шулепов против Российской Федерации» Суд указал: «... в России в апелляционной и кассационной инстанциях рассматриваются процессуальное и материальное право. Поэтому у Свердловского областного суда были полномочия полностью пересмотреть дело и рассмотреть доводы, которые не были приняты во внимание первой инстанцией. Учитывая тяжесть преступлений, в которых заявитель обвинялся, и тяжесть наказания, которому он подвергся, Суд считает, что на данной стадии заявителю была необходима юридическая помощь, поскольку защитник мог эффективно привлечь внимание кассационной инстанции к любому существенному доводу в пользу заявителя, что могло повлиять на решение суда»².

Что же касается такого критерия, как тяжесть наказания, грозящего обвиняемому, то Суд указал в Постановлении по делу «Бе-

---

¹ *Постановление ЕСПЧ по делу «Майзит (Mauzit) против Российской Федерации» от 20 января 2005 г. (жалоба № 63378/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

² *Постановление ЕСПЧ по делу «Шулепов (Shulepov) против Российской Федерации» от 26 июня 2008 г. (жалоба № 15435/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

нам против Соединенного Королевства», что «там, где существует угроза лишения свободы, интересы правосудия, в принципе, диктуют необходимость предоставления юридической помощи». При этом заявителю грозило максимальное наказание в виде трех месяцев тюремного заключения¹.

Помимо общих критериев, перечисленных выше, Суд учитывает также при решении вопроса о том, требовали ли интересы правосудия назначения обвиняемому защитника, и некоторые иные обстоятельства, которые могли снизить при рассмотрении конкретного дела степень защищенности обвиняемого. Например, по мнению Суда, использование права на юридическую помощь приобретает особое значение, когда заявитель принимает участие в судебном процессе посредством видеосвязи². Так, по делу «Шулепов против Российской Федерации» Суд пришел к выводу, что ситуация, в которой заявитель предстал перед судом кассационной инстанции посредством телевизионной трансляции, находясь в изоляторе, тогда как прокурор присутствовал в зале суда, ставила его в невыгодное положение в случае общения его с судом без представителя в зале суда. Поэтому, по мнению Европейского Суда по правам человека, интересы правосудия требовали назначения заявителю защитника, соответственно, судебные органы были обязаны принять такое решение, чтобы обеспечить эффективное использование заявителем своих прав, даже если он прямо не просил об этом³. В другом случае Суд пришел к выводу, что интересы правосудия требовали, чтобы для обеспечения справедливого разбирательства заявитель мог воспользоваться преимуществами юридиче-

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Бенам (Benham) против Соединенного Королевства» от 10 июня 1996 г. (жалоба № 19380/92). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

² См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Григорьевских (Grigoryevskikh) против Российской Федерации» от 09 апреля 2009 г. (жалоба № 22/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Севастьянов (Sevastyanov) против Российской Федерации» от 22 апреля 2010 г. (жалоба № 37024/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Шулепов (Shulepov) против Российской Федерации» от 26 июня 2008 г. (жалоба № 15435/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ской помощи при рассмотрении дела судом кассационной инстанции, поскольку недостаток слуха не позволял обвиняемому эффективно участвовать в разбирательстве¹. Отметим сразу, что, в отличие от Европейского Суда, Конституционный Суд Российской Федерации полагает возможность участия осужденного в судебном разбирательстве посредством видеоконференц-связи, равнозначной его личному участию, и не считает необходимым применения в этой ситуации каких-либо дополнительных гарантий реализации права на защиту².

Кроме того, Суд исходит из того, что для признания существования подобного нарушения ст. 6 не требуется доказательств того, что отсутствие бесплатной юридической помощи нанесло реальный вред обвиняемому. Если бы подобное доказательство требовалось, то это бы в значительной степени лишало указанное положение его существенного содержания³.

В данной работе уже говорилось о том, что лицо вправе отказаться от своего права, закрепленного в ст. 6 Конвенции, однако такой отказ допускается только если он имеет добровольный характер и не противоречит существенным общественным интересам. Применительно к вопросу о необходимости назначения защитника

---

¹ *Постановление* по делу «Тимергалиев против Российской Федерации» от 14 октября 2008 г. (жалоба № 40631/02), п. 51 // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 9. С. 149; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Григорьевских (Grigoryevskikh) против Российской Федерации» от 09 апреля 2009 г. (жалоба № 22/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См., например: *Определение* Конституционного Суда РФ от 16 ноября 2006 г. № 538-О «По жалобе гражданина Давыдова Андрея Станиславовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 376 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. 26 февр. № 9. ст. 1146; *Определение* Конституционного Суда РФ от 19 мая 2009 г. № 576-О-П «По жалобам граждан Великанова Вадима Владимировича, Виноградова Александра Сергеевича и других на нарушение их конституционных прав статьей 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статьями 125 и 376 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 6.

³ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Артико (Artico) против Италии» от 13 мая 1980 г. (жалоба № 6694/74), п. 35 // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 318–327.

Суд решил, что нельзя считать, что имел место добровольный отказ обвиняемого от своего права на участие защитника в ситуации, когда защитник по соглашению, участвовавший ранее при рассмотрении дела в суде первой инстанции, не принимает участия в судебном разбирательстве в апелляционном или кассационном порядке. «Тот факт, что защитник, представлявший интересы заявителя в суде первой инстанции, не присутствовал на заседании суда кассационной инстанции, не подразумевает отказа от юридической помощи. Суд кассационной инстанции был обязан удостовериться, отказался ли заявитель от защиты, и если нет, назначить ему защитника. С учетом серьезности и количества обвинений против заявителя и тяжести грозящего ему наказания соблюдение судом этой гарантии имело тем большее значение»¹. При этом, по мнению Европейского Суда, «...основным гарантом судебного разбирательства является судья, который, столкнувшись с неявкой адвокатов, был обязан в соответствии с национальным законодательством назначить адвоката обвиняемому, не способному защищать себя в связи с физическим недостатком»².

Европейская комиссия и Европейский Суд подтвердили право государства назначать защитника, «когда того требуют интересы правосудия», даже вопреки конкретным возражениям обвиняемого или прямо выраженной им просьбы о том, что он будет защищать себя лично³.

Необходимо отметить также, что Европейский Суд не считает беспредельным право обвиняемого выбирать адвоката, который

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Григорьевских (Grigoryevskikh) против Российской Федерации» от 09 апреля 2009 г. (жалоба № 22/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Шулепов (Shulepov) против Российской Федерации» от 26 июня 2008 г. (жалоба № 15435/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Постановление* по делу «Тимергалиев против Российской Федерации» от 14 октября 2008 г. (жалоба № 40631/02), п. 51 // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 9. С. 149.

³ См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Круассан (Croissant) против Германии» от 25 сентября 1992 г. (жалоба № 13611/88). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010); а также Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М.: Изд-во МНИМП, 1998. С. 251.

будет назначен для защиты его интересов. По его мнению, «назначая адвоката, национальные суды, конечно, должны учитывать пожелания подсудимого». Однако они могут и не учитывать эти пожелания, если имеются существенные и достаточные основания полагать, что это необходимо в интересах правосудия¹. Так, рассмотрев дело по жалобе «Вожигов против Российской Федерации», Суд не нашел никаких нарушений права на защиту в ситуации, когда заявителю, который просил обеспечить ему помощь защитника по назначению и указал три альтернативные кандидатуры, одной из которых был «адвокат юридической консультации Бежицкого района г. Брянска», был назначен в качестве защитника адвокат Копылов Д.В., который работал в упомянутой юридической консультации. При таких обстоятельствах Европейский Суд посчитал, что право заявителя на выбор защитника было полностью соблюдено².

Наконец, Европейский Суд не считает, что обязанность государства предоставить бесплатную юридическую помощь не исчерпывается одним только назначением защитника. В Постановлении по делу «Артико против Италии» Суд указал, что «само назначение еще не обеспечивает эффективной помощи, т.к. назначенный адвокат может умереть, серьезно заболеть, в течение длительного периода быть лишен возможности действовать или уклоняться от выполнения своих обязанностей. Власти, если они уведомлены о возникшем положении, должны либо его заменить, либо заставить выполнять свои обязанности»³.

Например, ЕСПЧ признал, что имело место нарушение ст. 6 Конвенции по делу «Сабиров против Российской Федерации». В этом деле было установлено, что защитник по назначению Г. не явился в заседание Верховного Суда Российской Федерации

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Круассан (Croissant) против Германии» от 25 сентября 1992 г. (жалоба № 13611/88). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

² *Постановление* ЕСПЧ по делу «Вожигов (Vozhigov) против Российской Федерации» от 26 апреля 2007 г. (жалоба № 5953/02) // *Российская юстиция*. 2008. № 1. С. 74–79.

³ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Артико против Италии» от 13.05.1980 // *Европейский Суд по правам человека. Избранные решения*: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 318–327.

17 февраля 2004 г. Он не просил суд отложить разбирательство и не сообщил ему причин своей неявки. По мнению Европейского Суда, защитник Г. не исполнял надлежащим образом своих обязанностей по защите заявителя, и это было очевидно для Верховного Суда Российской Федерации. Соответственно, при таких обстоятельствах суд был обязан вмешаться, особенно с учетом того, что прокурор участвовал в заседании и просил изменить квалификацию действий заявителя¹.

В то же время, по мнению Суда, государство не может нести ответственность за каждый промах, допущенный адвокатом, назначенным в рамках оказания бесплатной правовой помощи. Согласно подпункту «с» п. 3 ст. 6 Конвенции соответствующие органы государственной власти должны вмешиваться только в случае, если **непредоставление надлежащей защиты** адвокатом, предоставленным в рамках правовой помощи, **является явным** или достаточным для того, чтобы иным образом привлечь их внимание², либо «если **ошибка** назначенного адвоката **очевидна** или на нее обращают их внимание иным образом»³.

Исходя из этой позиции, Суд автоматически делает вывод об отсутствии нарушения Конвенции в случаях, если заявитель не привел примеров явной небрежности назначенного защитника⁴ либо не обратил внимание суда кассационной инстанции на некомпе-

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Сабиров (Sabirov) против Российской Федерации» от 11 февраля 2010 г. (жалоба № 13465/04). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Майзит (Mayzit) против Российской Федерации» от 20 января 2005 г. (жалоба № 63378/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Камасински (Kamasinski) против Австрии» от 19 декабря 1989 г. (жалоба № 9783/82). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?sessionid=52840049&skin=hudoc-en>

³ *Постановление* Европейского Суда по делу «Дауд (Daud), против Португалии» от 21 апреля 1998 г. (жалоба № 22600/93), § 38. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?sessionid=52840049&skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

⁴ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Майзит (Mayzit) против Российской Федерации» от 20 января 2005 г. (жалоба № 63378/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тентность адвоката и никогда не просил заменить его¹. Для того чтобы прийти к выводу, что в подобной ситуации было нарушено право на защиту, Суду необходимы достаточно веские причины.

Например, по делу «Чекалла против Португалии» Европейский Суд пришел к выводу, что государство-ответчик не выполнило свои позитивные обязанности по обеспечению обвиняемому права на защиту, установив, что заявителю, являющемуся иностранцем и не владеющему языком производства по делу, были предъявлены обвинения, по которым он мог быть приговорен к длительному сроку лишения свободы, что и произошло. При этом официально назначенный адвокат не выполнила необходимые процессуальные требования при подаче жалобы в Верховный суд. Это было «очевидным недочетом», требовавшим принятия мер со стороны компетентных властей.

По мнению Европейского Суда, в этой связи Верховный суд мог предложить официально назначенному адвокату дать более развернутое обоснование жалобы или переоформить ее заново, а не объявлять эту жалобу неприемлемой. Он указал, что простая просьба суда об устранении процессуальной оплошности не явилась бы нарушением фундаментального принципа независимости адвокатуры. Аналогично неуместно было бы предполагать, что подобная ситуация неизбежно привела бы к нарушению принципа равных процессуальных возможностей сторон в производстве по делу. Скорее, это являлось бы проявлением власти судьи по руководству процессом производства по делу в интересах надлежащего отправления правосудия.

Таким образом, процессуальная небрежность назначенного защитника привела к тому, что Чекалла оказался лишен конкретного средства правовой защиты, в том, что касается его жалобы в Верховный суд, а суд эту ситуацию не исправил, тем самым были нарушены требования п. 1 и подпункта «с» п. 3 ст. 6 Конвенции².

Право на то, чтобы защитник был назначен бесплатно. В отличие от права, закрепленного в подпункте «е» ч. 3 ст. 6 Конвен-

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Понюшков (Ponushkov) против Российской Федерации» от 6 ноября 2008 г. (жалоба № 30209/04). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: *Информация* о постановлении ЕСПЧ «Чекалла (Czekalla) против Португалии» от 10.10.2002 г. (жалоба № 38830/97) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2003. № 3.

ции (права на бесплатную помощь переводчика), право на бесплатную юридическую помощь, предоставляемую в соответствии с подпунктом «с» той же статьи, не является абсолютным. Такая помощь должна предоставляться обвиняемому бесплатно только «при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника».

На практике Суд толкует данное положение следующим образом.

Вопрос о том, будет ли назначен обвиняемому защитник, должен решаться только с точки зрения интересов правосудия, без учета на этом этапе финансового положения обвиняемого. Более того, обвиняемому может быть назначен не один, а несколько защитников, если это отвечает интересам правосудия, однако при этом должно быть учтено мнение обвиняемого об их желательном количестве, особенно если расходы на их оплату могут быть впоследствии возложены на него¹. И, наконец, не является в целом несовместимой с Конвенцией система, при которой произведенные государством расходы на оплату помощи назначенного защитника (защитников) могут быть впоследствии взысканы с осужденного, финансовое положение которого это позволяет, если только это не отражается негативно на справедливости судебного разбирательства в целом².

Предоставление достаточных возможностей для защиты. Это положение означает, что право обвиняемого на защиту приобретает иллюзорный характер если даже при наличии защитника не будут созданы условия, необходимые для реализации данного права. К числу таких условий могут быть, в частности, отнесены: возможность обвиняемого свободно общаться со своим адвокатом в условиях конфиденциальности, предоставление адвокату достаточного времени для ознакомления с материалами дела и подготовки защиты, при необходимости – объявление перерывов в судебном заседании и т.д.

В частности, в Постановлении по делу «Моисеев против Российской Федерации» Суд указал, что право обвиняемого на общение со своим представителем в условиях, благоприятствующих

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Круассан (Croissant) против Германии» от 25 сентября 1992 г. (жалоба № 13611/88). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

² Там же.

широкому и беспрепятственному обсуждению, является частью базовых требований о справедливом судебном разбирательстве в демократическом обществе и вытекает из подпункта «с» п. 3 ст. 6 Конвенции. Если адвокат не может совещаться со своим клиентом и получать от него конфиденциальные инструкции, его помощь теряет значительную часть пользы, в то время как Конвенция предназначена для того, чтобы «гарантировать не теоретические и иллюзорные, а практические и эффективные права»¹.

Далее, по мнению Суда, если представляется ясным, что адвокат обвиняемого, участвующий в разбирательстве в национальном судебном органе, не имел достаточно времени и возможностей для подготовки к процессу надлежащим образом, то председатель суда обязан принять действенные меры, обеспечивающие полное выполнение его обязательств перед обвиняемым. В подобных обстоятельствах, как правило, судебное заседание должно быть отложено². По делу «Богумил против Португалии» новый адвокат был назначен в день судебного разбирательства и имел 5 часов для ознакомления с делом. По мнению Европейского Суда, такой срок ознакомления с делом – слишком краткий для серьезного обвинения, грозившего серьезным наказанием. Назначив адвоката, суд мог по собственной инициативе отложить рассмотрение дела, сознавая, что заявитель не получил эффективной юридической помощи. Обстоятельства дела требовали от суда не оставаться пассивным и эффективно обеспечить право заявителя на защиту. Не сделав этого, суд по уголовным делам не обеспечил реальную юридическую помощь обвиняемому³.

Реальной реализации права обвиняемого на защиту могут препятствовать и иные конкретные условия, в которых проходит судебное разбирательство.

Суд, например, вынес Постановление по делу «Станфорд против Соединенного Королевства», согласно которому, если в резуль-

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Моисеев (Moiseyev) против Российской Федерации» от 09 октября 2008 г. (жалоба № 62936/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Постановление* ЕСПЧ по делу «Годди (Goddi) против Италии» от 9 апреля 1984 г. (жалоба № 8966/80), п. 31. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

³ *Информация* о Постановлении ЕСПЧ по делу «Богумил (Bogumil) против Португалии» от 07 октября 2008 г. (жалоба № 35228/03) // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 2. С. 21–22.

тате плохой акустики в зале суда обе стороны не имеют возможности слышать и, следовательно, следить за ходом разбирательства, то это может быть использовано в поддержку жалобы на нарушение ст. 6 Конвенции (но только в том случае, если этот вопрос был поднят во время судебного процесса)¹.

В деле «Макфи против Франции» обжаловалась чрезмерная продолжительность слушаний по делу в суде. Судом было установлено, что в первый день заседание суда продолжалось 5 ч 15 мин; на следующий день судебное заседание проходило с 9 ч 15 мин до 13-00, затем – с 14-30 до 16-40 ч, потом – с 17-00 до 20-00 и с 21-00 до 00-30. Затем слушание дела было возобновлено в 1 ч ночи. Со ссылкой на право на защиту адвокат заявителя просил объявить перерыв в заседании до утра. Ходатайство было отклонено, слушание дела возобновилось в 4 ч утра. Адвокат заявителя выступал до 5 ч утра. К этому моменту заседание длилось уже 15 ч 45 мин. Затем выступили обвиняемые. Всего в тот день заседание продолжалось в общей сложности 17 ч 15 мин. В конце заседания присяжные признали заявителя виновным. Суд в Постановлении по данному делу указал, что при рассмотрении уголовного дела в суде чрезвычайно важно, чтобы не только те, кому предъявлены обвинения, но и их адвокаты могли бы участвовать в заседании суда, отвечать на вопросы и выступать с заявлениями по делу, не испытывая при этом страданий в связи с чрезмерной усталостью. Аналогичным образом жизненно важно, чтобы судьи и присяжные могли бы в полной мере контролировать свои способности к концентрации и сосредоточению внимания на происходящем в зале суда, чтобы надлежащим образом следовать ходу судебного разбирательства дела и быть способными к вынесению обоснованного приговора.

В результате Суд пришел к выводу, что условия, в которых проводилось судебное разбирательство по делу заявителя, не соответствовали требованиям справедливого судебного разбирательства, в особенности что касается права на защиту и принципа равенства процессуальных возможностей сторон².

---

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Станфорд (Stanford) против Соединенного Королевства» от 23 февраля 1994 г. (жалоба № 16757/90). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

² *Информация* о Постановлении ЕСПЧ по делу «Макфи (Makhfi) против Франции» от 19 октября 2004 г. (жалоба № 59335/00) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2005. № 2. С. 21–22.

Наконец, нацеленность Европейского Суда на обеспечение действительных, а не теоретических прав приводит к тому, что право обвиняемого на защиту может быть признано Судом нарушенным и в иных случаях, при условии, что имел место ряд серьезных недостатков в отношении осуществления заявителем его права на юридическую помощь, даже если они были допущены только на этапе предварительного расследования.

Например, в деле «Павленко против Российской Федерации» ЕСПЧ пришел к выводу о том, что имело место нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции во взаимосвязи с подпунктом «с» п. 3 той же статьи, поскольку «ограничение права заявителя на помощь защитника не имело оправдания»¹. Такой вывод Суд сделал с учетом того, что:

1) заявителю не было разрешено связаться с родственниками после задержания. Между тем такая возможность «имеет целью обеспечить реализацию решения относительно использования права на юридическую помощь, а также привилегию против самооговора и права хранить молчание»;

2) заявитель не выражал желания защищать себя самостоятельно и настаивал на своем праве на помощь защитника. Таким образом, власти были обязаны удостовериться в том, что он может воспользоваться этим правом, например, связавшись с адвокатом по телефону или иными доступными средствами. Однако услуги защитника по назначению были предложены заявителю только 6 февраля 2001 г., т.е. только через 3 дня после задержания;

3) заявитель отказался от услуг назначенного ему адвоката Д., поскольку ожидал защитника, привлеченного его матерью, и, по-видимому, он не доверял Д. Тем не менее Д. продолжал считаться его защитником;

4) заявитель сделал признания в отношении нескольких особо тяжких преступлений. Протоколы его допросов подписаны защитником Д. Однако, изучив представленные материалы, Европейский Суд счел, что имеются серьезные основания полагать, что в соответствующий период заявитель несколько раз допрашивался **в отсутствие** эффективной юридической помощи. В частности, он указал: «Как следует из журнала посетителей, представленного заявителем в суд и Европейский Суд, различные сотрудники милиции посещали заявителя в изоляторе вре-

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Павленко (Pavlenko) против Российской Федерации» от 1 апреля 2010 г. (жалоба № 2371/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

менного содержания поочередно и практически ежедневно. Существенно то, что не получено убедительное объяснение несоответствию времени посещения заявителя сотрудниками и следователями, с одной стороны, и присутствия или отсутствия в следственном изоляторе защитника Д., с другой стороны. Защитник присутствовал только для целей допроса следователем или совершения определенных следственных действий, например опознания по фотографии. Отсутствуют данные о том, что заявитель действительно отказался от своего права на помощь защитника для целей вышеупомянутых «бесед» с сотрудниками. Европейский Суд не имел средств удостовериться в том, что «беседы» не затрагивали преступления, в которых заявитель впоследствии сознался. По сути, государство-ответчик не пыталось разъяснить природу этих «бесед», чтобы устранить сомнения в их ненадлежащем характере...»¹;

5) отсутствуют данные о том, что защитник Д. в этих условиях предпринимал какие-либо меры в защиту своего клиента, кроме того, что он несколько раз подписывал протоколы. Это вызвало у Суда «особенное беспокойство на фоне вышеупомянутых посещений сотрудников милиции, а также с учетом того, что заявителю не было разрешено встречаться с родственниками»;

6) тот факт, что заявитель отказался от услуг адвоката Д., представляет собой ясное указание на то, что заявитель испытывал сложности с юридическим представительством. Следователи знали об этом, однако не предприняли мер к обеспечению эффективности защиты, к чему, по мнению ЕСПЧ, их побудила заинтересованность в ускорении следствия и последующем раскрытии иных преступлений за счет возможных признаний заявителя.

В таких условиях Суд пришел к выводу о том, что даже если в суде заявитель имел возможность оспорить собранные против него доказательства в состязательном разбирательстве с использованием юридической помощи, недостатки оказания юридической помощи на досудебной стадии были столь значительными, что серьезно подорвали позиции защиты в суде и нарушили тем самым ст. 6 Конвенции².

---

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Павленко (Pavlenko)...». П. 111.

² Там же.

6.5. *Право обвиняемого на личное участие в судебном разбирательстве*

1. **Право обвиняемого принять личное участие в рассмотрении уголовного дела по существу.**

Согласно позиции Европейского Суда, хотя в п. 1 ст. 6 Конвенции об этом специально не упоминается, из задач и целей ст. 6 Конвенции, взятой в целом, видно, что каждый, «обвиняемый в совершении уголовного преступления», **имеет право участвовать в разбирательстве его дела судом**. Более того, подпункты «с», «д» и «е» п. 3 ст. 6 Конвенции гарантируют «каждому обвиняемому в совершении уголовного преступления» право «защищать себя лично», «допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены», и «пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке», и трудно представить себе, каким образом он может осуществить эти права, не присутствуя на судебном слушании¹.

Как от любого другого права, от права на личное участие в судебном разбирательстве можно отказаться. Однако, как и любой другой отказ от своего права, такой отказ должен быть:

- добровольным;
- установленным в недвусмысленной форме;
- обеспеченным минимумом гарантий, соответствующих его значению.

Кроме того, такой отказ не должен противоречить ни одному важному общественному интересу. Применительно к данной ситуации эти общие условия отказа от своего права означают, в частности:

1) лицо, обвиняемое в совершении уголовного преступления, должно быть извещено об этом лично². Подпункт «а» п. 3 ст. 6 Конвенции устанавливает, что каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет право «быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения». Это положение, по мнению Европейского Суда,

---

¹ *Постановление ЕСПЧ по делу «Колоцца (Colozza) против Италии» от 12 февраля 1985 г. (жалоба № 9317/81) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 493–497.*

² Там же.

указывает на необходимость обратить особое внимание на факт уведомления обвиняемого о «предъявленном ему обвинении». Обвинительный акт играет решающую роль в уголовном процессе, поскольку именно с момента вручения копии такого обвинительного акта обвиняемый считается официально уведомленным о фактических и юридических основаниях предъявленных ему обвинений¹;

2) уведомление лица о возбужденном против него уголовном деле является юридическим действием такого значения, что оно должно быть осуществлено в соответствии с процессуальными и материальными требованиями, гарантирующими эффективное осуществление прав обвиняемого; неясная и неофициальная информация не является достаточной. Однако Европейский Суд не исключает и возможности того, что определенные установленные факты могут недвусмысленно указывать на то, что обвиняемый знал об уголовном судопроизводстве по его делу и о характере и основаниях предъявленных ему обвинений и не намеревался принимать участие в судебном разбирательстве по его делу или желал скрыться от правосудия. Это может иметь место, например, в том случае, когда обвиняемый открыто или в письменной форме заявляет о том, что не намерен реагировать на повестку о явке в суд, о которой он узнал не от властей, а из других источников, или по-прежнему уклоняется от попытки ареста, или когда до сведения властей доводятся материалы дела, которые ясно показывают, что ему было известно о вестующем в отношении него судебном разбирательстве и о предъявленных ему обвинениях²;

3) если обвиняемый в совершении уголовного преступления не был извещен об этом лично, то только из того, что он не явился в судебное разбирательство, не следует еще, что он отказался от своего права присутствовать на суде и защищать себя лично³;

4) от своего права на личное участие можно отказаться **как прямо** (например, путем подачи соответствующего заявления), **так и в косвенной форме** (путем совершения определенных действий,

---

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Сейдович (Sejdovic) против Италии» от 1 марта 2006 г. (жалоба № 56581/00), п. 89. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Там же. П. 99.

³ Постановление ЕСПЧ по делу «Колоцца (Colozza) против Италии» от 12 февраля 1985 г. (жалоба № 9317/81) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 493–497.

например, не являясь в суд или скрывшись от предварительного расследования и суда). Однако Европейский Суд указал, что прежде чем утверждать, что обвиняемый в косвенной форме через свои действия отказался от такого важного права, закрепленного ст. 6 Конвенции, необходимо доказать, что он мог обоснованно предвидеть последствия своих действий¹.

При соблюдении указанных условий рассмотрение дела, произведенное в отсутствие обвиняемого, отказавшегося от своего права участвовать в суде, не будет рассматриваться ЕСПЧ как нарушающее право, предусмотренное ст. 6 Конвенции. Например, в своем Постановлении по делу «Макаренко против Российской Федерации» Европейский Суд указал: «...Европейский Суд убежден, что заявитель сознательно, прямо и недвусмысленно отказался от права защищать себя лично или посредством защитника на суде. Ни в рамках национального разбирательства, ни перед Европейским Судом заявитель не оспаривал добровольный и информированный характер данного отказа... Европейский Суд также полагает, что заявитель, который был первоначально представлен тремя избранными им защитниками, мог получить консультацию у своих защитников относительно последствий его отказа являться в судебные заседания и расторжения соглашений о представлении его интересов, и от него можно было ожидать понимания, что его неявка и отказ от приглашения защитника приведут к тому, что он будет судим и осужден в его отсутствие и без юридического представительства²».

Помимо требований к отказу от своего права на личное участие в рассмотрении дела, Европейский Суд сформулировал требования, предъявляемые к судебному разбирательству, осуществляемому в отсутствие обвиняемого, необходимые для обеспечения его права на защиту.

В частности, ЕСПЧ указал, что, хотя и не будучи абсолютным, право каждого обвиняемого в совершении уголовного преступления на получение эффективной защиты со стороны защитника, при

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Сейдович (Sejdovic) против Италии» от 1 марта 2006 г. (жалоба № 56581/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Постановление* ЕСПЧ по делу «Макаренко (Makarenko) против Российской Федерации» от 22 декабря 2009 г. (жалоба № 5962/03), п. 136. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

необходимости назначенного властями, является одним из основных элементов справедливого судебного разбирательства. Лицо, обвиняемое в совершении уголовного преступления, не лишается этого права только по причине своего отсутствия на судебном заседании¹.

В то же время недостаточно того, чтобы у отсутствующего обвиняемого просто (номинально) имелся защитник. Само назначение защитника не обеспечивает еще эффективной помощи, которую тот может предоставить обвиняемому. Поэтому:

– суды должны обеспечить справедливый характер судебного разбирательства и, соответственно, обеспечить, чтобы адвокат, присутствующий на судебном заседании с целью защиты интересов обвиняемого в его отсутствие, имел такую возможность;

– хотя государство не может считаться ответственным за каждую ошибку, допущенную адвокатом, назначенным властями с целью предоставления бесплатной юридической помощи или самим обвиняемым, однако компетентные национальные органы должны вмешиваться в этот процесс в том случае, если неспособность назначенного обвиняемому защитника бесплатно предоставить эффективную защиту является явной или информация об этом доведена до сведения национальных властей каким-либо иным образом².

Европейский Суд не исключает возможности проведения судебного разбирательства и в других случаях неявки обвиняемого в суд (помимо его добровольного отказа от своего права). Однако Суд считает, что ничто (никакие интересы государства, правосудия, защиты интересов потерпевшего) не может оправдать полную и невозполнимую утрату права на участие в судебных слушаниях. Когда внутреннее законодательство позволяет проводить судебное заседание в отсутствие лица, которому «предъявлено уголовное обвинение», то **такое лицо, как только ему становится известно о судебном разбирательстве, должно получить возможность добиться от суда, который рассматривал его дело, чтобы он**

---

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Сейдович (Sejdovic) против Италии» от 1 марта 2006 г. (жалоба № 56581/00), п. 91–92. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Там же. П. 93–95.

вновь вернулся к нему¹. Причем обвиняемый вправе требовать повторного судебного разбирательства по существу предъявленных ему обвинений в отношении как фактов, так и права в том случае, если не было установлено, что он отказался от осуществления своего права предстать перед судом, и защищать себя лично². Такое право может быть осуществлено как путем повторного рассмотрения дела по первой инстанции, так и в ходе апелляционного пересмотра уголовного дела с точки зрения фактов и с точки зрения права, предоставляющего обвиняемому право требовать рассмотрения новых доказательств³.

При этом, по мнению ЕСПЧ, если предполагалось, что имел место отказ обвиняемого от права на личное участие в судебном разбирательстве, совершенный в косвенной форме (путем неявки в судебное заседание), то в случае его последующей явки и предъявления им требования о предоставлении ему возможности лично участвовать в рассмотрении его дела судом нельзя возлагать на него бремя доказывания того, что он не пытался скрыться от правосудия или что его отсутствие было вызвано обстоятельствами непреодолимой силы. Вместе с тем национальные власти в этом случае вправе оценивать вопрос о том, указал ли обвиняемый на уважительные причины своего отсутствия на суде или имеется ли в материалах его дела какая-либо информация, подтверждающая, что он отсутствовал на судебном заседании по независящим от него обстоятельствам⁴.

Таким образом, по мнению Европейского Суда, можно представить 3 различных варианта последствий судебного разбирательства, произведенного в отсутствие обвиняемого:

1) если обвиняемый не был уведомлен об обвинении, по его желанию судебное разбирательство должно быть проведено повторно с его личным участием и с предоставлением возможности

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Колоцца (Colozza) против Италии» от 12 февраля 1985 г. (жалоба № 9317/81) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 493–497.

² *Постановление* ЕСПЧ по делу «Сейдович (Sejdic) против Италии» от 1 марта 2006 г. (жалоба № 56581/00), п. 82. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Там же. П. 85.

⁴ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Сейдович (Sejdic)...».

требовать исследования новых доказательств (либо по первой инстанции, либо в апелляционном порядке);

2) если обвиняемый был уведомлен об обвинении, но не явился в судебное разбирательство, не отказавшись тем не менее прямо от личного участия в рассмотрении дела, он должен получить возможность повторного рассмотрения дела с его участием, если обоснует уважительность причин своего отсутствия;

3) если обвиняемый был надлежащим образом уведомлен об обвинении и (добровольно и недвусмысленно) отказался принимать участие в судебном разбирательстве. Вопрос о том, должно ли в этом случае заинтересованное лицо иметь право впоследствии добиться нового рассмотрения существа обвинения с точки зрения фактов и права судом, который заслушает его, на настоящий момент не разрешен Европейским Судом¹. Однако ЕСПЧ и не отверг однозначно правомерности такого вопроса, а лишь не счел необходимым рассматривать его в рамках конкретного дела, поскольку у заявителя наличествовало право требовать нового рассмотрения дела (в апелляционной инстанции) и он этим правом воспользовался. Причем с учетом позиции ЕСПЧ по делу «Девеер против Бельгии»² вполне можно предположить, что Суд считает несоответствующей концепции справедливого судебного разбирательства ситуацию, в которой обвиняемый (пусть даже ранее добровольно отказавшийся от своего права на личное участие в рассмотрении дела) будет лишен возможности реализовать это право впоследствии, вне зависимости от конкретных обстоятельств дела. Вполне можно представить себе ситуации (отказ был сделан лицом, не понимающим его последствий, он был вынужденным, интересы правосудия требовали личного участия обвиняемого в процессе), в которых необходимо наличие возможности пересмотра/повторного

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Макаренко (Makarenko) против Российской Федерации» от 22 декабря 2009 г. (жалоба № 5962/03), п. 137. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Пуатримоль (Poitrimol) против Франции» от 23 ноября 1993 г. (жалоба № 14032/88). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

² См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Девеер (Deweer) против Бельгии» от 27 февраля 1980 г. (жалоба № 6903/75) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 301–317.

рассмотрения такого уголовного дела с личным участием обвиняемого. Поэтому, как представляется, было бы оптимальным, чтобы национальное законодательство предусматривало ситуации, в которых обвиняемый, отказавшийся от личного участия в рассмотрении дела, будет вправе требовать нового рассмотрения дела с его личным участием.

Сопоставляя действующее российское уголовно-процессуальное законодательство с позициями ЕСПЧ относительно гарантий права на личное участие обвиняемого в рассмотрении его дела судом, необходимо отметить наличие довольно существенных расхождений между ними:

1) существующие в Российской Федерации порядки рассмотрения уголовного дела в отсутствие подсудимого (один из которых допускается по основаниям, предусмотренным ч. 4 ст. 247 УПК РФ, а другой – по основаниям, предусмотренным ч. 5 той же статьи) не гарантируют надлежащего уведомления подсудимого о месте и времени рассмотрения уголовного дела. Более того, действующее законодательство не регламентирует порядок извещения обвиняемого об обвинении для тех ситуаций, когда имеются основания для рассмотрения дела в отсутствие обвиняемого, предусмотренные ч. 5 ст. 247 УПК РФ. В результате на практике получило распространение так называемое «заочное предъявление обвинения»¹ – институт, не предусмотренный уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации;

2) ЕСПЧ полагает, что отказ от личного участия в рассмотрении судом дела может быть как прямым, так и косвенным. Между тем законодательство Российской Федерации решает данный вопрос непоследовательно и противоречиво. Так, лица, обвиняемые в совершении преступлений небольшой и средней тяжести, могут отказаться от личного участия в рассмотрении уголовного дела только прямо – путем заявления ходатайства о рассмотрении дела в его отсутствие (ч. 4 ст. 247 УПК РФ), однако рассмотрение дела в их отсутствие не допускается, если обвиняемый лишен возможности заявить такое ходатайство (вследствие тяжкого заболевания) либо уклоняется от явки в суд. В то же время лица, обвиняемые в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, напротив, не могут просить о рассмотрении дела в их отсутствие, однако могут

---

¹ См., например: URL: <http://lenta.ru/news/2009/09/22/berezovsky/>; URL: <http://lenta.ru/news/2008/08/13/neva/> и т.п.

отказаться от своего участия в рассмотрении дела косвенным образом – путем уклонения от явки в суд (ч. 5 ст. 247 УПК РФ). Такое неравенство непонятно, несправедливо и (по отношению к основаниям, предусмотренным ч. 4 ст. 247 УПК РФ) нарушает право потерпевших на доступ к правосудию;

3) недостаточными представляются гарантии обеспечения права на защиту обвиняемому, не принимающему личного участия в рассмотрении дела судом. Так, законодатель не относит рассмотрение дела в отсутствие обвиняемого, производимое по основаниям, предусмотренным ч. 4 ст. 247 УПК РФ, к числу случаев обязательного участия защитника. В случаях же, предусмотренных ч. 5 ст. 247 УПК РФ, участие защитника обязательно. Однако закон не содержит гарантий того, что соответствующее право будет иметь действительный, а не иллюзорный характер: что у защитника будет достаточно времени для подготовки защиты, что он получит время и возможность, чтобы попытаться связаться со своим подзащитным и согласовать с ним позицию по делу, и т.п.¹;

4) отсутствуют механизмы, предназначенные для обеспечения вручения осужденному или оправданному копии приговора, вынесенного в его отсутствие, в срок, в который возможно его апелляционное или кассационное обжалование;

5) отсутствует достаточная возможность реальной реализации осужденным, не принимавшим личное участие в рассмотрении дела судом, своего права требовать повторного рассмотрения дела с его участием. В частности, порядок, предусмотренный ч. 4 ст. 247 УПК РФ, вообще не предоставляет подсудимому права на отзыв судебного решения. В результате сейчас повторное рассмотрение дела с участием осужденного может быть произведено только по делам, рассмотренным мировыми судьями (в ходе апелляционного производства). С 1 января 2013 г. данная проблема будет частично снята в связи с повсеместным введением апелляционного порядка пересмотра приговоров, но не исчезнет окончательно, поскольку в отсутствие механизмов своевременного вручения отсутствующему осужденному копии приговора своевременное его обжалование будет весьма затруднительно. Что же касается порядка, предусмотренного ч. 5–7 УПК РФ, то он, хотя и предусматривает в принципе

---

¹ Подробнее об этом см., например: *Казаков А.А.* Осуществление защиты подсудимых в рамках заочного судебного разбирательства уголовных дел // *Российская юстиция.* 2009. № 3.

возможность осужденного потребовать, чтобы вынесенное в его отсутствие судебное решение было отменено и состоялось новое судебное разбирательство с его участием, необоснованно ограничивает это право, предусматривая, что отмена заочного приговора осуществляется в порядке надзорного производства. Между тем надзорный порядок явно не гарантирует соблюдения прав осужденного на новое рассмотрение дела с его участием, так как:

- подача надзорной жалобы не означает еще, что будет возбуждено надзорное производство;

- основания для отмены приговора в порядке надзора не предусматривают возможности его отмены только потому, что обвиняемый не участвовал в рассмотрении дела.

Опять-таки вступление в силу с 1 января 2013 г. ФЗ РФ от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ, регламентирующего новый порядок пересмотра приговоров в уголовном процессе, несколько улучшит ситуацию, поскольку в соответствии со ст. 401.15 УПК РФ устранение обстоятельств, указанных в ч. 5 ст. 247 УПК РФ, при наличии ходатайства осужденного или его защитника станет основанием отмены приговора, определения или постановления суда при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке. Однако более оптимальным, как представляется, было бы в данном случае предоставление осужденному (по аналогии с заочным производством в гражданском процессе) права подать отзыв на заочный приговор с тем, чтобы этот приговор был отменен, а дело рассмотрено заново тем же судьей (судом), который рассматривал дело по существу.

2. Право обвиняемого на личное участие в судебном заседании суда второй и последующей инстанции.

По мнению ЕСПЧ, из понятия справедливого судебного разбирательства вытекает, что лицо, обвиненное в совершении преступления, как правило, должно иметь право на присутствие и эффективное участие в заседании **суда первой инстанции**. Личное присутствие подсудимого на заседании суда второй инстанции не имеет такого значения, даже если апелляционный суд имеет право пересмотреть дело в полном объеме как по вопросам фактов, так и по вопросам права. При оценке данного вопроса необходимо учитывать, *inter alia*, особенности судебного разбирательства и то, как

представлены и охраняются интересы стороны защиты в суде второй инстанции¹.

Применительно к этому ЕСПЧ сформулировал следующие правила:

1) личное участие обвиняемого в заседании суда второй инстанции по общему правилу не является обязательным, если такой суд рассматривает только вопросы права (не нарушен ли закон), но не вопросы факта (соответствует ли приговор исследованным обстоятельствам дела, справедлив ли он);

2) однако личное участие обвиняемого в суде апелляционной, кассационной или надзорной инстанции будет необходимо:

а) если суд рассматривает вопросы факта. «Если суд апелляционной инстанции должен рассматривать дело по вопросам факта и права и полностью пересмотреть вопрос о виновности или невиновности, он не может разрешить этот вопрос без прямой оценки доказательств, приведенных обвиняемым лично в целях доказывания того, что он не совершал действий, предположительно составляющих преступление»²;

б) если суд рассматривает вопрос о мере наказания;

в) если в судебном заседании участвует прокурор. Последнее основание требует уточнения – в этом случае в рассмотрении дела обязательно должна принимать участие сторона защиты (для обеспечения равенства процессуальных возможностей сторон). Однако обвиняемый в этом случае вполне может быть представлен защитником, личное участие обвиняемого не обязательно.

Например, в своем Постановлении по делу «Алдошкина против Российской Федерации» Суд указал: «Президиум Московского городского суда внес изменение в приговор и переквалифицировал деяние заявителя, определив, таким образом, предъявленное ему уголовное обвинение. Представитель прокуратуры присутствовал в судебном заседании в президиуме городского суда и представлял доводы в устной форме в пользу переквалификации деяния. Президиум городского суда был обязан пересмотреть дело в полном объ-

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Ваньян (Vanyan) против Российской Федерации» от 15 декабря 2005 г. (жалоба № 53203/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Севастьянов (Sevastyanov) против Российской Федерации» от 22 апреля 2010 г. (жалоба № 37024/02), п. 71. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

еме и мог отклонить надзорный протест, отменить приговор и/или определение суда кассационной инстанции, прекратить производство по делу или внести изменения в ранее принятые по делу судебные постановления. При данных обстоятельствах Европейский Суд полагает, что если разбирательство по делу было бы справедливым, президиум Московского городского суда не мог разрешить дело заявителя в отсутствие его самого и/или его представителя. Если бы они принимали участие в судебном заседании, они имели бы возможность делать замечания по делу и комментировать протест, принесенный заместителем Председателя Верховного Суда Российской Федерации, и устные доводы прокурора»¹. Аналогичная позиция содержится и в целом ряде других постановлений ЕСПЧ, вынесенных по жалобам против России²;

3) Европейский Суд исходит из того, что правило, согласно которому участие обвиняемого в рассмотрении дела в кассационной или надзорной инстанции может быть обусловлено предварительным изъявлением им соответствующего желания, само по себе не противоречит Конвенции. Однако в любом случае он должен быть извещен о месте и времени рассмотрения жалобы (представления). «...Даже если предположить, что заявитель не выразил явно свою просьбу уведомить его о дне рассмотрения его кассационной жало-

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Алдошкина (Aldoshkina) против Российской Федерации» от 12 октября 2006 г. (жалоба № 66041/01), п. 24. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Ваньян (Vanyan) против Российской Федерации» от 15 декабря 2005 г. (жалоба № 53203/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Станислав Жуков (Stanislav Zhukov) против Российской Федерации» от 12 октября 2006 г. (жалоба № 54632/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ЕСПЧ по делу Метелица (Metelitsa) против Российской Федерации» от 22 июня 2006 г. (жалоба № 33132/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Стадухин (Stadukhin) против Российской Федерации» от 18 октября 2007 г. (жалоба № 6857/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Алексеевко (Alekseyenko) против Российской Федерации» от 8 января 2009 г. (жалоба № 74266/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» и др.

бы, судебные органы были обязаны осуществить такое уведомление для обеспечения справедливости судебного разбирательства»¹;

4) анализируя вопрос о том, каким образом должно быть сделано такое уведомление, ЕСПЧ, учитывая особенности законодательства Российской Федерации, полагает, что:

– в деле должны иметься доказательства получения соответствующего уведомления;

– суд должен проверить, получено ли соответствующее уведомление, и, если нет, отложить судебное заседание.

Например, в Постановлении по делу «Метелица против Российской Федерации» Суд отметил: «Власти Российской Федерации утверждали, что заявителю и его адвокату за две недели до судебного заседания были посланы повестки, и представили копии этих повесток из материалов уголовного дела. Европейский Суд отметил, что ни на одной из повесток, представленных властями Российской Федерации, не было поставлено почтового штампа, и власти Российской Федерации не представили иных доказательств того, что эти повестки действительно были посланы. Не было указаний и на то, что суд кассационной инстанции проверил, были ли повестки вручены заявителю или его адвокату, и, если бы они не были вручены, отложил судебное заседание, как того требовало национальное законодательство...»² В Постановлении по делу «Прокопенко против Российской Федерации» Европейский Суд указал: «...Московский областной суд назначил судебное заседание по рассмотрению кассационной жалобы на 12 сентября 2002 г. Власти Российской Федерации утверждали, что заявительница была извещена о судебном заседании письмом, направленным в ее адрес 5 сентября 2002 г. Они представили в Европейский Суд копию этого письма и копию записи с отметками местного почтового отделения от 5 сентября 2002 г. ... У Европейского Суда нет оснований сомневаться в том, что письмо от 5 сентября 2002 г. было действительно отправлено. Тем не менее власти Российской Федерации не представили доказательств, таких как уведомление о вручении, конверт с почтовыми отметками и так далее, которые бы подтвердили, что письмо было своевременно

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Стадухин (Stadukhin) против Российской Федерации» от 18 октября 2007 г. (жалоба № 6857/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Постановление* ЕСПЧ по делу Метелица (Metelitsa) против Российской Федерации» от 22 июня 2006 г. (жалоба № 33132/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

доставлено заявителнице. Принимая во внимание положения законодательства Российской Федерации о вручении судебных повесток..., Европейский Суд полагает, что власти Российской Федерации должны были иметь в своем распоряжении такие доказательства. Тот факт, что власти Российской Федерации не представили эти доказательства без достаточного обоснования, дает основания для вывода о том, что их утверждения являются безосновательными. Европейский Суд также не оставляет без внимания то, что судебное извещение о заседании, назначенном на 12 сентября 2002 г., было направлено заявителнице всего за неделю до судебного заседания. При данных обстоятельствах Европейский Суд не убежден в том, что национальные органы уведомили заявителницу о заседании суда кассационной инстанции таким образом, чтобы предоставить ей возможность присутствовать в нем и подготовиться к рассмотрению дела»¹. Аналогичные позиции были отражены Европейским Судом по многим другим делам по жалобам в отношении Российской Федерации².

В то же время такой подход не является единственным, и, в зависимости от законодательства соответствующего государства и действующих в нем традиций, ЕСПЧ может предъявлять и иные требования относительно порядка уведомления стороны защиты о времени и месте рассмотрения дела. Например, в Постановлении по делу «Вайнен против Бельгии» Суд указал: «Информация о дате заседания Кассационного суда была вывешена в его канцелярии и в самом зале судебных заседаний за 16 дней. Интересы заявителей представляли четверо адвокатов, являвшихся членами Брюссельской коллегии адвокатов. Нормы, регламентирующие данную процедуру, закреплены в Уголовно-

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Прокопенко (Prokopenko) против Российской Федерации» от 3 мая 2007 г. (жалоба № 8630/03), п. 17–18. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Яковлев (Yakovlev) против Российской Федерации» от 15 марта 2005 г. (жалоба № 72701/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Грошев (Groshev) против Российской Федерации» от 20 октября 2005 г. (жалоба № 69889/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Мокрушина (Mokrushina) против Российской Федерации» от 5 октября 2006 г. (жалоба № 23377/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Ларин и Ларина (Larin and Larina) против Российской Федерации» от 7 июня 2007 г. (жалоба № 74286/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

процессуальном кодексе, являясь, таким образом, доступными и в достаточной степени ясными. В связи с этим адвокаты, будучи практикующими юристами, не могут ссылаться на то, что они не знали о существовании этих норм. Более того, существовала практика, в соответствии с которой стороны и их адвокаты могли попросить сотрудников канцелярии суда проинформировать их о дате судебного заседания по телефону. Было бы разумно заинтересованной стороне, желающей быть лично проинформированной о дате слушания дела, в котором она участвует, воспользоваться дополнительным источником получения такой информации. Власти Бельгии в данной ситуации не препятствовали заявителям принять участие в слушании в Кассационном суде»¹.

6.6. Право обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него

Как видно из формулировки, в содержание подпункта «d» ч. 3 ст. 6 Конвенции входят фактически 2 разных права обвиняемого (стороны защиты): право на вызов и допрос «своих» свидетелей и право допрашивать свидетелей, показывающих против него (свидетелей обвинения).

1. Содержание права стороны защиты на вызов и допрос свидетелей. Европейский Суд, как правило, связывает данное право стороны защиты с началом равенства процессуальных возможностей сторон, и в этом аспекте содержание данного права уже было рассмотрено в п. 5.2 настоящей работы. Кратко напомним основные его черты:

а) по мнению ЕСПЧ, право обвиняемого и стороны защиты в целом на вызов и допрос свидетеля не беспредельно. Суд не должен допрашивать любого свидетеля, о вызове и допросе которого ходатайствует обвиняемый. Достаточно, если будет соблюдаться **равенство прав сторон** в вопросе о вызове и допросе свидетелей. Не препятствует признанию существования такого равенства отказ

---

¹ *Информация* о Постановлении ЕСПЧ по делу «Вайнен (Wynen) против Бельгии» от 5 ноября 2002 г. (жалоба № 32576/96). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

суда в вызове конкретного свидетеля, если суд мог отказать в этом как стороне защиты, так и стороне обвинения. Однако важно, чтобы такое равенство было не только провозглашенным, но и реально существующим. Так, в деле «Перич против Хорватии» Суд констатировал нарушение ч. 1 ст. 6 – заявителю не было позволено вызвать свидетелей по его делу, так как обстоятельства дела были уже ясны, но впоследствии его оппоненту разрешили пригласить своих свидетелей¹.

Суд должен удовлетворить такое ходатайство, если вызов свидетеля является необходимым для установления истины, а отказ его допросить может причинить ущерб праву на защиту². Европейский Суд при этом связывает право на вызов и допрос свидетелей с началом состязательности. Так, по делу «Попов против Российской Федерации» Суд указал: «...в случаях, когда осуждение заявителя в решающей степени основывается на предположении о том, что лицо в определенное время находилось в определенном месте, принцип состязательности и, в более общем смысле, право на справедливое судебное разбирательство подразумевают, что заявителю должна быть предоставлена разумная возможность эффективно оспаривать соответствующее предположение»³;

б) в иных случаях внутренний суд соответствующего государства вправе отказать в удовлетворении ходатайства о вызове и допросе свидетеля, но такой отказ должен быть мотивированным⁴;

---

¹ *Информация* о Постановлении ЕСПЧ по делу «Перич против Хорватии» от 27 марта 2008 г. (жалоба № 34499/06) // Бюллетень ЕСПЧ. 2008. № 9. С. 18–19.

² См., например: *Информация* о Постановлении по делу «Видал (Vidal) против Бельгии» от 25 марта 1992 г. // Европейский судебный вестник. 2001. С. 21–23; *Извлечение* из Постановления ЕСПЧ по делу «Олуич (Olujić) против Хорватии» от 05 февраля 2009 г. (жалоба № 22330/05) // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 6. С. 23–26; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Ватури (Vaturì) против Франции» от 13 апреля 2006 г. (жалоба № 75699/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Попов (Povov) против Российской Федерации» от 13 июля 2006 г. (жалоба № 26853/04). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См.: *Информация* о Постановлении по делу «Видал (Vidal) против Бельгии» от 25 марта 1992 г. // Европейский судебный вестник. 2001. С. 21–23.

в) однако если суд «формально» удовлетворил ходатайство о вызове – он согласился, что показания такого свидетеля могут иметь существенное значение для дела, следовательно, он должен предпринять эффективные меры для обеспечения явки свидетелей в судебное заседание¹. В ином случае – он не выполняет свою обязанность обеспечить явку свидетелей стороны защиты на тех же условиях, что и свидетелей обвинения, нарушая тем самым принцип равенства сторон;

г) данное право в принципе не распространяется на вопросы проведения экспертизы и допросы экспертов. Однако Европейский Суд может в конкретном случае прийти к выводу, что принцип равенства сторон был нарушен, если «эксперты» стороны защиты и стороны обвинения существенно отличались по своему статусу и «весу» их выводов для суда² либо если суд отказался удовлетворить ходатайство о допросе эксперта, заключение которого оглашено в судебном заседании, заявленное с целью оспаривания достоверности такого заключения³;

д) нарушение права на вызов и допрос свидетелей и права на защиту имеет место в ситуации, когда суд апелляционной инстанции, решая дело в отсутствие каких-либо новых доказательств, оценил показания свидетелей, заслушанных в ходе рассмотрения дела по первой инстанции, иначе, чем суд первой инстанции, только по материалам уголовного дела, при этом отказав обвиняемому в удовлетворении ходатайства об их допросе в апелляционной инстанции⁴.

---

¹ См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Попов (Povov) против Российской Федерации» от 13 июля 2006 г. (жалоба № 26853/04); *Постановление* ЕСПЧ по делу «Полуфакин и Чернышев (Polufakin and Chernyshev) против Российской Федерации» от 25 сентября 2008 г. (жалоба № 30997/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: *Информация* о Постановлении по делу «Бониш (Bonisch) против Австрии» от 06 мая 1985 г. // Европейский Судебный вестник. 2001. С. 15.

³ См.: *Информация* о Постановлении ЕСПЧ по делу «Балсите – Лидейкиене (Balsyte – Lideikiene) против Литвы» от 04 ноября 2008 г. (жалоба № 72596/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Дестрехем (Destrehem) против Франции» от 18 мая 2004 г. (жалоба № 56651/00). URL:

2. Содержание права обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей.

Вопрос о нарушениях данного права обсуждался Судом в случаях:

– оглашения в судебном разбирательстве показаний неявившегося свидетеля¹;

– оглашения в судебном разбирательстве показаний свидетеля, дававшего показания против себя или близких лиц на досудебном этапе, но отказавшегося от дачи показаний в суде²;

– допроса анонимного свидетеля³.

Подход Европейского Суда ко всем этим ситуациям имеет очень много общего, в связи с чем представляется возможным сформулировать «суммарную» правовую позицию Европейского Суда относительно условий и необходимых гарантий реализации данного права. В соответствии с ней:

а) по общему правилу все показания, на основании которых строится обвинение, должны быть получены в присутствии обвиняемого в ходе публичных слушаний с учетом принципа состязательности. Однако использование в качестве доказательств показаний, полученных на стадиях расследования органами внутренних дел и судебного следствия, само по себе не является несовместимым с положениями п. 1 и подпункта «d» п. 3 ст. 6 Конвенции при условии соблюдения прав на защиту;

б) как правило, право на защиту требует, чтобы обвиняемому была предоставлена достаточная и надлежащая возможность оспорить показания свидетеля обвинения и задать ему вопросы либо когда этот свидетель дает показания, либо на более поздней стадии

<http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

¹ См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Владимир Романов против Российской Федерации» от 24.07.2008 г. // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 3. С. 108–109.

² См., например: *Информация* о Постановлении ЕСПЧ по делу «Унтерпертингер против Австрии» от 22 октября 1986 г. // Европейский судебный вестник. 2001. С. 15–17.

³ См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Ван Мехелен и другие против Нидерландов» от 23 апреля 1997 г. (жалоба № 55/1996) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 2. М.: Норма, 2000. С. 440–454.

производства¹. Однако, по мнению ЕСПЧ, «если подсудимый имел адекватную и надлежащую возможность оспаривать показания, которые дают против него свидетели, использование их показаний в качестве доказательств не является несовместимым с пунктом 1 и подпунктом «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции»². Таким образом, данное право может быть реализовано, например, путем допроса данного свидетеля в другом судебном заседании (например, произведенном до отложения рассмотрения дела, или, напротив, в вышестоящей судебной инстанции, если она имела возможность решать как вопросы права, так и вопросы факта). В случаях, когда право обвиняемого допрашивать показывающего против него свидетеля было реализовано еще до судебного разбирательства (в ходе очной ставки), Европейский Суд в зависимости от конкретных обстоятельств дела может прийти к различным выводам по вопросу о том, является ли нарушением ст. 6 Конвенции отсутствие возможности вновь задать вопросы такому свидетелю в ходе судебного разбирательства по делу. Например, в деле «Исгро против Италии» Европейский Суд отметил, что процедура очной ставки позволила заявителю задавать вопросы непосредственно ключевому свидетелю и обсуждать его показания, таким образом, предоставив следственному судье всю информацию, способную породить сомнения в достоверности показаний свидетеля. Европейский Суд также отметил, что национальные власти приняли меры для дачи показаний свидетелем лично; не имея такой возможности, они основали свои показания исключительно на показаниях свидетеля, данных на предварительном следствии; эти показания были получены следственным судьей, беспристрастность которого не оспаривалась; суды учитывали другие доказательства и объяснения, представленные заявителем во время следствия и судебного разбирательства. По-

---

¹ См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Трофимов (Trofimov) против Российской Федерации» от 4 декабря 2008 г. (жалоба № 1111/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Белевицкий (Belevitskiy) против Российской Федерации» от 1 марта 2007 г. (жалоба № 72967/01), п. 117. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Мельников (Melnikov) против Российской Федерации» от 14 января 2010 г. (жалоба № 23610/03), п. 65. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

сколькx заявителю не был лишен права задавать вопросы и высказывать замечания лично, Европейский Суд заключил, что заявитель пользовался гарантиями, предусмотренными подпунктом «d» п. 3 ст. 6 Конвенции, в значительной степени и нарушения ст. 6 Конвенции не имело места¹. Сходные решения ЕСПЧ принимал и в отношении России. Например, в Частичном решении по делу «Слюсарев против Российской Федерации» Суд установил, что очные ставки, проведенные следователем с участием нескольких свидетелей и заявителя в присутствии его защитника, удовлетворяли требованиям п. 1 и подпункта «d» п. 3 ст. 6 Конвенции, поскольку вопросы, заданные свидетелями, и их ответы записывались. Кроме того, заявитель не разъяснил, в каком ином отношении очные ставки имели процессуальные недостатки и почему дополнительный допрос указанных свидетелей в суде первой инстанции являлся необходимым, не предоставил Суду доказательства того, что сторона защиты при очной ставке была тем или иным способом поставлена в невыгодное положение по отношению к стороне обвинения².

В то же время по делу «Мельников против Российской Федерации» ЕСПЧ пришел к противоположному выводу – что процедура очной ставки в ходе предварительного расследования не являлась адекватной заменой допроса обвиняемого в открытом судебном заседании. Мотивы, по которым Суд пришел к такому выводу были следующими: 1) во время очной ставки заявитель не пользовался помощью защитника, по-видимому, потому, что последний не был уведомлен о ней. Между тем в отсутствие правовой помощи заявитель мог недостаточно понимать процедуру очной ставки и эффективно осуществлять свое право на допрос «свидетеля» с целью оспаривания искренности и достоверности обличающих его показаний. Поэтому Европейский Суд не может заключить, что отказ заявителя от того, чтобы задавать в ходе очной ставки вопросы сооб-

---

¹ См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Мельников (Melnikov) против Российской Федерации» от 14 января 2010 г. (жалоба № 23610/03), п. 67. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Решение* Европейского Суда о приемлемости жалобы по делу «Слюсарев (Slyusarev) против Российской Федерации» от 9 ноября 2006 г. (жалоба № 60333/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». См. также: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Вожигов (Vozhigov) против Российской Федерации» от 26 апреля 2007 г. (жалоба № 5953/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

виняемому, является добровольным отказом от своего права на допрос; 2) очная ставка проводилась следователем, который не отвечал требованиям независимости и беспристрастности и обладал широкими дискреционными полномочиями по снятию вопросов во время очной ставки¹. ЕСПЧ также приходил к выводу о том, что очная ставка не может считаться полноценной заменой допроса в судебном разбирательстве в ситуации, когда она имела место в ходе предварительного расследования, производимого по первоначальному обвинению, которое существенным образом отличалось от обвинения, ставшего предметом рассмотрения в суде, либо когда очная ставка была произведена до того, как свидетель, изменив свои первоначальные показания, стал давать обвинительные показания, которые и были впоследствии оглашены в судебном разбирательстве²;

в) стороне защиты должна быть обеспечена «адекватная возможность» допроса свидетеля. Для обеспечения такой возможности обвиняемый (и его защитник) должен не только иметь возможность в принципе задавать вопросы свидетелю, показывающему против него, но и знакомиться со сведениями о личности допрашиваемых свидетелей, а также следить за их поведением в ходе допроса, с целью обеспечения реальной возможности опровержения их показаний, проверки их надежности.

При этом к числу свидетелей Суд относит любых лиц, чьи показания (в том числе зафиксированные органами следствия) используются национальными судами в качестве доказательств по делу (в том числе потерпевших, а также обвиняемых, дающих показания против других обвиняемых). Например, в деле «Лука против Италии» обвиняемый и его защитник не смогли допросить ни в ходе следствия, ни в суде обвиняемого, показания которого были положены в основу обвинительного приговора, по той причине, что он воспользовался своим правом не свидетельствовать против себя. Суд пояснил, что используемый в ст. 6 термин «свиде-

---

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Мельников (Melnikov) против Российской Федерации» от 14 января 2010 г. (жалоба № 23610/03), п. 79. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См., например: Постановление ЕСПЧ по делу «Владимир Романов (Vladimir Romanov) против Российской Федерации» от 24 июля 2008 г. (жалоба № 41461/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тель» имеет «автономное» значение, и его процессуальный статус с точки зрения национального законодательства не имеет решающего значения. Поэтому если показания такого лица составляют основу обвинительного приговора, обвиняемому и его защите должна быть предоставлена возможность допросить его. Только исключительные обстоятельства могут позволить обвинению полагаться на показания свидетеля, которого обвиняемый не имел возможности допросить в суде¹. Более того, по мнению Европейского Суда, существует значительный риск того, что показания сообвиняемого могут быть недостоверными, данными в своих очевидных интересах переложения ответственности на другое лицо. Поэтому может потребоваться более высокая степень контроля оценки таких показаний, так как положение, в котором находятся сообщники при даче показаний, отличается от положения обычных свидетелей. Они дают показания без присяги, т.е. без какого-либо подтверждения правдивости их показаний, которое могло бы повлечь их ответственность за дачу заведомо ложных показаний²;

г) сторона защиты вправе отказаться от осуществления своего права на допрос свидетелей и тогда письменные показания свидетеля могут быть оглашены (а анонимный свидетель допрошен без оглашения сведений о его личности и/или в условиях, исключающих возможность наблюдения за его поведением), если такой отказ от своего права на допрос свидетеля имел добровольный характер и был недвусмысленно выражен³. При этом нельзя считать отказом

---

¹ *Постановление ЕСПЧ по делу «Лука (Lucà) против Италии» от 27 февраля 2001 г. (жалоба № 33354/96). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).*

² См., например: *Постановление ЕСПЧ по делу «Мельников (Melnikov) против Российской Федерации» от 14 января 2010 г. (жалоба № 23610/03), п. 75. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление ЕСПЧ по делу «Владимир Романов против Российской Федерации» от 24.07.2008 г. // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 3. С. 108–109.**

³ См., например: *Постановление ЕСПЧ по делу «Андандонский (Andandonskiy) против Российской Федерации» от 28 сентября 2006 г. (жалоба № 24015/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление ЕСПЧ по делу «Полуфакин и Чернышев (Polufakin and Chernyshev) против Российской Федерации» от 25 сентября 2008 г. (жалоба № 30997/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».**

от своего права заявить возражения против оглашения показаний свидетеля стороной защиты, если суд был вправе огласить его показания и без такого согласия¹. Более того, в случае, если даже обвиняемый не возражал в судебном заседании против оглашения показаний свидетелей, данных на стадии предварительного следствия, но при этом заявлял ходатайства об обеспечении явки этих свидетелей в суд, то нельзя считать его недвусмысленно отказавшимся от своего права на их допрос²;

д) исключение из общего правила предоставления возможности стороне защиты допросить свидетеля обвинения в суде в некоторых случаях допустимо, но наличие такой необходимости должно вытекать из необходимости защиты каких-то других существенных интересов. «В соответствующих случаях принципы справедливого судебного разбирательства требуют установления равновесия между интересами защиты и интересами свидетелей или потерпевших, вызванных для дачи показаний, особенно если жизнь, свобода или безопасность лица могут подвергаться угрозе, или интересами, в целом относящимися к сфере действия статьи 8 Конвенции»³. Исключение может быть допущено и в интересах правосудия в целом в случае, когда обеспечить явку свидетелей оказалось невозможным, например в связи с продолжительной болезнью, а также для того, чтобы обеспечить беспрепятственную реализацию права не давать показаний против себя или своих близких. Не могут являться обоснованием кратковременная отлучка или заболевание свидетеля. Например, по делу «Владимир Романов против Российской Федерации» Суд, приняв во внимание, что районный суд огласил в

---

¹ *Информация* о Постановлении ЕСПЧ по делу «Кракси (Craxi) против Италии» от 5 декабря 2002 г. (жалоба № 34896/97). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Макеев (Makeyev) против Российской Федерации» от 5 февраля 2009 г. (жалоба № 13769/04). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Полуфакин и Чернышев (Polufakin and Chernyshev) против Российской Федерации» от 25 сентября 2008 г. (жалоба № 30997/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Полуфакин и Чернышев (Polufakin and Chernyshev) против Российской Федерации» от 25 сентября 2008 г. (жалоба № 30997/02), п. 191. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

судебном заседании, состоявшемся 29 ноября 2001 г., показания свидетеля И., поскольку он покинул Россию и не мог вернуться ранее 3 декабря 2001 г., указал, что «хотя Европейский Суд учитывает обязанность национальных судов обеспечивать надлежащее рассмотрение дел и избегать неоправданных задержек в уголовном судопроизводстве, он полагает, что отложение разбирательства на пять дней в целях получения показаний И. в процессе, на котором заявитель обвинялся в совершении весьма серьезного преступления, грозившего длительным сроком лишения свободы, представляло собой обоснованное отступление от принципа неотложности разбирательства»¹.

При этом исключение из общего правила допускается при наличии следующих условий:

1) судом обязательно должно быть проверено, наличествуют ли иные подлежащие защите интересы в конкретном деле, имеется ли необходимость оказания им в конкретной ситуации предпочтения перед беспрепятственной реализацией обвиняемым своего права на защиту, что должно найти мотивированное отражение в соответствующем решении². Например, по делу «Ван Мехелен и другие против Нидерландов» Суд пришел к выводу о нарушении требований ст. 6 Конвенции с учетом того, что при рассмотрении дела национальным судом в качестве анонимных свидетелей выступали сотрудники полиции, положение которых, по мнению Суда, до некоторой степени отличается от положения незаинтересованного свидетеля или жертвы (на полицейских лежит долг повиновения исполнительным властям государства, и они связаны с прокуратурой; только по одним этим причинам к их использованию в качестве анонимных свидетелей следует прибегать лишь в исключительных обстоятельствах. Кроме того, сама природа их служебных обязанностей, в частности производство ареста, требует впоследствии дачу показаний в открытом судебном заседании), а национальный суд не рассмотрел вопрос о том, имеется ли реальная возможность мести офицерам полиции и членам их семей³. По делу «Полуфакин

---

¹ *Постановление ЕСПЧ по делу «Владимир Романов (Vladimir Romanov) против Российской Федерации» от 24 июля 2008 г. (жалоба № 41461/02), п. 104 // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 3. С. 90–118.*

² Там же. П. 195–197.

³ См.: *Постановление ЕСПЧ по делу «Ван Мехелен и другие против Нидерландов» от 23 апреля 1997 г. (жалоба № 55/1996) // Европейский Суд*

и Чернышев против Российской Федерации» Суд, установив, что в судебном разбирательстве были оглашены показания 5 неявившихся потерпевших (четверо из которых сослались в обоснование своей неявки на опасения за свою безопасность, а пятый – на невозможность отсутствовать на работе), сделал вывод о нарушении РФ ст. 6 Конвенции, поскольку: 1) потерпевшие не представили объяснения характеру или основаниям этих опасений; 2) из представленных материалов непонятно, как суд первой инстанции оценивал обоснованность страха потерпевших перед заявителями или сопоставлял необходимость нахождения Р.И. на работе с правами заявителей на защиту. Соответственно, Суд заключил, что суд первой инстанции счел доказанными причины, приведенные потерпевшими, без рассмотрения, являлись ли они реальными. С учетом этого Суд счел недоказанным, что интересы потерпевших и обеспечения их безопасности или трудоустройства могли оправдать значительное ограничение прав заявителей¹;

2) власти должны принять все разумные меры для обеспечения явки свидетелей². Например, по делу «Макеев против Российской Федерации» ЕСПЧ пришел к выводу, что хотя национальные суды и приняли определенные меры для обеспечения явки свидетелей М. и К. (направив им повестки, отложив слушание, столкнувшись с неявкой свидетелей и поручив милиции доставить их в зал судебных заседаний), но эти меры были недостаточны. Так, «милиция проявляла пассивность до самой даты заседания, когда ее сотрудники впервые посетили квартиру М. и вступили в контакт с К. Что касается М., милиция заключила, что она покинула Россию на основании ее отсутствия по адресу, указанному на предварительном следствии, и непроверенного предположения соседа о том, что она выехала. Меры для установления ее местонахождения не принимались. Хотя Европейский Суд признает сложности, которые испы-

---

по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 2. М.: Норма, 2000. С. 440–454.

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Полуфакин и Чернышев (Polufakin and Chernyshev) против Российской Федерации» от 25 сентября 2008 г. (жалоба № 30997/02), п. 195–197. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Трофимов (Trofimov) против Российской Федерации» от 4 декабря 2008 г. (жалоба № 1111/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тывают власти с точки зрения ресурсов, он не находит, что установление местонахождения М. с целью ее вызова в суд, в котором заявитель обвинялся в особо тяжком преступлении и мог быть приговорен к 12 годам лишения свободы..., составляло непреодолимое препятствие... Что касается К., ее несвоевременное уведомление о дате слушания повлекло невозможность ее явки. Если бы она была уведомлена об обязанности дать показания заблаговременно, она могла бы принять меры, чтобы обеспечить присмотр за своим ребенком. Следовательно, ответственность за ее неявки возлагается на национальные власти»¹;

е) при этом должны существовать уравнивающие факторы, обеспечивающие соблюдение права на защиту. Так, ограничения права обвиняемого на защиту (в том числе на допрос свидетеля обвинения) должны быть минимально необходимыми: если для реализации этих интересов достаточно менее ограничительной меры, то именно она и должна применяться. Например, если необходимо применение мер безопасности в целях защиты жизни и здоровья свидетелей, то желательно, чтобы применялся такой порядок допроса, который позволял бы минимизировать ограничение прав стороны защиты (например, чтобы сторона защиты имела возможность непосредственно задавать вопросы свидетелю и выслушивать его ответы, возможно использование порядка, когда свидетель допрашивается в отсутствие обвиняемого, но в присутствии его защитника, и т.п.). Так, в деле «Ван Мехелен и другие против Нидерландов» офицеры полиции, являвшиеся анонимными свидетелями, находились в отдельной комнате со следователем, куда обвиняемые и их адвокаты не имели доступа. Все общение шло по звуковому проводу. Защита, таким образом, не знала не только личность свидетелей из полиции, но и была лишена возможности следить за их поведением, как это было бы при прямом допросе, а значит, и проверить их надежность. Европейский Суд счел в данном случае, что нет удовлетворительного объяснения тому, «почему потребовалось прибегать к таким крайним ограничениям права обвиняемых на то, чтобы показания против них давались в их присутствии, и почему не были использованы иные, не столь далеко идущие ме-

---

¹ *Постановление ЕСПЧ по делу «Макеев (Makeyev) против Российской Федерации» от 5 февраля 2009 г. (жалоба № 13769/04). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

ры»¹. Кроме того, с целью обеспечения права обвиняемого на справедливое судебное разбирательство любые затруднения, причиненные защите ограничением ее прав, должны быть уравновешены процессуальными действиями судебных органов². Например, Европейский Суд неоднократно указывал в своих постановлениях по жалобам против Российской Федерации, что показания свидетелей, даваемые в ходе предварительного расследования, не были зафиксированы с помощью видеозаписи. Соответственно, ни заявитель, ни судьи не могли наблюдать их поведение во время допроса и составить собственное представление о достоверности их показаний³. Между тем наличие и использование такой видеозаписи могло бы несколько уравновесить ограничение прав защиты;

ж) обвинительный приговор не должен основываться **единолично или в решающей степени** на анонимных утверждениях или показаниях свидетелей, которых сторона защиты не имела возможности допросить ни в суде, ни на досудебном этапе. Поэтому даже если письменные показания неявившихся свидетелей были оглашены или анонимные свидетели были допрошены с соблюдением всех вышеперечисленных условий (кроме случая недвусмысленного добровольного отказа обвиняемого от допроса показывающих против него свидетелей), то и в этом случае национальные суды не вправе ссылаться на эти показания, если они являются единственными или основными доказательствами виновности обвиняемого.

Например, в Постановлении Европейского Суда по правам человека по делу «Владимир Романов против Российской Федерации» Суд констатировал, что по делу имело место нарушение РФ ст. 6 Конвенции, указав в обоснование, что: 1) заявитель не имел возможности допросить потерпевшего ни на следствии, ни в судеб-

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Ван Мехелен и другие против Нидерландов» от 23 апреля 1997 г. (жалоба № 55/1996) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 2. М.: Норма, 2000. С. 440–454.

² *Постановление* ЕСПЧ по делу «Полуфакин и Чернышев (Polufakin and Chernyshev) против Российской Федерации» от 25 сентября 2008 г. (жалоба № 30997/02), п. 192. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Макеев (Makeyev) против Российской Федерации» от 5 февраля 2009 г. (жалоба № 13769/04), п. 42. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ном заседании; 2) видеозапись протокола допроса свидетеля не велась и ни суд, ни заявитель не имели возможности наблюдать его поведение на допросе и, таким образом, составить мнение об их достоверности; 3) суд не спросил мнения стороны защиты о возможности оглашения показаний неявившегося потерпевшего; 4) единственным прямым доказательством, на котором был основан приговор суда, были оглашенные показания неявившегося потерпевшего¹.

Необходимо дополнительно указать, что Европейский Суд исходит из того, что поскольку права, предоставленные Конвенцией, должны быть реальными и исполнимыми, а не иллюзорными, то возможность личного наблюдения устных показаний главного свидетеля не может быть заменена тщательным исследованием его показаний и предоставлением обвиняемому возможности оспаривать их в судебном заседании².

К сожалению, Конституционный Суд Российской Федерации занимает по данному вопросу иную позицию, отраженную в ряде его определений³. Так, в своем Определении от 27 октября 2000 г.

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Владимир Романов (Vladimir Romanov) против Российской Федерации» от 24 июля 2008 г. (жалоба № 41461/02), п. 95–106 // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 3. С. 90–118.

² Там же.

³ См., например: *Определение* Конституционного Суда РФ от 27 октября 2000 г. № 233-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Щенникова Валерия Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частями второй и третьей статьи 276, частью первой статьи 277 и пунктом 2 части первой статьи 286 УПК РСФСР» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 2; *Определение* Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2005 г. № 240-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ермакова Михаила Борисовича на нарушение его конституционных прав частью девятой статьи 166, частью пятой статьи 193 и частью пятой статьи 278 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Определение* Конституционного Суда РФ от 7 декабря 2006 г. № 548-О «По запросу Абинского районного суда Краснодарского края о проверке конституционности положений статьи 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и по жалобам граждан Фомина Дмитрия Евгеньевича, Шуленкова Александра Николаевича и Щербинина Алексея Валерьевича на нарушение их конституционных прав положениями той же статьи» //

(№ 233-О) Конституционный Суд Российской Федерации указал, что в случае оглашения на суде показаний, данных при производстве дознания и предварительного следствия, при наличии законных оснований для этого, обвиняемому – в соответствии с принципом состязательности и равноправия сторон – должна быть предоставлена возможность защиты своих интересов в суде всеми предусмотренными законом способами, включая оспаривание оглашенных показаний, заявление ходатайств об их проверке с помощью других доказательств, а также иные средства, способствующие предупреждению, выявлению и устранению ошибок при принятии судебных решений. При этом сомнения, возникающие при оценке оглашенных в суде показаний, должны быть истолкованы в пользу обвиняемого¹. Аналогичным образом в Определении от 2 апреля 2009 г. № 477-О-О Конституционный Суд Российской Федерации указал на то, что не противоречит Конституции Российской Федерации возможность оглашения в судебном разбирательстве показаний лиц, которые в суде воспользовались правом, предоставленным им ст. 51 Конституции Российской Федерации, поскольку сторона защиты может оспаривать оглашенные показания *путем заявления ходатайств об исключении недопустимых доказательств или об истребовании дополнительных доказательств* в целях проверки допустимости и достоверности оглашенных показаний, а также с помощью иных средств². Между тем такая возможность

Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 3; *Определение Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2009 г. № 477-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Семенова Дмитрия Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»*. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ *Определение Конституционного Суда РФ от 27 октября 2000 г. № 233-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Щенникова Валерия Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частями второй и третьей статьи 276, частью первой статьи 277 и пунктом 2 части первой статьи 286 УПК РСФСР»* // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 2.

² *Определение Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2009 г. № 477-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Семенова Дмитрия Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»*. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

имеет явно формальный характер, поскольку согласно действующему российскому законодательству такие показания являются допустимым доказательством, а иными способами (с помощью истребования других доказательств) далеко не всегда возможно оспорить показания лица, которое не было допрошено в суде.

Глава 7. Правила доказывания и требования к допустимости доказательств по уголовному делу, соблюдение которых необходимо для обеспечения справедливого характера судебного разбирательства

Европейский Суд неоднократно заявлял о том, что решение вопросов допустимости доказательств относится к полномочиям каждого отдельного государства. Более того, он, как правило, отказывается исследовать вопросы обоснованности судебного решения, достаточности доказательств по уголовному делу для вынесения приговора, поскольку это прерогатива внутренних судов.

Тем не менее содержание ст. 6 Конвенции (в толковании, даваемом ему ЕСПЧ) и необходимость обеспечения ее реального и исполнимого характера (а не иллюзорного и декларативного) приводит в ряде случаев ЕСПЧ к необходимости формулировки им своей позиции относительно некоторых аспектов допустимости доказательств, распределения бремени доказывания, требований к определению круга доказательств, которые необходимо исследовать по уголовному делу, и даже критериев оценки доказательств и обоснования выводов по делу. Так, в Постановлении по делу «Попов против Российской Федерации» Суд указал: «Несомненно, функцией Европейского Суда не является выражение мнения по вопросу относимости доказательств или, в более общем плане, о виновности либо невиновности. Вместе с тем Европейский Суд должен оценить, было ли разбирательство дела в целом, включая то, каким образом были собраны доказательства, справедливым»¹.

---

¹ *Постановление* по делу «Попов (Роров) против Российской Федерации» от 13 июля 2006 г. (жалоба № 26853/04). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Допустимость доказательств.

Как уже было сказано выше, Европейский Суд исходит из того, что вопросы допустимости доказательств в первую очередь разрешаются на основе внутригосударственных правовых норм, и в основном национальные суды должны оценивать собранные материалы¹. В то же время Суд допускает отдельные высказывания по вопросам допустимости доказательств. Причем Суд как признает, что некоторые доказательства, полученные с грубыми нарушениями отдельных прав граждан, должны или могут быть признаны недопустимыми, так и, в некоторых случаях, напротив, высказывается против автоматического исключения относимых и существенных материалов из числа доказательств. Например, по делу «Мирилашвили против РФ» Суд рассмотрел ситуацию, в которой показания трех ключевых свидетелей обвинения, являвшихся гражданами Грузии и не явившихся в суд, были оглашены (тогда как защита не имела возможности участвовать в их допросе), а результаты опроса тех же свидетелей адвокатами заявителя (в которых они отказались от своих предыдущих показаний, указав, что дали их под давлением) суд отказался приобщить к делу и огласить, ссылаясь на положения УПК РФ. В своем Постановлении Суд указал, что, представляя результаты опросов, защита стремилась не только представить оправдательные доказательства, но и оспорить данные, собранные против заявителя. Данные, представленные адвокатами, являлись относимыми и существенными. В этой ситуации отказ приобщить к делу показания, полученные защитой, не был оправданным, а положение законодательства, на основании которого результаты опроса были отвергнуты как недопустимые, «не выглядело преследующим какой-либо существенный законный интерес»².

---

¹ См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Ван Мехелен и другие против Нидерландов» от 23 апреля 1997 г. (жалоба № 55/1996) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 2. М.: Норма, 2000. С. 440–454; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Ватури (Vaturi) против Франции» от 13 апреля 2006 г. (жалоба № 75699/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Мирилашвили (Mirilashvili) против России» от 11 декабря 2008 г. (жалоба № 6293/04) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 4. С. 22–23.

С другой стороны, ряд доказательств, по мнению Суда, должны быть однозначно признаны недопустимыми или могут являться таковыми в зависимости от обстоятельств. Так, однозначно и безусловно недопустимыми Суд считает доказательства, полученные в результате применения пыток (так как использование такого доказательства вызывает, по его мнению, серьезные вопросы относительно справедливости судебного разбирательства, даже если принятие такого доказательства не имело решающего значения при осуждении подозреваемого). Согласно позиции ЕСПЧ «подтверждающее вину доказательство – как в форме признания, так и вещественное доказательство – полученное в результате насильственных действий или применения жестокости или иных форм обращения, которые можно характеризовать как пытку – никогда не должно использоваться как подтверждение вины жертвы независимо от возможной ценности такого доказательства»¹.

Практически так же Суд относится и к использованию в судебном разбирательстве показаний, полученных от обвиняемого, вопреки его праву на свободу от самооговора. Использование доказательств, полученных в результате признания, сделанного под давлением, «не делает судебное разбирательство несправедливым автоматически, хотя и создает сильную презумпцию несправедливости. Суд, рассматривающий доказательства, вправе (но не обязан) исключать такие доказательства и должен принимать соответствующее решение, взвесив все интересы участников»².

Использование некоторых доказательств способно, по мнению Европейского Суда, в конкретной ситуации существенно повлиять на справедливость судебного разбирательства, сделав его несправедливым. К этой группе можно отнести случаи использования доказательств, полученных с применением жестокого или унижающего достоинство обращения³, а также с нарушением права на защиту.

---

¹ См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Яллох (Jalloh) против Германии» от 11 июля 2006 г. (жалоба № 54810/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Информация* о Постановлении по делу «Гефген против Германии» от 30 июня 2008 г. (жалоба № 22978/05) // Бюллетень ЕСПЧ. 2008. № 11. С. 15–17; 2009. № 3. С. 11–12.

³ См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Яллох (Jalloh) против Германии» от 11 июля 2006 г. (жалоба № 54810/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Так, Суд, рассмотрев дело «Барбера, Мессегуэ и Джабардо против Испании», касавшееся признаний обвиняемых, полученных в условиях их содержания *incriminado* (без права переписки и сообщения), выразил свои опасения по поводу использования подобных признаний, особенно если официальные органы не смогли со всей очевидностью продемонстрировать, что заявители добровольно отказались от своего права на юридическую помощь¹. Аналогичным образом по делу «Пановиц (Panovits) против Кипра» Суд пришел к выводу, что использование в суде признания несовершеннолетнего заявителя, полученного на допросе, проведенном без адвоката (и в отсутствие родителя), нарушив его право на надлежащую процедуру, непоправимо нарушило его право на защиту². Другие примеры были уже приведены выше, в п. 6.4 настоящей работы.

Более того, современная практика деятельности ЕСПЧ дает основания полагать, что Суд склоняется и к необходимости исключения из числа доказательств других результатов следственных действий, полученных с нарушением права на защиту, если они производились в условиях, существенно подрывающих их достоверность. Например, по делу «Ласка и Лика против Албании» Суд установил, что заявители были осуждены, в частности, за разбой, после опознания, при котором их вынудили надеть голубую и белую маски, аналогичные использованным при разбое, в то время как двое других участников опознания надели черные маски. В то же время защитник заявителей не присутствовал при допросе или опознании. При этих условиях ЕСПЧ пришел к выводу, что использование таких результатов опознания в судебном разбирательстве существенно подорвало его справедливость³.

В то же время Суд не придерживается концепции «плодов отравленного дерева». По упомянутому выше делу «Гефген против Германии» Суд пришел к выводу, что в ситуации, когда доказа-

---

¹ См.: *Информация* о Постановлении ЕСПЧ по делу «Барбера, Мессегуэ и Джабардо (Barbera, Messegue & Jabardo) против Испании» от 6 декабря 1988 г. // Европейский Судебный вестник. 2001. С. 18–19.

² См.: *Информация* о Постановлении по делу «Пановиц (Panovits) против Кипра» от 11 декабря 2008 г. (жалоба № 4268/04) // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 4. С. 24–26.

³ Извлечение из Постановления ЕСПЧ по делу «Ласка и Лика (Laska and Lika) против Албании» от 20 апреля 2010 г. (жалобы № 12315/04 и 17605/04). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тельство, полученное под давлением, было исключено, использование иных доказательств, полученных на основе исключенного доказательства, автоматически не сделало процесс несправедливым, а с учетом того, что такие доказательства подтверждали новое признание, сделанное заявителем добровольно и без принуждения, он решил, что в данной ситуации нарушение ст. 6 Конвенции места не имело¹.

Могут быть, по мнению Суда, использованы в доказывании по уголовному делу (если это допускается законодательством соответствующего государства) и доказательства, полученные с нарушением права на уважение частной и семейной жизни, закрепленного в ст. 8 Конвенции, если нет сомнений в их достоверности². В то же время семь судей Большой палаты подписали частично особые мнения к Постановлению по делу «Быков (Буков) против России» от 10 марта 2009 г., в которых выразили сомнения относительно того, что доказательство, полученное с нарушением Конвенции, действительно может использоваться в судебном разбирательстве, не нарушая его справедливости. С учетом этого возможно, что рано или поздно указанная позиция меньшинства судей станет преобладающей и ЕСПЧ станет признавать нарушением ст. 6 Конвенции использование доказательств, полученных с нарушением других прав, закрепленных в этой Конвенции, и, в частности, права на уважение частной и семейной жизни.

В других случаях Европейский Суд отказывается рассматривать связь между тем, была ли в ходе предварительного расследования соблюдена установленная законом процедура собирания доказательств и справедливостью судебного разбирательства, если только придет к выводу, что заявитель имел возможность оспаривать доказательства и возражать против их использования, а сами такие доказательства не вызвали сомнений в их достоверности³.

---

¹ См.: *Информация* о Постановлении по делу «Геффен против Германии» от 30 июня 2008 г. (жалоба № 22978/05) // Бюллетень ЕСПЧ. 2008. № 11. С. 15–17; 2009. № 3. С. 11–12.

² См., например: *Постановление* Большой палаты ЕСПЧ по делу «Быков (Буков) против России» от 10 марта 2009 г. (жалоба № 4378/02) // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 6. С. 109–147.

³ См., например: *Информация* о Постановлении по делу «Ли Дейвис (Lee Davies) против Бельгии» от 28 июля 2008 г. (жалоба № 18704/05) // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 12. С. 29–30.

Суд также считает недопустимыми доказательствами данные, полученные в результате провокации, отличая их от информации, полученной от анонимных информаторов и сотрудников, действующих под прикрытием. Суд полагает, что если преступление было предположительно спровоцировано действиями тайных агентов, и ничто не предполагает, что оно было бы совершено и без какого-либо вмешательства, то эти действия уже не являются деятельностью тайного агента и представляют собой подстрекательство к совершению преступления. Подобное вмешательство и использование его результатов в уголовном процессе могут привести к тому, что будет непоправимо подорван принцип справедливости судебного разбирательства¹.

Например, по делу «Ваньян против Российской Федерации» Суд сделал вывод о нарушении Российской Федерацией положений ст. 6 Конвенции при рассмотрении дела заявителя, осужденного в РФ по ч. 1 ст. 228 УК РФ за приобретение для О.З. по ее просьбе героина и хранение его без цели сбыта, совершенное группой лиц. При этом Европейский Суд учел, что О.З. выполняла инструкции милиции. Она согласилась принять участие в «проверочной закупке» наркотиков, чтобы выявить причастность заявителя к обороту наркотических веществ, и попросила его приобрести для нее наркотики. Не было доказательств того, что до вмешательства О.З. у милиции были основания подозревать заявителя в распространении наркотиков. Простое заявление сотрудников милиции в суде о том, что они располагали информацией о причастности заявителя к распространению наркотиков, которое, судя по всему, не было проверено судом, не может приниматься во внимание. Милиция не ограничилась пассивным расследованием преступной деятельности заявителя. Ничто не предполагало, что преступление было бы совершено без вмешательства О.З. В этой ситуации Европейский Суд пришел к выводу, что милиция спровоцировала приобретение наркотиков по просьбе О.З. Обвинение заявителя в приобретении и хранении героина, совершенных группой лиц, в части, касающейся

---

¹ См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Ваньян (Vanyan) против Российской Федерации» от 15 декабря 2005 г. (жалоба № 53203/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Худобин против Российской Федерации» от 26 октября 2006 г. (жалоба № 59696/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

приобретения наркотиков для О.З., было основано, главным образом, на доказательствах, полученных в ходе милицейской операции, в том числе на показаниях О.З. и сотрудников милиции Е.Ф. и М.Б. Таким образом, вмешательство со стороны милиции и использование полученных вследствие этого доказательств при рассмотрении уголовного дела против заявителя непоправимо подрывало справедливость судебного разбирательства¹.

Аналогичная ситуация имела место и в деле «Худобин против Российской Федерации»², где заявитель также жаловался, что он был спровоцирован сотрудниками милиции, действовавшими через своего агента Т., к совершению преступлений в виде приобретения и сбыта наркотиков. Власти Российской Федерации по данному делу утверждали, что права заявителя не были нарушены. Они указали на то, что «проверочная закупка», или, согласно положениям внутригосударственного законодательства, «оперативный эксперимент», была подходящим методом борьбы с преступностью. Доказательства, полученные с помощью такого «эксперимента», были допустимыми с точки зрения российского законодательства и могли служить основанием для обвинения в совершении преступления. Они также утверждали, что «вопрос о том, какая конкретная информация о незаконных действиях [заявителя] с наркотиками находилась в распоряжении [правоохранительных органов до проведения проверочной закупки], не являлся составной частью доказательства в рамках настоящего уголовного дела». Проверочная закупка проводилась на законном основании, и доказательства, полученные с ее помощью, были надлежащим образом приобщены к материалам дела. Свидетель Т. знала, что заявитель занимался распространением наркотиков. Она согласилась участвовать в проверочной закупке и не оказывала на заявителя давление, чтобы получить от него наркотики.

Европейский Суд в своем постановлении подчеркнул, что он видит сложности, с которыми сталкиваются органы государственной власти в борьбе с тяжкими преступлениями, и необходимость в

---

¹ См.: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Ваньян (Vanujan) против Российской Федерации» от 15 декабря 2005 г. (жалоба № 53203/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Постановление* ЕСПЧ по делу «Худобин против Российской Федерации» от 26 октября 2006 г. (жалоба № 59696/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

более усовершенствованных методах расследования, которые иногда требуются в этом контексте. В принципе прецедентное право Европейского Суда не запрещает ссылаться – если позволяет характер преступного деяния – на доказательства, полученные в результате проведения сотрудниками органов внутренних дел операции под прикрытием. Однако применение агентов под прикрытием должно быть ограничено; сотрудники милиции могут действовать тайно, но не заниматься подстрекательством. Он также напомнил ранее сформулированные им критерии, с учетом которых Суд ранее разграничивал операции, проводимые под прикрытием, и подстрекательство к совершению преступления. Например, по делу «Тейшейра де Кастро против Португалии» Суд учел, что вмешательство двух полицейских (которые предложили заявителю деньги за продажу героина) не являлось частью операции, находившейся под контролем судебных органов, и что у внутригосударственных органов не было достаточных причин, чтобы подозревать заявителя в причастности к торговле наркотиками в прошлом: у него не было криминального прошлого и не было оснований полагать, что он имел предрасположенность к распространению наркотиков до того, как сотрудники полиции предложили ему сделку¹.

С учетом этого Суд не согласился с доводом властей Российской Федерации, согласно которому тот факт, что милицейская операция была документально зафиксирована установленным образом, делало эту операцию законной и, следовательно, вытекающие из нее процедуры были справедливыми. По его мнению, внутригосударственное законодательство не должно позволять использование доказательств, полученных в результате подстрекательства со стороны государственных агентов. Если же оно это позволяет, то тогда внутригосударственное законодательство не отвечает в этом отношении принципу «справедливого разбирательства», как он истолкован в деле «Тейшейра де Кастро против Португалии».

Решая вопрос о том, имело ли место подстрекательство к совершению преступления в данном случае, Европейский Суд учел, что у заявителя не было криминального прошлого до его задержания в 1998 г. Информация о том, что заявитель в прошлом занимался рас-

---

¹ *Постановление ЕСПЧ по делу «Тейшейра де Кастро (Teixeira de Castro) против Португалии» от 09 июня 1998 г. (жалоба № 44/1997). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).*

пространением наркотиков, была получена из одного источника – Т., информатора сотрудников милиции. Однако неясно, почему Т. решила сотрудничать с правоохранительными органами. Кроме того, она утверждала на судебном разбирательстве, что обратилась к заявителю, так как на тот момент она не знала, где еще можно было достать героин. Заявитель не получил никакого денежного вознаграждения от покупки героина у Г. и передачи его Т. М. дал показания о том, что никогда ранее не покупал героин у заявителя. С учетом этого он пришел к выводу о том, что факты можно было бы обоснованно истолковать как предположение, что заявитель не являлся торговцем наркотиков, известным сотрудникам правоохранительных органов. Совсем наоборот, по-видимому, милицейская операция была направлена не на поимку лично заявителя, а на любое лицо, которое бы согласилось купить героин для Т.

Кроме того, Суд пришел к выводу, что милицейская операция **не находилась под судебным или иным независимым контролем:** милицейская операция была санкционирована простым административным решением структурного подразделения, которое впоследствии проводило операцию. Как следует из материалов дела, в тексте этого решения содержалось очень мало информации относительно причин и целей запланированной «проверочной закупки». Между тем **«необходимо устанавливать ясную и предвидимую процедуру по осуществлению следственных мероприятий, так же как и специального контроля, чтобы обеспечить добросовестность со стороны органов государственной власти и соблюдение должных целей со стороны правоохранительных органов».** При отсутствии полной системы проверки во время проводимой операции роль более позднего контроля со стороны суда первой инстанции становится решающей.

Суд также отметил, что при рассмотрении судами Российской Федерации дела заявителя сторона защиты утверждала, что преступление не было бы совершено, если бы оно не было «спровоцировано» сотрудниками милиции. Иначе говоря, заявитель использовал схему «защиты от подстрекательства», которая должна была надлежащим образом рассмотрена судом первой инстанции, особенно учитывая то обстоятельство, что в деле содержались определенные очевидные доказательства факта подстрекательства.

Несмотря на это, внутригосударственные суды не приложили необходимых усилий к проверке доводов защиты, суд не проанали-

зировал соответствующие фактические и правовые обстоятельства, которые могли бы помочь провести различие между провокацией и законной формой следственных действий. Этот вывод ЕСПЧ обоснован, в частности, следующими обстоятельствами рассмотрения дела: в суде первой инстанции были допрошены только три свидетеля: Т., М. (друг заявителя, присутствовавший при его задержании) и мать заявителя. Сотрудники милиции, проводившие «проверочную закупку», ни разу не были допрошены в суде, хотя сторона защиты просила, чтобы их допросили. Также не был допрошен в суде и Г., который продал героин заявителю и был осужден за это. Наконец, Европейский Суд был «особенно поражен» тем фактом, что сам заявитель не присутствовал на судебном заседании 11 ноября 1999 г., на котором судья рассматривал события, произошедшие 29 октября 1998 г.

С учетом всего изложенного ЕСПЧ пришел к выводу, что в отношении Худобина было допущено нарушение ст. 6 Европейской конвенции¹.

Противоположная ситуация имела место по делу «Компания «Еврофинаком» против Франции». По данному делу сотрудники полиции в рамках предварительного расследования с целью проверки того, действительно ли сайт служил для установления контактов между проститутками и потенциальными клиентами, заходили на данный сайт под видом потенциальных клиентов. Суд в этом случае пришел к выводу, что по делу не имело места нарушение права на справедливое судебное разбирательство, так как:

1) у полиции уже имелась информация о том, что сервер компании-заявителя использовался для установления контактов проституток с клиентами;

2) сотрудники полиции не подстрекали к совершению преступления, так как преступление (извлечение доходов от занятия проституцией другими лицами) уже совершалось, когда сотрудники полиции производили свои действия;

3) обвинительный приговор в отношении компании-заявителя основывался преимущественно на показаниях проституток, а не на результатах оперативного эксперимента².

---

¹ См.: *Постановление ЕСПЧ по делу «Худобин против Российской Федерации»* от 26 октября 2006 г. (жалоба № 59696/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: *Информация* о деле «Компания «Еврофинаком» против Фран-

Правовая позиция ЕСПЧ по вопросам доказывания, в случае, если имеется информация об осуществлении провокации, четко резюмирована в Постановлении по делу «Раманаускас (Ramanauskas) против Литвы». В соответствии с ней:

1) если обвиняемый заявляет, что его спровоцировали на совершение преступления, суды, рассматривающие уголовные дела, обязаны провести тщательное исследование материалов дела. При этом доказывание отсутствия провокации возлагается на сторону обвинения при условии, что заявления обвиняемого **не являются полностью невероятными**. При отсутствии подобных доказательств **в обязанности суда** входит изучение обстоятельств дела и принятие мер, необходимых для установления истины, касательно наличия или отсутствия провокации;

2) все доказательства, полученные в результате провокации со стороны полиции, **должны быть исключены**. Особенно это касается ситуаций, когда полицейская операция проводилась без достаточно законных оснований или соответствующих процессуальных гарантий¹.

Оценка доказательств.

Европейский Суд также сформулировал правила оценки некоторых доказательств. В частности, по его мнению, к оценке показаний обвиняемого следует подходить иначе, чем к оценке показаний незаинтересованных свидетелей, его признание вины действительно только для него одного, для остальных обвиняемых оно – рядовое доказательство (более того, вызывающее дополнительные сомнения): «...положение сообщников, дающих показания, отличается от положения обычных свидетелей. Они не дают показаний под присягой, т.е. правдивость их сведений не имеет никаких гарантий, позволяющих привлечь их к ответственности за умышленную дачу ложных показаний». Поэтому «...для соблюдения гарантий статьи 6 Конвенции при решении вопроса о допустимости признания вины обвиняемым такое признание может быть принято только при установлении факта совершения преступления признающим свою

ции» от 07 сентября 2004 г. (жалоба № 58753/00) // Бюллетень ЕСПЧ. 2005. № 1. С. 18–21.

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Раманаускас (Ramanauskas) против Литвы» от 05.02.2008 г. (жалоба № 74420/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

вину лицом, но не заявителем...»¹ Представляется, что в свете этого правила должны особо тщательно исследоваться в судебном разбирательстве показания обвиняемых, с которыми было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве (гл. 40¹ УПК РФ), а также обвиняемых, в отношении которых дело было выделено в отдельное производство и судебное решение принято в особом порядке (гл. 40 УПК РФ), а обвинительный приговор не может быть основан исключительно на этих показаниях.

Наконец, Европейский Суд полагает, что «для того чтобы разбирательство было справедливым, суд должен надлежащим образом изучить замечания, доводы и доказательства, представленные сторонами, без предвзятости при оценке их применимости к его решению... Пункт 1 статьи 6 Конвенции требует, чтобы суды приводили мотивацию своих решений»². Отсюда существенными условиями справедливости судебного разбирательства являются:

– непредвзятый характер производимой судом оценки представленных сторонами сведений (доказательств). Аналогичное правило оценки Суд полагает обязательным для соблюдения и органами уголовного преследования при решении вопроса о возбуждении уголовного дела. ЕСПЧ неоднократно отмечал в отношении Российской Федерации «избирательный и в какой-то степени непоследовательный подход к оценке доказательств расследующим органом»³. Так, по делу «Владимир Романов против Российской Федерации» Суд отметил, комментируя постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по факту избияния заключенного надзи-

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Владимир Романов (Vladimir Romanov) против Российской Федерации» от 24 июля 2008 г. (жалоба № 41461/02), п. 102 // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 3. С. 113.

² *Постановление* по делу «Красуля (Krasulya) против Российской Федерации» от 22 февраля 2007 г. (жалоба № 12365/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См., например: *Постановление* по делу «Владимир Романов (Vladimir Romanov) против Российской Федерации» от 24 июля 2008 г. (жалоба № 41461/02) // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 3. С. 108–109; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Надросов (Nadrosov) против Российской Федерации» от 31 июля 2008 г. (жалоба № 9297/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Михеев (Mikheyev) против Российской Федерации» от 26.01.2006 г. (жалоба № 77617/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

рателями, «что помощник прокурора основал свои выводы прежде всего на показаниях надзирателей, участвовавших в инциденте. Хотя в постановлении от 3 июля 2001 г. содержится извлечение из показаний заявителя, помощник прокурора не счел их достоверными, по-видимому, потому что они отражали личное мнение и определялись обвинительной тактикой заявителя. Однако проверка помощника прокурора не поставила под сомнение достоверность показаний надзирателей, несмотря на то, что их показания могли характеризоваться оправдательной тактикой и быть направлены на подрыв достоверности показания заявителя. По мнению Европейского Суда, при оценке доказательств прокурорская проверка применяла различные стандарты, причем показания заявителя рассматривались как субъективные, в отличие от показаний надзирателей»¹. Аналогичным образом в Постановлении по делу «Акулин и Бабич против Российской Федерации» Европейский Суд указал на «избирательный и не вполне последовательный подход следственных органов к оценке доказательств», а также на тот факт, что при проверке применялись различные стандарты оценки показаний, поскольку показания заявителей были сочтены субъективными в отличие от показаний сотрудников милиции. Между тем достоверность последних также следовало поставить под сомнение, поскольку следствие должно было установить, подлежат ли эти сотрудники дисциплинарной или уголовной ответственности². Тот же подход Суд, кстати, применяет и при оценке судебных решений о заключении под стражу /продлении сроков содержания под стражей. Например, по делу «Александр Макаров против Российской Федерации» Суд (в п. 127 Постановления) указал: «Суд серьезно обеспокоен тем, что внутригосударственные суды используют весьма избирательный и непоследовательный подход к оценке аргументов сторон, касающихся оснований для содержания заявителя под стражей. Признавая аргументы заявителя субъективными и не обращая внимания на имеющие отношение к делу факты, которые снижают риск того, что заявитель скроется от правосудия, суды

---

¹ *Постановление* по делу «Владимир Романов против Российской Федерации» от 24.07.2008 г. // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 3. С. 108–109.

² *Постановление* ЕСПЧ по делу «Акулинин и Бабич (Akulinin and Babich) против Российской Федерации» от 2 октября 2008 г. (жалоба № 5742/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

слепо принимали информацию от сотрудников ФСБ, не ставя под сомнение ее достоверность»¹;

– мотивированный характер как решения о приобщении (неприобщении) к делу соответствующего доказательства, так и итогового решения, в котором эти доказательства оцениваются. Например, по делу «Красуля (Krasulya) против Российской Федерации» в обоснование своей кассационной жалобы заявитель сослался на то, что отказ суда первой инстанции в приобщении заключения эксперта в качестве доказательства по делу не был основан на внутригосударственном законодательстве. Суд кассационной инстанции в своем определении не рассматривал доводы заявителя. В этой ситуации Европейский Суд пришел к выводу, что поскольку заключение эксперта было важным доказательством, которое подкрепляло позицию защиты, избранную заявителем, и которое могло быть решающим при рассмотрении вопроса об уголовном характере деяний, совершенных заявителем, а довод заявителя в суде кассационной инстанции о том, что заключение эксперта было незаконно отклонено судом первой инстанции, был сформулирован им ясно и четко, то этот довод требовал точного и ясного ответа. Полное молчание суда кассационной инстанции по вопросу законности отказа в приобщении к доказательствам по делу заключения эксперта является несовместимым с концепцией справедливого судебного разбирательства, заложенной в основу ст. 6 Конвенции².

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Александр Макаров против Российской Федерации» от 12 марта 2009 г. (жалоба № 15217/07). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Постановление* по делу «Красуля (Krasulya) против Российской Федерации» от 22 февраля 2007 г. (жалоба № 12365/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Глава 8. Право на устойчивость судебного решения и на его исполнение как элементы права на справедливое судебное разбирательство

8.1. Право на исполнение судебного решения

Исходя из текста ст. 6 Европейской конвенции, право на исполнение судебного решения вроде бы не входит в состав права на справедливое судебное разбирательство (так же, впрочем, как и право на доступ к правосудию).

Однако в 1997 г. Европейский Суд, рассматривая дело «Хорнсби против Греции», в ситуации, когда судебное решение осталось неисполненным, в результате того, что административные власти не подчинились решениям высшего административного суда, пришел к выводу, согласно которому право на доступ к правосудию стало бы иллюзорным, если бы правовая система позволяла, чтобы судебное решение, вступившее в законную силу и обязательное к исполнению, оставалось недействующим в отношении одной из сторон в ущерб ее интересам¹. По мнению ЕСПЧ, немыслимо, чтобы п. 1 ст. 6 Конвенции, детально описывая процессуальные гарантии сторон – справедливое, публичное и проводимое в разумный срок разбирательство, не предусматривал защиты процесса исполнения судебных решений; толкование ст. 6 Конвенции исключительно в рамках обеспечения лишь права на обращение в суд и порядка судебного разбирательства, вероятней всего, привело бы к ситуациям, несовместимым с принципом верховенства права, кото-

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Хорнсби (Hornsby) против Греции» от 19 марта 1997 г. (жалоба № 18357/91). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

рый государства-участники Европейской конвенции обязались соблюдать, подписав Конвенцию¹.

Таким образом, согласно позиции ЕСПЧ, исполнение вступившего в законную силу судебного решения – неотъемлемая и необходимая часть права на справедливое судебное разбирательство.

Применительно к Российской Федерации данная позиция Суда нашла отражение в многочисленных постановлениях Европейского Суда по жалобам на длительное неисполнение Российской Федерацией судебных решений, должниками по которым являются государственные органы и учреждения РФ². В целом за период с мая 2002 г. по январь 2009 г. Европейский Суд по правам человека вынес более 200 постановлений, констатирующих неисполнение (несвоевременное исполнение) Российской Федерацией решений национальных судов, вынесенных в пользу ее граждан. В связи с этим 15 января 2009 г. Европейским Судом было вынесено первое пилотное постановление³ в отношении России (по делу «Бурдов про-

---

¹ См. также, например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Бурдов против Российской Федерации» от 7 февраля 2002 г. (жалоба № 59498/00), п. 34. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Гиззатова (Gizatova) против Российской Федерации» от 13 января 2005 г. (жалоба № 5124/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Герасимова (Gerasimova) против Российской Федерации» от 13 октября 2005 г. (жалоба № 24669/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Вассерман (Wasserman) против Российской Федерации» от 18 ноября 2004 г. (жалоба № 15021/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Горохов и Русяев (Gorokhov and Rusyayev) против Российской Федерации» от 17 марта 2005 г. (жалоба № 38305/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Кольцов (Koltsov) против России» от 24 февраля 2005 г. (жалоба № 41304/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Петрушко (Petrushko) против России» от 24 февраля 2005 г. (жалоба № 36494/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Познахирина (Poznakhirina) против Российской Федерации» от 24 февраля 2005 г. (жалоба № 25964/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» и др.

³ Реагируя на большое количество дел, возникающих в некоторых странах в результате системных или структурных проблем, Суд применяет с 2004 г. процедуру пилотных постановлений. Они выносятся в случае

тив Российской Федерации»). Данное постановление обязало Россию:

– создать в течение шести месяцев с момента, в который это постановление станет окончательным, эффективное внутригосударственное средство правовой защиты или комплекс таких средств, которые обеспечили бы быстрое и адекватное восстановление нарушенных прав, включая возмещение ущерба, в случае неисполнения или задержек в исполнении национальных судебных решений в соответствии с принципами Конвенции, закрепленными в постановлениях Суда;

– обеспечить такое восстановление прав, включая возмещение ущерба, в течение одного года с момента, в который это постановление станет окончательным, в пользу всех пострадавших от невыплаты или чрезмерных задержек в выплате государственными властями долгов по судебным решениям во всех делах, поданных в Суд до вынесения такого постановления¹.

В ожидании принятия вышеуказанных мер Суд приостановил на один год с момента, в который это постановление станет окончательным, процедуру во всех делах, касающихся исключительно неисполнения и/или задержек в исполнении судебных решений, обязывающих государственные органы к выплате денежных сумм.

В частности, в целях ликвидации в Российской Федерации указанного положения, связанного с длительным неисполнением судебных решений, были приняты Федеральные законы: № 68-ФЗ от 30.04.2010 «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и 69-ФЗ от 30.04.2010 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок». 23 декабря 2010 г. было принято также совместное Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда

выявления в рамках отдельного дела системных проблем, приведших к нарушению Европейской конвенции по правам человека, и содержат предписание предпринять необходимые меры для исправления ситуации.

¹ *Постановление ЕСПЧ по делу «Бурдов (Burdov) против Российской Федерации» (№ 2) от 15.01.2009 г. (жалоба № 33509/04). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

Российской Федерации № 30/64 «О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок».

Проблема своевременного исполнения судебных решений имеет существенное значение не только для гражданского и арбитражного, но и для уголовного процесса РФ, поскольку возникает и в ситуациях, связанных с возмещением вреда в случае реабилитации.

8.2. Принцип правовой определенности и право на устойчивость судебного решения, вступившего в законную силу

Включая в содержание права на справедливое судебное разбирательство необходимость реализации принципа правовой определенности, Европейский Суд исходит из того, что вообще право на судебное разбирательство, гарантированное п. 1 ст. 6 Конвенции, должно толковаться в свете **преамбулы к Конвенции**, в соответствующей части которой принцип господства права признается частью общего наследия Договаривающихся государств. Одним из основополагающих аспектов господства права является принцип правовой определенности.

Применительно к сфере действия ст. 6 Конвенции принцип правовой определенности рассматривается Европейским Судом в двух аспектах.

1. Правовая определенность самих судебных решений.

По мнению ЕСПЧ, противоречивые решения высшего национального суда сами являются источником правовой неопределенности и нарушают право на справедливое судебное разбирательство, закрепленное в ст. 6 Конвенции. Суд полагает, что хотя расхождения в прецедентной практике присущи любой судебной системе, состоящей из множества судов первой инстанции, рассматривающих дела, относящиеся к их территориальной подсудности, функция высшего суда заключается в разрешении этих противоречий¹.

---

¹ См.: *Информация* о Постановлении ЕСПЧ по делу «Иордан Иорданов и другие против Болгарии» от 02 июля 2009 г. (жалоба № 23530/02) // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 12. С. 26–27.

Так, по делу «Беян против Румынии» ЕСПЧ отметил, что высший национальный суд иногда в один и тот же день выносил диаметрально противоположные решения о пределах применения Закона о компенсаторных мерах для лиц, привлекавшихся к принудительному труду в период прохождения военной службы. При этом роль высшего суда заключается как раз в урегулировании подобных противоречий в прецедентной практике. В данном конкретном деле кассационный суд создал глубокие и долгосрочные противоречия. Такая практика высшего судебного органа страны сама по себе противоречила принципу правовой определенности. Вместо исполнения своей функции и утверждения толкования, которому должны были следовать нижестоящие суды, кассационный суд сам стал источником правовой неопределенности, подрывая таким образом общественное доверие к судебной системе. Отсутствие правовой определенности полностью лишило заявителя возможности использования прав, предоставленных законом, в отличие от других лиц, находившихся в аналогичной ситуации¹.

2. Право на устойчивость судебного решения, вступившего в законную силу.

По мнению Европейского Суда, принцип правовой определенности предполагает, что стороны не вправе добиваться пересмотра судебного решения, вступившего в законную силу, лишь в целях повторного рассмотрения дела и вынесения нового решения. Полномочия вышестоящих судов по отмене или внесению изменений в окончательные и подлежащие исполнению судебные решения должны осуществляться в целях исправления существенных судебных ошибок. Одна лишь возможность существования двух точек зрения по делу не может служить основанием для пересмотра. Отклонение от этого принципа допустимо, но является оправданным, только если это необходимо при наличии существенных и бесспорных обстоятельств².

---

¹ См.: *Информация* о Постановлении ЕСПЧ по делу «Беян против Румынии» от 06 декабря 2007 г. (жалоба № 30658/05) // Бюллетень ЕСПЧ. 2008. № 6. С. 14–15.

² См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Рябых (Ryabykh) против Российской Федерации» от 24 июля 2003 г. (жалоба № 52854/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Праведная (Pravednaya) против Российской Федерации» от 18 ноября 2004 г. (жалоба № 69529/01). Доступ из справ.-правовой

Европейским Судом принято большое количество постановлений, констатирующих нарушение Российской Федерацией принципа правовой определенности и, следовательно, ст. 6 Европейской конвенции вследствие пересмотра в порядке надзора как решений по гражданским делам¹, так и приговоров, постановленных по уголовным делам². При этом ЕСПЧ использует, в принципе, один и тот же системный подход. Однако в силу особенностей уголовного судопроизводства сформулированные ЕСПЧ критерии возможности и допустимости пересмотра приговоров, вступивших в законную силу, обладают некоторым своеобразием по сравнению с критериями пересмотра вступивших в законную силу судебных решений. Тематика данной работы предполагает, что основное внимание будет в ней уделено именно границам возможного пересмотра вступивших в законную силу приговоров, не теряя из виду тем не менее тот факт, что вообще проблема обеспечения правовой определенности, стабильности судебных решений (приговоров), всту-

---

системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Пителин и другие против Российской Федерации» от 14 июня 2007 г. (жалоба № 4874/03) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2008. № 7. С. 96–101.

¹ См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Сергей Петров (Sergey Petrov) против Российской Федерации» от 10 мая 2007 г. (жалоба № 1861/05). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Собелин и другие (Sobelin and others) против Российской Федерации» от 3 мая 2007 г. (жалобы № 30672/03, 30673/03, 30678/03, 30682/03, 30692/03, 30707/03, 30713/03, 30734/03, 30736/03, 30779/03, 32080/03 и 34952/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Кот против Российской Федерации» от 18 января 2007 г. (жалоба № 20887/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» и др.

² См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Радчиков (Radchikov) против Российской Федерации» от 24 мая 2007 г. (жалоба № 65582/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Киселев (Kiselev) против Российской Федерации» от 29 января 2009 г. (жалоба № 75469/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Федоров (Fedorov) против Российской Федерации» от 26 февраля 2009 г. (жалоба № 63997/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ЕСПЧ по делу «Эдуард Чистяков (Eduard Chistyakov) против Российской Федерации» от 09 апреля 2009 г. (жалоба № 15336/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» и др.

пивших в законную силу, имеет системный характер и распространяется как на уголовное, так и на гражданское судопроизводство.

Итак, по мнению ЕСПЧ, сама возможность пересмотра уголовного дела на первый взгляд соответствует требованиям Конвенции, в том числе гарантиям ст. 6 Конвенции. Более того, п. 2 ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции прямо позволяет государствам возобновлять производство по делу ввиду открытия новых обстоятельств или в случае, когда обнаружены существенные недостатки, допущенные в ходе предыдущего судебного разбирательства, которые могли повлиять на исход судебного разбирательства.

Однако действительный **способ использования** возможности пересмотра уголовного дела **не должен нарушать саму суть справедливого судебного разбирательства**. Другими словами, право возобновить уголовное производство должно осуществляться органами государственной власти так, чтобы был максимально соблюден **справедливый баланс** между интересами лица и необходимостью обеспечить эффективность системы отправления правосудия по уголовным делам¹.

Это означает, в частности, что необходимо, чтобы органы государственной власти уважали обязывающий характер вступившего в законную силу решения суда и допускали возобновление уголовного судопроизводства, только если серьезные законные соображения перевешивают принцип правовой определенности², если действительная причина пересмотра дела не нарушает суть права заявителя на справедливое судебное разбирательство. Пересмотр окончательного и вступившего в законную силу приговора должен осуществляться не столько с целью повторного рассмотрения и вынесения нового решения по делу, сколько для исправления ошибок в отправлении правосудия³.

---

¹ См., например: *Постановление* ЕСПЧ по делу «Фадин (Fadin) против Российской Федерации» от 27 июля 2006 г. (жалоба № 58079/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Решение* ЕСПЧ по вопросу приемлемости жалобы № 72776/01 «Афанасий Семенович Братякин (Afanasiy Semenovich Bratyakin) против Российской Федерации» от 9 марта 2006 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Радчиков (Radchikov) против Российской Федерации» от 24.05.2007 г. (жалоба № 65582/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

При решении вопроса о том, соблюден ли при пересмотре приговора, вступившего в законную силу, справедливый баланс между интересами лица и необходимостью обеспечить эффективность системы отправления правосудия по уголовным делам, ЕСПЧ принимает во внимание следующие моменты¹:

- последствия возобновления производства по делу и последующих процедур для личной ситуации заявителя;
- был ли пересмотр инициирован самим заявителем;
- основания, по которым национальные власти отменили окончательный характер приговора по делу заявителя;
- соответствие рассматриваемой процедуры требованиям национального законодательства;
- наличие в национальной правовой системе и действие процессуальных гарантий, способных предотвращать злоупотребление рассматриваемой процедурой со стороны национальных властей; иные имеющие отношение к вопросу обстоятельства дела;
- кроме того, производство в суде надзорной инстанции должно содержать все процессуальные гарантии п. 1 ст. 6 Конвенции и обеспечивать общую справедливость всего судебного процесса.

Последствия возобновления производства по делу и последующих процедур для личной ситуации заявителя. Здесь ЕСПЧ принимает во внимание, улучшилось или ухудшилось положение заявителя в результате надзорного пересмотра дела. При этом принимается во внимание как само решение, принятое надзорной инстанцией (например, о смягчении наказания), так окончательный итог судопроизводства (итоговое судебное решение, принятое в результате возобновления судопроизводства, если предыдущий приговор был отменен надзорной инстанцией), а также само состояние неопределенности и затягивание срока судебного разбирательства, возникающее в результате такой отмены. Например, вынося решение по делу «Радчиков против Российской Федерации», Европейский Суд принял во внимание, что «вступивший в законную силу приговор, оправдавший заявителя по всем пунктам обвинения, был пересмотрен и отменен в порядке надзора по протесту прокурора... Пересмотрев дело, суд надзорной инстанции не просто постановил возобновить производство по делу, но вернул дело органам следствия для производства дополнительного расследования.

---

¹ *Постановление ЕСПЧ по делу «Радчиков (Radchikov)...*». П. 44.

Даже несмотря на смерть заявителя после пересмотра дела в порядке надзора, нет сомнений, что это решение неблагоприятно сказалось на личной ситуации заявителя¹.

В случае если Суд придет к выводу, что личная ситуация заявителя, напротив, явно улучшилась в результате надзорного производства, он будет расценивать это обстоятельство в качестве показателя того, что нарушение ст. 6 Конвенции места не имело.

Были ли пересмотр инициирован самим заявителем.

Европейский Суд исходит здесь из того, что если именно заявитель ходатайствовал о пересмотре приговора или иного решения в порядке надзора и пределы дальнейшего пересмотра полностью соответствовали тому, о чем просил заявитель, то нельзя утверждать, что он является жертвой предполагаемого нарушения принципа правовой определенности².

Основания, по которым национальные власти отменили окончательный характер приговора по делу заявителя.

Если два предыдущих основания являются своего рода «критериями приемлемости» для дальнейшего рассмотрения жалобы (если окажется, что надзорное производство инициировано самим заявителем или было ему выгодно – жалоба «отвергается», если нет – рассматривается далее), то определение основания, которое послужило действительной, реальной причиной отмены, его значимости – это «коренной вопрос», в зависимости от решения которого и находится в большинстве случаев окончательный вывод Суда по вопросу о том, имело ли место нарушение Конвенции.

По мнению Европейского Суда, на наличие существенного нарушения при предыдущем судебном разбирательстве может указывать наличие судебной ошибки или серьезных нарушений судебной процедуры, злоупотребления полномочиями, явных ошибок в при-

---

¹ *Постановление ЕСПЧ по делу «Радчиков (Radchikov)...»*. П. 45.

² *Постановление ЕСПЧ по делу «Фадин (Fadin) против Российской Федерации»* от 27 июля 2006 г. (жалоба № 58079/00), п. 34. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Аналогичная позиция содержится в Решении ЕСПЧ по вопросу приемлемости жалобы № 72776/01 «Афанасий Семенович Братякин (Afanasiy Semenovich Bratyakin) против Российской Федерации» от 9 марта 2006 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

менении материального права или иных веских причин, вытекающих из интересов отправления правосудия¹.

Например, в Постановлении по делу «Ленская против Российской Федерации», рассмотрев жалобу потерпевшей на то, что президиум Томского областного суда в порядке надзора отменил обвинительный приговор, Европейский Суд констатировал: «...при таких обстоятельствах решение президиума об отмене приговора с подобными недостатками не кажется неблагоприятным или произвольным... После рассмотрения всего дела, включая доказательства, президиум признал, что нижестоящие суды допустили ошибку в виде незаслуженного осуждения бывшего мужа заявительницы и вынесли решения, которые причинили ущерб основным правам осужденного и являлись несовместимыми с ними. Президиум пришел к заключению, что районный и областной суды вынесли ошибочные решения в отношении наличия и воздействия вопросов факта и применения закона, что явилось причиной осуждения невиновного лица и возложения на него обязанности выплатить компенсацию ущерба, хотя не было доказано, что именно он причинил этот ущерб. Президиум отметил, что нижестоящие суды пренебрегли важными независимыми доказательствами, такими как показания свидетелей, подтверждающие алиби ответчика, проявили избирательный и чрезвычайно непоследовательный подход к оценке косвенных доказательств, переоценили доказательную ценность показаний потерпевшей и ошибочно истолковали медицинские заключения. Судебные ошибки, допущенные районным и областными судами, имели отношение к существу уголовного дела и основаниям иска заявительницы. Эти ошибки исказили разбирательства и были настолько серьезны, что, не будучи исправленными, привели бы к нарушению права бывшего мужа заявительницы на справедливое судебное разбирательство... В этой связи Европейский Суд еще раз напоминает, что Конвенция в принципе допускает пересмотр вступившего в силу приговора для устранения государством ошибок уголовного судопроизводства. Приговор, игнорирующий ключевые доказательства, может являться такой ошибкой... Европейский Суд отмечает, что природа и последствия ошибок, допущенных районным и областными судами, были достаточными для возобновления разбирательства. Такие ошибки, оставаясь неис-

---

¹ *Постановление ЕСПЧ по делу «Радчиков (Radchikov)...*».

правленными, серьезно затронули бы справедливость, целостность и общественную репутацию судопроизводства. Европейский Суд также придает особое значение тому факту, что эти судебные ошибки не могли быть нейтрализованы или исправлены иными средствами, помимо отмены решений от 15 июля и 12 сентября 2002 г. При таких обстоятельствах президиум не мог игнорировать положение невинной жертвы несправедливого осуждения. Отмена окончательного приговора являлась средством возмещения осужденному ошибок, допущенных при осуществлении уголовного права»¹.

В результате по данному делу Европейский Суд пришел к выводу, что президиум Томского областного суда должен возобновить разбирательство **с целью устранения существенной судебной ошибки**. «Соображения «правовой определенности» не должны препятствовать государству в устранении особенно вопиющих ошибок, совершенных при отправлении правосудия и, таким образом, в сложившейся ситуации настоящего дела не могли препятствовать президиуму Томского областного суда в пересмотре окончательного приговора, который причинил немалый ущерб осужденному, т.е. бывшему мужу заявительницы»².

В ряде случаев Европейский Суд, напротив, приходил к выводу о том, что отмена вступившего в законную силу приговора производилась не с целью исправления существенной судебной ошибки, а только с целью повторного рассмотрения и нового разрешения дела. Поводом для этого, как правило, является то, что решение суда надзорной инстанции основывалось на том же доводе, который был уже ранее рассмотрен в кассационной инстанции, либо мог быть рассмотрен в ней, если бы прокуратура воспользовалась своим правом на принесение кассационного представления.

Например, в Постановлении по делу «Киселев против Российской Федерации» Суд указал: «...суд надзорной инстанции должен был рассматривать тот же довод, который уже был выдвинут перед судом кассационной инстанции и отклонен им... что с учетом вышеизложенной прецедентной практики не может считаться достаточным для пренебрежения обязательной силой окончательного

---

¹ *Постановление* ЕСПЧ по делу «Ленская (Lenskaya) против Российской Федерации» от 29.01.2009 г. (жалоба № 28730/03), п. 37–40. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Там же. П. 41.

решения»¹. По делу «Федоров против Российской Федерации» Европейский Суд отметил, что президиум Ростовского областного суда удовлетворил протест в порядке надзора и отменил приговор от 24 сентября 1999 г. в связи с неправильной оценкой доказательств и несоответствием выводов суда обстоятельствам дела. Из этого следует, что основанием для нового рассмотрения являлись не новые факты и не серьезные процессуальные ошибки, а, скорее, несогласие с оценкой, данной нижестоящим судом»². Одновременно он сослался на то, что прокурор принес протест в порядке надзора, ранее не использовав возможности подачи кассационного протеста, который согласно национальному законодательству мог быть подан по тем же основаниям, что и протест в порядке надзора³, соответственно, в целом процедура пересмотра в порядке надзора использовалась с одной лишь целью повторного рассмотрения дела и вынесения по нему нового решения⁴.

По делу «Эдуард Чистяков против Российской Федерации» Суд указал: «Европейский Суд не принимает довода властей Российской Федерации о том, что рассмотрение дела в порядке надзора имело целью исправление фундаментальной ошибки, допущенной на предыдущих стадиях, которая могла повлиять на результат дела. В этом отношении Европейский Суд учитывает мотивировочную часть постановления суда надзорной инстанции, который указывал, что суды первой и кассационной инстанций не располагали всеми относящимися к делу министерскими инструкциями и документами для вынесения решения... По мнению Европейского Суда, простое утверждение о том, что суды первой и кассационной инстанций не имели всех соответствующих инструкций в полном объеме, не может само по себе в отсутствие судебной ошибки или серьезных нарушений процессуальных правил, злоупотребления полномочиями, явных ошибок в применении норм материального права или иных веских причин, вытекающих из интересов отправления

---

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Киселев (Kiselev) против Российской Федерации» от 29 января 2009 г. (жалоба № 75469/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Постановление ЕСПЧ по делу «Федоров (Fedorov) против Российской Федерации» от 26 февраля 2009 г. (жалоба № 63997/00), п. 30. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Там же. П. 31.

⁴ Там же. П. 32.

правосудия, указывать на наличие существенного нарушения при предыдущем судебном разбирательстве... **В противном случае бремя последствий ненадлежащего проведения властями предварительного расследования было бы полностью возложено на заявителя**, и, что более важно, одно только предположение о наличии недостатков или ошибок в процедуре расследования, независимо от того, насколько малыми и незначительными они могут быть, создавало бы для стороны обвинения неограниченную возможность для злоупотребления процедурой путем требования о возобновлении производства по оконченным разбирательствам... Европейский Суд полагает, что обвиняемый должен извлекать выгоду из ошибок национальных органов. Другими словами, **ответственность за любую ошибку, допущенную органами преследования или судом, должно нести государство, и ошибки не должны устраняться за счет заинтересованного лица**¹. В результате Европейский Суд пришел к выводу о том, что по данному делу суд надзорной инстанции удовлетворил требование об отмене определения, как если бы речь шла о процедуре кассационного обжалования, возобновив окончательно завершённое производство по делу по неясно сформулированным основаниям и без учета последствий своего решения для принципа правовой определенности².

В заключение Европейский Суд рассматривает вопрос о том, соответствовала ли процедура возобновления дела в порядке надзора **требованиям национального законодательства, а также процессуальным гарантиям п. 1 ст. 6 Конвенции и обеспечивала ли она общую справедливость всего судебного процесса**.

Это обстоятельство, как правило, имеет лишь дополнительный характер и рассматривается Европейским Судом в качестве самостоятельного основания для признания наличия нарушения Конвенции лишь в том случае, если Суд установит, что цель возобновления производства по делу **соответствовала** изложенным выше условиям.

Например, по делу «Радчиков против Российской Федерации» Суд указал: «Хотя Европейский Суд признает, что процедура над-

---

¹ *Постановление ЕСПЧ по делу «Эдуард Чистяков (Eduard Chistyakov) против Российской Федерации» от 09 апреля 2009 г. (жалоба № 15336/02), п. 25–26. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».*

² Там же. П. 27.

зорного судопроизводства была выполнена в соответствии с требованиями национального материального и процессуального права, что существовал годичный срок для принесения протеста на оправдательный приговор по делу заявителя и этот срок был действительно соблюден и что заявитель и его адвокат присутствовали в заседании суда надзорной инстанции и имели широкие возможности по представлению своей позиции..., одних только этих факторов недостаточно для оправдания отмены оправдательного приговора по делу заявителя»¹.

Напротив, по делу «Федоров против Российской Федерации» Суд нашел, что «заявитель не был уведомлен о протесте, не располагал возможностью представить возражения по поводу возобновления разбирательства и, в отличие от обвинителя, не мог участвовать в рассмотрении дела президиумом»².

Тем не менее несмотря на различие в характеристиках процедуры пересмотра по данным делам, вывод Суда был одним и тем же – о наличии нарушения ст. 6 Конвенции, поскольку в обоих этих случаях пришел к выводу об отсутствии существенных оснований для отмены приговора, вступившего в законную силу.

В отличие от этого, по делу «Ленская против Российской Федерации» если бы Суд обнаружил несоблюдение президиумом Томского областного суда процессуальных норм или требований к справедливому судебному разбирательству, то это могло бы стать самостоятельным основанием для признания наличия факта нарушения ст. 6 Конвенции. Однако Суд нашел, что «заявительнице были предоставлены широкие возможности изложить свои доводы и оспорить доводы противной стороны в рамках разбирательства. Она представила в письменной форме подробный отзыв на протест. Кроме того, она и ее представитель присутствовали при пересмотре дела в порядке надзора и давали устные объяснения. Европейский Суд полагает, что президиум уделил доводам заявительницы должное внимание. В связи с вышеизложенным Европейский Суд находит, что причины, на которых президиум основывал свои выводы,

---

¹ *Постановление ЕСПЧ по делу «Радчиков (Radchikov) против Российской Федерации» от 24 мая 2007 г. (жалоба № 65582/01), п. 46. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

² *Постановление ЕСПЧ по делу «Федоров (Fedorov) против Российской Федерации» от 26 февраля 2009 г. (жалоба № 63997/00), п. 33. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

являются достаточными для исключения любого сомнения в том, что порядок установления и оценки доказательств в деле заявительницы не являлся несправедливым или произвольным. Соответственно, Европейский Суд полагает, что разбирательство в президиуме Томского областного суда обеспечило заявительнице все процессуальные гарантии пункта 1 статьи 6 Конвенции»¹. В результате он пришел к выводу о том, что «при обстоятельствах данного конкретного дела президиум правомерно установил равновесие между конкурирующими интересами окончательности и правосудия» и что нарушения ст. 6 допущено не было².

Учитывая распространенность нарушений принципа правовой определенности, а стало быть, и ст. 6 Конвенции в надзорном производстве РФ (особенно часто встречающихся по гражданским делам), Комитетом министров Совета Европы 8 февраля 2006 г. была принята Промежуточная резолюция ResDH (2006) «Относительно нарушения принципа правовой определенности в результате пересмотра судебных решений в порядке надзора в ходе судебных разбирательств по гражданским делам в Российской Федерации».

В ней отмечено, что необходимость соблюдения принципа правовой определенности предполагает, в частности, что:

– суд должен быть наделен правом исправления всех упущений в решениях нижестоящих судов в ходе одного производства, чтобы последующее обращение с надзорной жалобой было действительно исключительным, если вообще необходимым;

– в эффективной судебной системе любые ошибки и упущения должны устраняться посредством обычного обжалования в суды апелляционной и/или кассационной инстанции, прежде чем судебное решение вступит в силу и будет подлежать исполнению, таким образом, избегая последующую опасность обмануть законные ожидания сторон в отношении вступивших в силу судебных решений.

С учетом этого Комитет министров Совета Европы призвал власти Российской Федерации обеспечить установление процедуры, согласно которой судебные ошибки должны исправляться обычным обжалованием в ходе апелляционного и/или кассационного судопро-

---

¹ *Постановление ЕСПЧ по делу «Ленская (Lenskaya) против Российской Федерации» от 29 января 2009 г. (жалоба № 28730/03), п. 43. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

² Там же. П. 44.

производства до того, как судебные решения вступят в силу, а также еще более ограничить применение процедуры надзора.

Это, как представляется, послужило одним из побудительных мотивов к принятию комплекса нормативных актов, направленных на изменение порядка производства в судах второй и последующей инстанций (как по гражданским, так и по уголовным делам). В частности, в соответствии с Федеральным законом № 433-ФЗ от 29 декабря 2010 г. «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации», с 1 января 2013 г. (а в части пересмотра в апелляционном порядке промежуточных судебных решений суда субъекта Российской Федерации – с 1 мая 2011 г.) в Российской Федерации должна начать в полном объеме действовать апелляционная инстанция по всем уголовным делам, а не только по уголовным делам, рассмотренным мировыми судьями, как в настоящее время. Кроме того, этот закон предусматривает изменение пределов применения кассационного производства и его места в уголовном судопроизводстве, а также ограничение возможности пересмотра приговоров в порядке надзора, путем сосредоточения полномочий по надзорному производству в руках только высшего судебного органа – Верховного Суда Российской Федерации (в лице его Президиума).

Не анализируя здесь этот закон подробно, необходимо тем не менее сказать о том, что, к сожалению, есть основания полагать, что положения данного закона в их нынешнем (изначальном) виде не способны существенно улучшить положение дел с обеспечением реализации принципа правовой определенности. Это вывод основывается на следующем.

С одной стороны, в соответствии с положениями данного закона, хотя и сужаются основания отмены, изменения приговора в кассационном порядке (ст. 401.15 УПК РФ ограничивает их только случаями обнаружения существенных нарушений уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявших на исход дела, и случаями явки лица, в отношении которого дело было рассмотрено в его отсутствие, по основаниям, предусмотренным ч. 5 ст. 247 УПК РФ).

С другой стороны, однако, в соответствии с положениями данного закона кассационная инстанция будет пересматривать приго-

воры и постановления судов, **вступившие в законную силу**. При этом в соответствии со ст. 401.6 УПК РФ в течение одного года с момента вступления приговора, определения, постановления суда в законную силу допустим его пересмотр в кассационном порядке суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, если в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, **искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия**. Данная формулировка является крайне неопределенной и не исключает самого широкого ее истолкования. Кроме того, пересмотр дела в кассационном порядке сможет осуществляться неоднократно (не допускается лишь повторное обращение с той же самой жалобой – ст. 401.17 УПК РФ) и при этом в ревизионном порядке, т.е. суд кассационной инстанции (при каждом пересмотре) вправе будет проверить производство по уголовному делу в полном объеме (ст. 401.16). Эти обстоятельства вкупе с тем, что и надзорный порядок также сохраняется в уголовном процессе, хотя и ограничивается, сосредоточиваясь в руках Президиума Верховного Суда Российской Федерации, позволяют прийти к выводу о том, что производство в суде кассационной и надзорной инстанций, предусмотренное положениями Федерального закона РФ № 433-ФЗ, пожалуй, еще в меньшей степени соответствует принципу правовой определенности, чем нынешний порядок производства надзора.

Список литературы

Международно-правовые акты, законодательства Российской Федерации, документы Комитета министров Совета Европы

Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (ред. от 13.05.2004). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Федеральный закон от 30.03.1998 № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» (принят ГД ФС РФ 20.02.1998) // Собрание законодательства РФ. 1998. 6 апр. № 14. Ст. 1514.

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2009. 26 янв. № 4. Ст. 445.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (принят ГД ФС РФ 22.11.2001) (ред. от 07.02.2011). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ (ред. от 28.06.2010) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 10.12.2008) // Собрание законодательства РФ. 2008. 29 дек. № 52 (ч. 1). Ст. 6217.

Федеральный закон от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (принят ГД ФС РФ 21.04.2010) // Собрание законодательства РФ. 2010. 03 мая. № 18. Ст. 2144.

Федеральный закон от 30.04.2010 № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (принят ГД ФС РФ 21.04.2010) // Собрание законодательства РФ. 2010. 03 мая. № 18. Ст. 2145.

Рекомендация № R (2000) 2 Комитета министров Совета Европы «По пересмотру дел и возобновлению производства по делу на внутригосударственном уровне в связи с решениями Европейского Суда по правам человека» (принята 19.01.2000 на 694-м заседании представителей министров). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Рекомендация № Rec (2005) 10 Комитета министров Совета Европы «Об «Особых методах расследования» тяжких преступлений, в том числе террористических актов» (принята 20.04.2005 на 924-м заседании представителей министров). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Рекомендация № R (2005) 9 Комитета министров Совета Европы «О защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием» (принята 20.04.2005 на 924-м заседании представителей министров). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Рекомендация № 6 r (87) 18 Комитета министров Совета Европы «Относительно упрощения уголовного правосудия» (принята 17.09.1987). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Рекомендация № R (85) 11 Комитета министров Совета Европы «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» (принята 28.06.1985). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Резолюция № (75) 11 «О критериях, регламентирующих разбирательство, проводимое в отсутствие обвиняемого» от 19.01.1973 г. // Международные акты по вопросам уголовного судопроизводства: Хрестоматия. Т. 3. Документы Совета Европы. Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. С. 64–66.

Постановления и Решения Европейского Суда по правам человека

Постановление Большой палаты ЕСПЧ по делу «Апичелла (Aricella) против Италии» от 29.03.2006 г. (жалоба № 64890/01), п. 116. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление Большой палаты ЕСПЧ по делу «Пеллегрен (Pellegrin) против Франции» от 8 декабря 1999 г. (жалоба № 28541/95). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление Большой палаты ЕСПЧ по делу «Быков (Вуков) против России» от 10 марта 2009 г. (жалоба № 4378/02) // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 6. С. 109–147.

Постановление Большой палаты ЕСПЧ по делу «Мефта (Meftah) и другие против Франции» от 26 июля 2002 г. (жалоба № 32911/96) // Бюллетень ЕСПЧ по правам человека. 2003. № 1.

Постановление Большой палаты ЕСПЧ по делу «Оджалан (Ocalan) против Турции» от 12.05.2005 г. (жалоба № 46221/99), п. 146. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление Большой палаты ЕСПЧ по делу «Пелиссье (Pelissier) и Сасси (Sassi) против Франции» от 25 марта 1999 г. (жалоба № 25444/94), п. 52–54. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление Большой палаты ЕСПЧ по делу «Раманаускас (Ramanauskas) против Литвы» от 05.02.2008 г. (жалоба № 74420/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление Большой палаты ЕСПЧ по делу «Салдуз (Salduz) против Турции» от 27 ноября 2008 г., (жалоба № 36391/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Й.Б. против Швейцарии» от 03 мая 2001 г. (жалоба № 31827/96), п. 48. URL: <http://cmiskp.echr.soe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Й.Б. и другие против Турции» от 28 октября 2004 г. (жалобы № 48173/99, 48319/99) // Бюллетень ЕСПЧ. 2005. № 2. С. 25–26.

Постановление ЕСПЧ по делу «Z. против Финляндии» от 25 февраля 1997 г. (жалоба № 22009/93) // Европейский Суд по

правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 2. М.: Норма, 2000. С. 412–427.

Постановление ЕСПЧ по делу «Абрамьюк (Abramjuc) против Румынии» от 24 февраля 2009 г. (жалоба № 37411/02) // Бюллетень ЕСПЧ по правам человека. 2009. № 6. С. 44–46.

Постановление ЕСПЧ по делу «Абрамян (Abramyan) против Российской Федерации» от 9 октября 2008 г. (жалоба № 10709/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Акулинин и Бабич (Akulinin and Babich) против Российской Федерации» от 2 октября 2008 г. (жалоба № 5742/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Алан (Allan) против Соединенного Королевства» от 5 ноября 2002 г. (жалоба № 48539/99). Информация // Бюллетень ЕСПЧ по правам человека. 2003. № 4.

Постановление ЕСПЧ по делу «Алдошкина (Aldoshkina) против Российской Федерации» от 12 октября 2006 г. (жалоба № 66041/01), п. 24. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Александр Макаров (Aleksandr Makarov) против Российской Федерации» от 12 марта 2009 г. (жалоба № 15217/07). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Алексеенко (Alekseyenko) против Российской Федерации» от 8 января 2009 г. (жалоба № 74266/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» и др.

Постановление ЕСПЧ по делу «Аллене де Рибемон (Allenet de Ribemont) против Франции» от 10 февраля 1995 г. (жалоба № 3/1994) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 2. М.: Норма, 2000. С. 85–95.

Постановление ЕСПЧ по делу «Альбер и Ле Конт (Albert and Le Compt) против Бельгии» от 10.02.1983 г. (жалобы № 7299/75, 7496/76). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Ангелова (Angelova) против Российской Федерации» от 13.12.2007 г. (жалоба № 33820/04). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Андандонский (Andandonskiy) против Российской Федерации» от 28 сентября 2006 г. (жалоба № 24015/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Антропов (Antropov) против Российской Федерации» от 29 января 2009 г. (жалоба № 22107/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Артико (Artico) против Италии» от 13 мая 1980 г. (жалоба № 6694/74) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 318–327.

Постановление ЕСПЧ по делу «Атанасова (Atanasova) против Болгарии» от 02 октября 2008 г. (жалоба № 72001/01). Информация // Бюллетень ЕСПЧ по правам человека. 2009. № 2. С. 15–16.

Постановление ЕСПЧ по делу «Ахсен (Axen) против Германии» от 8 декабря 1983 г. (жалоба № 8273/78). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Ашингден (Ashingdane) против Соединенного Королевства» от 28.05.1985 г. (жалоба № 8225/78), п. 56. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Б. и П. (B. and P.) против Соединенного Королевства» от 24 апреля 2001 г. (жалобы № 36337/97 и 35974/97), п. 38. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Багель (Bagel) против Российской Федерации» от 15.11.2007 г. (жалоба № 37810/03), п. 78. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Балсите – Лидейкиене (Balsyte – Lideikiene) против Литвы» от 04 ноября 2008 г. (жалоба № 72596/01). Информация. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Банденун (Bendenoun) против Франции» от 24 февраля 1994 г. (жалоба № 12547/86), п. 47. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Барбера, Мессегуэ и Джабардо (Barbera, Messegue & Jabardo) против Испании» от 6 декабря 1988 г.

(жалоба № 10590/83). Информация // Европейский судебный вестник. 2001. С. 18–19.

Постановление ЕСПЧ по делу «Басо Гонсалес (Bazo Gonzalez) против Испании» от 16 декабря 2008 г. (жалоба № 30643/04) Информация // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 4. С. 26–27.

Постановление ЕСПЧ по делу «Бахитов (Bakhitov) против Российской Федерации» от 4 декабря 2008 г. (жалоба № 4026/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Белашев (Belashev) против Российской Федерации» от 04 декабря 2008 г. (жалоба № 28617/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Белевицкий (Belevitskiy) против Российской Федерации» от 1 марта 2007 г. (жалоба № 72967/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Белилос (Belilos) против Швейцарии» от 29 апреля 1988 г. (жалоба № 10328/83) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1 М.: Норма, 2000. С. 568–581.

Постановление ЕСПЧ по делу «Белуха (Belukha) против Украины» от 09.11.2006 г. (жалоба № 33949/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Бенам (Benham) против Соединенного Королевства» от 10 июня 1996 г. (жалоба № 19380/92). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Бениш (Bönisch) против Австрии» от 6 мая 1985 г. (жалоба № 8658/79). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Беян против Румынии» от 06 декабря 2007 г. (жалоба № 30658/05). Информация // Бюллетень ЕСПЧ. 2008. № 6. С. 14–15.

Постановление ЕСПЧ по делу «Богумил (Bogumil) против Португалии» от 07 октября 2008 г. (жалоба № 35228/03). Информация // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 2. С. 21–22.

Постановление ЕСПЧ по делу «Боддаерт (Boddaert) против Бельгии» от 12 октября 1992 г. (жалоба № 12919/87). URL:

<http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Бониш (Bonisch) против Австрии» от 06 мая 1985 г. Информация // Европейский судебный вестник. 2001. С. 15.

Постановление ЕСПЧ по делу «Брандстетер (Brandstetter) против Австрии» от 28 августа 1991 г. (жалобы № 11170/84; 12876/87; 13468/87), п. 51–52. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Брозичек (Brozicek) против Италии» от 19 декабря 1989 г. (жалоба № 10964/84), п. 41. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?sessionid=52840049&skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Булгакова (Bulgakova) против Российской Федерации» от 18 января 2007 г. (жалоба № 69524/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Бурдов (Burdov) против Российской Федерации» (№ 2) от 15.01.2009 г. жалоба № 33509/04). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Бусчеми (Buscemi) против Италии» от 16 сентября 1999 г. (жалоба № 29569/95), п. 68. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010)

Постановление ЕСПЧ по делу «Вайнен (Wynen) против Бельгии» от 5 ноября 2002 г. (жалоба № 32576/96). Информация. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Ван Мехелен и другие против Нидерландов» от 23 апреля 1997 г. (жалоба № 55/1996) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 2. М.: Норма, 2000. С. 440–454.

Постановление ЕСПЧ по делу «Ваньян (Vanyan) против Российской Федерации» от 15 декабря 2005 г. (жалоба № 53203/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Вассерман (Wasserman) против Российской Федерации» от 18 ноября 2004 г. (жалоба № 15021/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Ватури (Vaturi) против Франции» от 13 апреля 2006 г. (жалоба № 75699/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Вермюлен (Vermeulen) против Бельгии» от 20 февраля 1996 г. (жалоба № 58/1994). Извлечение. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Веттштайн (Wettstein) против Швейцарии» от 21 декабря 2000 г. (жалоба № 33958/96), п. 44. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Видал (Vidal) против Бельгии» от 25 марта 1992 г. Информация // Европейский судебный вестник. 2001. С. 21–23.

Постановление ЕСПЧ по делу «Вильо Эскелинен и другие (Vilho Eskelinen and Others) против Финляндии» от 19 апреля 2007 г. (жалоба № 63235/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Винтерверп (Winterwerp) против Нидерландов» от 24 октября 1979 г. (жалоба № 6301/73) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 299–300.

Постановление ЕСПЧ по делу «Владимир Романов (Vladimir Romanov) против Российской Федерации» от 24 июля 2008 г. (жалоба № 41461/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Вожигов (Vozhigov) против Российской Федерации» от 26 апреля 2007 г. (жалоба № 5953/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Волков (Volkov) против Российской Федерации» от 04 декабря 2007 г. (жалоба № 64056/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Герасимова (Gerasimova) против Российской Федерации» от 13 октября 2005 г. (жалоба № 24669/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Гефген против Германии» от 30 июня 2008 г. (жалоба № 22978/05). Информация // Бюллетень ЕСПЧ. 2008. № 11. С. 15–17; 2009. № 3. С. 11–12.

Постановление ЕСПЧ по делу «Гиззатова (Gizatova) против Российской Федерации» от 13 января 2005 г. (жалоба № 5124/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Годди (Goddi) против Италии» от 9 апреля 1984 г. (жалоба № 8966/80), п. 31. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Голдер (Golder) против Соединенного Королевства» от 21 февраля 1975 г. // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 45.

Постановление ЕСПЧ по делу «Городничев (Gorodnitchev) против Российской Федерации» от 24 мая 2007 г. (жалоба № 52058/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Горохов и Русяев (Gorokhov and Rusyaev) против Российской Федерации» от 17 марта 2005 г. (жалоба № 38305/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Градинар (Gradinar) против Молдавии» от 08 апреля 2008 г. (жалоба № 7170/02). Информация // Бюллетень ЕСПЧ. 2008. № 10. С. 14.

Постановление ЕСПЧ по делу «Грегори (Gregory) против Соединенного Королевства» от 25 февраля 1997 г. (жалоба № 22299/93). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Грейсон и Барнхем против Соединенного Королевства» от 23 сентября 2008 г. (жалобы № 19955/05 и 15085/06). Информация // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 1. С. 14–15.

Постановление ЕСПЧ по делу «Греческие нефтеперерабатывающие заводы «Стрэн» и Стратис Андреадис (Stran Greek Refineries and Stratis Andreadis) против Греции» от 9 декабря 1994 г. (жалоба № 22/1993). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Григорьевских (Grigoryevskikh) против Российской Федерации» от 09 апреля 2009 г. (жалоба № 22/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Грошев (Groshev) против Российской Федерации» от 20 октября 2005 г. (жалоба № 69889/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Дауд (Daud), против Португалии» от 21 апреля 1998 г. (жалоба № 22600/93), § 38. URL: // <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?sessionId=52840049&skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Де Вильде, Оомс и Версип (De Wilde, Ooms and Versip) против Бельгии» от 18 июня 1971 г. (жалобы № 2832/66; 2835/66; 2899/66). Извлечение. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Де Хаэс (De Haes) и Гийселс (Gijssels) против Бельгии» от 24 февраля 1997 г. (жалоба № 19983/92). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Девеер против Бельгии» от 27 февраля 1980 г. // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 301–317.

Постановление ЕСПЧ по делу «Делькур (Delcourt) против Бельгии» от 17 января 1970 г. (жалоба № 2689/65) URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Дестрехем (Destrehem) против Франции» от 18 мая 2004 г. (жалоба № 56651/00). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Довгучиц (Dovguchits) против Российской Федерации» от 7 июня 2007 г. (жалоба № 2999/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Доймеланд (Deumeland) против Федеративной Республики Германии» от 29.05.1986 г. (жалоба № 9/1984). Извлечение. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Драон (Draon) против Франции» от 06.10.2005 г. (жалоба № 1513/03), п. 93. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Дубинская (Dubinskaya) против Российской Федерации» от 13 июля 2006 г. (жалоба № 4856/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Дунаев (Dunayev) против Российской Федерации» от 24 мая 2007 г. (жалоба № 70142/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Дьенне (Diennet) против Франции» от 26 сентября 1995 г. (жалоба № 18160/91), п. 34. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Зайцев (Zaytsev) против Российской Федерации» от 16 ноября 2006 г. (жалоба № 22644/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Зементова (Zementova) против Российской Федерации» от 27.09.2007 г. (жалоба № 942/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Иордаки и другие (Iordachi and Others) против Молдавии» от 10 февраля 2009 г. (жалоба № 25198/02). Информация // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 6. С. 29–30.

Постановление ЕСПЧ по делу «Иордан Иорданов и другие против Болгарии» от 02 июля 2009 г. (жалоба № 23530/02). Информация // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 12. С. 26–27.

Постановление ЕСПЧ по делу «Йюссила (Jussila) против Финляндии» от 23 ноября 2006 г. (жалоба № 73053/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Калашников (Kalashnikov) против Российской Федерации» от 15 июля 2002 г. (жалоба № 47095/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Камасински (Kamasinski) против Австрии» от 19 декабря 1989 г. (жалоба № 9783/82) // <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?sessionid=52840049&skin=hudoc-en>

Постановление ЕСПЧ по делу «Кениг (König) против ФРГ» от 28 июня 1978 г. (жалоба № 6232/73). Извлечение. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Киприану (Kyprianou) против Кипра» от 15 декабря 2005 г. (жалоба № 73797/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Киселев (Kiselev) против Российской Федерации» от 29 января 2009 г. (жалоба № 75469/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Клейн (Kleyn) и другие против Нидерландов» от 06 мая 2003 г. (жалобы № 39343/98, 39651/98,

43147/98 и 46664/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Климентьев (Klimentyev) против Российской Федерации» от 16 ноября 2006 г. (жалоба № 46503/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Ковалев (Kovalev) против Российской Федерации» от 10 мая 2007 г. (жалоба № 78145/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Колоцца (Colozza) против Италии» от 12 февраля 1985 г. // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 493–497.

Постановление ЕСПЧ по делу «Кольцов (Koltsov) против России» от 24 февраля 2005 г. (жалоба № 41304/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Команицки (Komanitský) против Словакии» от 04 июня 2002 г. (жалоба № 32106/96), п. 52–55. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Компания «Еврофинаком» против Франции» от 07 сентября 2004 г. (жалоба № 58753/00). Информация // Бюллетень ЕСПЧ. 2005. № 1. С. 18–21.

Постановление ЕСПЧ по делу «Коршунов (Korshunov) против Российской Федерации» от 25 октября 2007 г. (жалоба № 38971/06). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Кот против Российской Федерации» от 18 января 2007 г. (жалоба № 20887/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Кракси (Craxi) против Италии» от 5 декабря 2002 г. (жалоба № 34896/97). Информация. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Красуля (Krasulya) против Российской Федерации» от 22 февраля 2007 г. (жалоба № 12365/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Круассан (Croissant) против Германии» от 25 сентября 1992 г. (жалоба № 13611/88). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Кузнецов и другие (Kuznetsov and others) против Российской Федерации» от 11 января 2007 г. (жалоба № 184/02) // <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Курбатов (Kurbatov) против Российской Федерации» от 02.10.2008 г. (жалоба № 44436/06). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Кускани (Cuscani) против Соединенного Королевства» от 24 сентября 2002 г., (жалоба № 32771/96). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Куценко (Kutsenko) против Российской Федерации» от 01 июня 2006 г. (жалоба № 12049/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Кэмпбелл (Campbell) и Фелл (Fell) против Соединенного Королевства» от 28 июня 1984 г. (жалобы № 7819/77 и 7878/77) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 438–469.

Постановление ЕСПЧ по делу «Лавентс (Lavents) против Латвии» от 28 ноября 2002 г. (жалоба № 58442/00). Информация. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Лагерблом (Lagerblom) против Швеции» от 14 января 2003 г. (жалоба № 26891/95), п. 49. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Ларин и Ларина (Larin and Larina) против Российской Федерации» от 7 июня 2007 г. (жалоба № 74286/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Ласка и Лика (Laska and Lika) против Албании» от 20 апреля 2010 г. (жалобы № 12315/04 и 17605/04). Извлечение. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Ле Конт, Ван Левен и Де Мейер против Бельгии» от 23 июля 1981 г. // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 340–359.

Постановление ЕСПЧ по делу «Леандер (Leander) против Швеции» от 26 марта 1987 г. (жалоба № 9248/81). URL:

<http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Лебедев (Lebedev) против Российской Федерации» от 25 октября 2007 г. (жалоба № 4493/04). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Ленская (Lenskaaya) против Российской Федерации» от 29.01.2009 г. (жалоба № 28730/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Ли Дейвис (Lee Davies) против Бельгии» от 28 июля 2008 г. (жалоба № 18704/05). Информация // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 12. С. 29–30.

Постановление ЕСПЧ по делу «Лука (Lucà) против Италии» от 27 февраля 2001 г. (жалоба № 33354/96). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Лутц (Lutz) против Германии» от 25 августа 1987 г. // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 543–544.

Постановление ЕСПЧ по делу «Людике (Luedicke), Белкасем (Belkasem) и Коч (Koc) против ФРГ» от 28 ноября 1978 г. (жалобы № 6210/73; 6877/75; 7132/75), п. 48 // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 187–197.

Постановление ЕСПЧ по делу «Майзит (Mayzit) против Российской Федерации» от 20 января 2005 г. (жалоба № 63378/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Макаренко (Makarenko) против Российской Федерации» от 22 декабря 2009 г. (жалоба № 5962/03), п. 136. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Макеев (Makeyev) против Российской Федерации» от 5 февраля 2009 г. (жалоба № 13769/04). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Макфи (Makhfi) против Франции» от 19 октября 2004 г. (жалоба № 59335/00). Информация // Бюллетень ЕСПЧ по правам человека. 2005. № 2. С. 21–22.

Постановление ЕСПЧ по делу «Манцони (Manzoni) против Италии» от 19 февраля 1991 г. (жалоба № 11804/85). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Маньери (Manieri) против Италии» от 27 февраля 1992 г. (жалоба № 12053/86), п. 18. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Марусева (Maruseva) против Российской Федерации» от 29.05.2008 г. (жалоба № 28602/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Марченко (Marchenko) против Российской Федерации» от 5 октября 2006 г. (жалоба № 29510/04). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Маттеи (Mattei) против Франции» от 19 декабря 2006 г. (жалоба № 34043/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Матяшевич (Matijasevic) против Сербии» от 19 сентября 2006 г. (жалоба № 23037/04). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Мацкус (Matskus) против Российской Федерации» от 21 февраля 2008 г. (жалоба № 18123/04). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Мельников (Melnikov) против Российской Федерации» от 14 января 2010 г. (жалоба № 23610/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Менешева (Menecheva) против Российской Федерации» от 09 марта 2006 г. (жалоба № 59261/00), п. 72. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Метелица (Metelitsa) против Российской Федерации» от 22.06.2006 г. (жалоба № 33132/02), п. 29. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Мирилашвили (Mirilashvili) против России» от 11 декабря 2008 г. (жалоба № 6293/04) // Бюллетень ЕСПЧ по правам человека. 2009. № 4. С. 22–23.

Постановление ЕСПЧ по делу «Мирошник (Miroshnik) против Украины» от 27 ноября 2008 г. (жалоба № 75804/01). Информация // Бюллетень ЕСПЧ по правам человека. 2009. № 3. С. 19–20.

Постановление ЕСПЧ по делу «Михеев (Mikheyev) против Российской Федерации» от 26.01.2006 г. (жалоба № 77617/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Михова (Mihova) против Италии» от 30 марта 2010 г. (жалоба № 25000/07). Информация // Бюллетень ЕСПЧ по правам человека. 2010. № 9. С. 26–27.

Постановление ЕСПЧ по делу «Мишкеткуль и другие (Mishketkul and others) против Российской Федерации» от 24 мая 2007 г. (жалоба № 36911/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Моисеев (Moiseyev) против Российской Федерации» от 09 октября 2008 г. (жалоба № 62936/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Мокрушина (Mokrushina) против Российской Федерации» от 5 октября 2006 г. (жалоба № 23377/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Морель (Morel) против Франции» от 06 июня 2000 г. (жалоба № 34130/96). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Надросов (Nadrosov) против Российской Федерации» от 31 июля 2008 г. (жалоба № 9297/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Неймастер (Neumeister) против Австрии» от 27 июня 1968 г. (жалоба № 1936/63), п. 24. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Обершлик (Oberschlick) против Австрии» от 23 мая 1991 г. (жалоба № 11662/85) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 684–697.

Постановление ЕСПЧ по делу «Облов (Oblov) против Российской Федерации» от 15 января 2009 г. (жалоба № 22674/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Оджалан (Ocalan) против Турции» от 12 мая 2005 г. (жалоба № 46221/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Озеров (Ozerov) против Российской Федерации» от 18 мая 2010 г. (жалоба № 64962/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Озтюрк (Ozturk) против Германии» от 21 февраля 1984 г. (жалоба № 8544/79). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Олуич (Olujic) против Хорватии» от 05 февраля 2009 г. (жалоба № 22330/05). Информация // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 6. С. 23–25.

Постановление ЕСПЧ по делу «О'Халлоран (O'Halloran) и Фрэнсис (Francis) против Соединенного Королевства» от 29 июня 2007 г. (жалобы № 15809/02 и 25624/02), п. 101, 117. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Павленко (Pavlenko) против Российской Федерации» от 1 апреля 2010 г. (жалоба № 2371/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Падовани (Padovani) против Италии» от 26 февраля 1993 г. (жалоба № 13396/87), п. 20. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Пакелли (Pakelli) против Федеративной Республики Германии» от 25 апреля 1983 г. (жалоба № 8398/78) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 422–429.

Постановление ЕСПЧ по делу «Пановиц (Panovits) против Кипра» от 11 декабря 2008 г. (жалоба № 4268/04). Информация // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 4. С. 24–26.

Постановление ЕСПЧ по делу «Панченко (Panchenko) против Российской Федерации» от 8 февраля 2005 г. (жалоба № 45100/98). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Перес (Perez) против Франции» от 12 февраля 2004 г. (жалоба № 47287/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Перич (Peric) против Хорватии» от 27 марта 2008 г. (жалоба № 34499/06). Информация // Бюллетень ЕСПЧ. 2008. № 9. С. 18–19.

Постановление ЕСПЧ по делу «Пероте Пеллон (Perote Pellon) против Испании» от 25 июля 2002 г. (жалоба № 45238/99). Информация // Бюллетень ЕСПЧ по правам человека. 2003. № 1.

Постановление ЕСПЧ по делу «Петрушко (Petrushko) против России» от 24 февраля 2005 г. (жалоба № 36494/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Пителин и другие против Российской Федерации» от 14 июня 2007 г. (жалоба № 4874/03) // Бюллетень ЕСПЧ по правам человека. Российское издание. 2008. № 7. С. 96 – 101.

Постановление ЕСПЧ по делу «Пищальников (Pishchalnikov) против Российской Федерации» от 24 сентября 2009 г. (жалоба № 7025/04). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Познахирина (Poznakhirina) против Российской Федерации» от 24 февраля 2005 г. (жалоба № 25964/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Полуфакин и Чернышев (Polufakin and Chernyshev) против Российской Федерации» от 25 сентября 2008 г. (жалоба № 30997/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Понюшков (Ponushkov) против Российской Федерации» от 6 ноября 2008 г. (жалоба № 30209/04). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

Постановление ЕСПЧ по делу «Попов (Porov) против Российской Федерации» от 13 июля 2006 г. (жалоба № 26853/04). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Посохов (Posokhov) против Российской Федерации» от 04 марта 2003 г. (жалоба № 63486/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Праведная (Pravednaya) против Российской Федерации» от 18 ноября 2004 г. (жалоба № 69529/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Претто и другие (Pretto And Others) против Италии» от 08 декабря 1983 г. (жалоба № 7984/77), п. 26. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Прокопенко (Prokopenko) против Российской Федерации» от 3 мая 2007 г. (жалоба № 8630/03), п. 17–18. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Пуатримоль (Poitrimol) против Франции» от 23 ноября 1993 г. (жалоба № 14032/88). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Пуиг Панелья (Puig Panella) против Испании» от 25 апреля 2006 г. (жалоба № 1483/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Пфайфер и Планкль (Pfeifer and Plankl) против Австрии» от 25 февраля 1992 г. (жалоба № 10802/84). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Пшеничный (Pshenichnyy) против Российской Федерации» от 14 февраля 2008 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Пьерсак (Piersack) против Бельгии» от 1 октября 1982 г. (жалоба № 8692/79), п. 30 // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 417–421.

Постановление ЕСПЧ по делу «Радчиков (Radchikov) против Российской Федерации» от 24 мая 2007 г. (жалоба № 65582/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Раманаускас (Ramanauskas) против Литвы» от 05.02.2008 г. (жалоба № 74420/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Ремли (Remli) против Франции» от 23 апреля 1996 г. (16839/90) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 2. М.: Норма, 2000. С. 196–206;

Постановление ЕСПЧ по делу «Рибич (Ribitsch) против Австрии» от 04 декабря 1995 г. (жалоба № 18896/91) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 2. М.: Норма, 2000. С. 166–173.

Постановление ЕСПЧ по делу «Рингейзен против Австрии» от 14 июля 1971 г. (жалоба № 2614/65) п. 94. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Рольгезер и другие (Rolgezer and others) против Российской Федерации» от 29 апреля 2008 г.

(жалоба № 9941/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Рябых (Ryabykh) против Российской Федерации» от 24 июля 2003 г. (жалоба № 52854/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Рякиб Бирюков (Ryakib Biryukov) против Российской Федерации» от 17 января 2008 г. (жалоба № 14810/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Сабиров (Sabirov) против Российской Федерации» от 11 февраля 2010 г. (жалоба № 13465/04). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Савенко (Savenko) против Российской Федерации» от 14.06.2007 г. (жалоба № 28639/03), п. 32. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Самойла и Чонка (Samoila and Ciunca) против Румынии» от 4 марта 2008 г. (жалоба № 33065/03) // Бюллетень ЕСПЧ. 2008. № 9. С. 19–22.

Постановление ЕСПЧ по делу «Сандер (Sander) против Соединенного Королевства» от 9 мая 2000 г. (жалоба № 34129/96). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Саундерс (Saunders) против Соединенного Королевства» от 17 декабря 1996 г. (жалоба № 19187/91) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 312–316.

Постановление ЕСПЧ по делу «Севастьянов (Sevastyanov) против Российской Федерации» от 22 апреля 2010 г. (жалоба № 37024/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Сейдович (Sejdovic) против Италии» от 1 марта 2006 г. (жалоба № 56581/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Сергей Золотухин (Sergey Zolotukhin) против Российской Федерации» от 10 февраля 2009 г. (жалоба № 14939/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Сергей Петров (Sergey Petrov) против Российской Федерации» от 10 мая 2007 г. (жалоба

№ 1861/05). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Сидоренко (Sidorenko) против Российской Федерации» от 8 марта 2007 г. (жалоба № 4459/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Сипавичюс (Sipavičius) против Литвы» от 21 февраля 2002 г. (жалоба № 49093/99). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Собелин и другие (Sobelin and others) против Российской Федерации» от 3 мая 2007 г. (жалобы № 30672/03, 30673/03, 30678/03, 30682/03, 30692/03, 30707/03, 30713/03, 30734/03, 30736/03, 30779/03, 32080/03 и 34952/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Совтрансавто холдинг» (Sovtransavto Holding) против Украины» от 25 июля 2002 г. (жалоба № 48553/99). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Соколов (Sokolov) против Российской Федерации» от 22 сентября 2005 г. (жалоба № 3734/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Срадек (Sramek) против Австрии» от 22 октября 1984 г. (жалоба № 8790/79). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010)

Постановление ЕСПЧ по делу «Стадухин (Stadukhin) против Российской Федерации» от 18 октября 2007 г. (жалоба № 6857/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Станислав Жуков (Stanislav Zhukov) против Российской Федерации» от 12 октября 2006 г. (жалоба № 54632/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Станфорд (Stanford) против Соединенного Королевства» от 23 февраля 1994 г. (жалоба № 16757/90). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Стогмюллер (Stögmüller) против Австрии» от 10 ноября 1969 г. (жалоба № 1602/62), п. 5. URL:

<http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Татишвили (Tatishvili) против Российской Федерации» от 22.02.2007 г. (жалоба № 1509/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Тейшейра де Кастро (Teixeira de Castro) против Португалии» от 09 июня 1998 г. (жалоба № 44/1997). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Телфнер (Telfner) против Австрии» от 20 марта 2001 г. (жалоба № 33501/96), п. 15. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en>

Постановление ЕСПЧ по делу «Тимергалиев против Российской Федерации» от 14 октября 2008 г. (жалоба № 40631/02) // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 9. С. 147–149.

Постановление ЕСПЧ по делу «Томанн (Thomann) против Швейцарии» от 10 июня 1996 г. (жалоба № 17602/91). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Трофимов (Trofimov) против Российской Федерации» от 4 декабря 2008 г. (жалоба № 1111/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Унтерпертингер против Австрии» от 22 октября 1986 г. Информация // Европейский судебный вестник. 2001. С. 15–17.

Постановление ЕСПЧ по делу «Уцаева и другие (Utsayeva and Others) против Российской Федерации» от 29 мая 2008 г. (жалоба № 29133/03) // Бюллетень ЕСПЧ по правам человека. 2009. № 7. С. 37–71.

Постановление ЕСПЧ по делу «Фадин (Fadin) против Российской Федерации» от 27 июля 2006 г. (жалоба № 58079/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Фалимонов (Falimonov) против Российской Федерации» от 25.03.2008 г. (жалоба № 11549/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Фархи (Farhi) против Франции» от 16 января 2007 г. (жалоба № 17070/05). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Федоров (Fedorov) против Российской Федерации» от 26 февраля 2009 г. (жалоба № 63997/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Фей (Feu) против Австрии» от 24 февраля 1993 г. (жалоба № 14396/88). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Финдли (Findlay) против Соединенного Королевства» от 25 февраля 1997 г. (жалоба № 22107/93) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 2. М.: Норма, 2000. С. 408.

Постановление ЕСПЧ по делу «Функе (Funke) против Франции» от 25 февраля 1993 г. (жалоба № 10828/84) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 788–795.

Постановление ЕСПЧ по делу «Фуше (Foucher) против Франции» от 18 марта 1997 г. (жалоба № 22209/93). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Хаммерн (Hammern) против Норвегии» от 11.02.2003 г. (жалоба № 30287/96). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Хаусхильдт (Hauschildt) против Дании» от 24 мая 1989 г. (жалоба № 10486/83). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Хоканссон и Стурессон (Håkansson And Sturesson) против Швеции» от 21 февраля 1990 г. (жалоба № 11855/85). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Хорнсби (Hornsby) против Греции» от 19 марта 1997 г. (жалоба № 18357/91). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Худобин против Российской Федерации» от 26 октября 2006 г. (жалоба № 59696/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Хужин и другие (Khuzhin и Others) против Российской Федерации» от 23.10.2008 г. (жалоба № 13470/02). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Чекалла (Czekalla) против Португалии» от 10.10.2002 г. (жалоба № 38830/97). Информация // Бюллетень ЕСПЧ по правам человека. 2003. № 3.

Постановление ЕСПЧ по делу «Чирикоста и Виола (Ciricosta and Viola) против Италии» от 4 декабря 1995 г. (жалоба № 19753/92). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Шеканина (Sekanina) против Австрии» от 25 июня 1993 г. (жалоба № 13126/87). URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?sessionid=52840049&skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.12.2010).

Постановление ЕСПЧ по делу «Шеломков (Shelomkov) против Российской Федерации» от 5 октября 2006 г. (жалоба № 36219/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Шнейдерман (Shneyderman) против Российской Федерации» от 11 января 2007 г. (жалоба № 36045/02). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Шулепов (Shulepov) против Российской Федерации» от 26 июня 2008 г. (жалоба № 15435/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Шулепова (Shulepova) против Российской Федерации» от 11.12.2008 г. (жалоба № 34449/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Шухардин (Shukhardin) против Российской Федерации» от 28 июня 2007 г. (жалоба № 65734/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Эдвардс (Edwards) и Льюис (Lewis) против Соединенного Королевства» (жалобы № 39647/98 и 40461/98). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Эдуард Чистяков (Eduard Chistyakov) против Российской Федерации» от 09 апреля 2009 г. (жалоба № 15336/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Эйри (Airey) против Ирландии» от 9 октября 1979 г. (жалоба № 6289/73), п. 26. // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 275–276.

Постановление ЕСПЧ по делу «Экбатани (Ekbatani) против Швеции» от 26 мая 1988 г. (жалоба № 10563/83) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 585.

Постановление ЕСПЧ по делу «Энгель и другие (Engel and others) против Нидерландов» от 08 июня 1976 г. // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 114.

Постановление ЕСПЧ по делу «Яковлев (Yakovlev) против Российской Федерации» от 15 марта 2005 г., (жалоба № 72701/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ по делу «Яллох (Jalloh) против Германии» от 11 июля 2006 г. (жалоба № 54810/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Решение ЕСПЧ «По вопросу о приемлемости жалобы № 49790/99 «Владимир Григорьевич Трубников (Vladimir Grigoryevich Trubnikov) против Российской Федерации» от 14 октября 2003. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Решение ЕСПЧ «По вопросу о приемлемости жалобы № 72776/01 «Афанасий Семенович Братякин (Afanasiy Semenovich Bratyakin) против Российской Федерации» от 9 марта 2006 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Решение ЕСПЧ «По вопросу о приемлемости жалобы по делу «Питкевич (Pitkevich) против Российской Федерации» от 08 февраля 2001 г. (жалоба №. 47936/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Решение ЕСПЧ «По вопросу о приемлемости жалобы по делу «Скоробогатых (Skorobogatykh) против Российской Федерации» от 8 июня 2006 г. (жалоба № 37966/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Решение ЕСПЧ «По вопросу о приемлемости жалобы по делу «Слюсарев (Slyusarev) против Российской Федерации» от 9 ноября 2006 г. (жалоба № 60333/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***Постановления и Определения Конституционного Суда
Российской Федерации, Постановления Пленума
Верховного Суда Российской Федерации***

Постановление Конституционного Суда РФ от 16.03.1998 № 9-П «По делу о проверке конституционности статьи 44 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и статьи 123 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан» // *Собрание законодательства РФ*. 1998. 23 марта. № 12. Ст. 1459.

Постановление Конституционного Суда РФ от 10.12.1998 № 27-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 335 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина М.А. Баронина» // *Собрание законодательства РФ*. 1998. 21 дек. № 51. Ст. 6341.

Постановление Конституционного Суда РФ от 23.03.1999 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырецкого, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком» // *Собрание законодательства РФ*. 1999. 05 апр. № 14. Ст. 1749.

Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.1999 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород» // *Собрание законодательства РФ*. 1999. 26 апр. № 17. Ст. 2205.

Постановление Конституционного Суда РФ № 11-П от 27 июня 2000 г. «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // *Собрание законодательства РФ*. 2000. 03 июля. № 27. Ст. 2882.

Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жало-

бами граждан» // Собрание законодательства РФ. 2003. 22 дек. № 51. Ст. 5026.

Постановление Конституционного Суда РФ от 17.03.2010 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 117, части 4 статьи 292, статей 295, 296, 299 и части 2 статьи 310 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества “Довод”» // Собрание законодательства РФ. 2010. 05 апр. № 14. Ст. 1733.

Постановление Конституционного Суда РФ от 29.11.2010 № 20-П «По делу о проверке конституционности положений статей 20 и 21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в связи с жалобами граждан Д.Р. Барановского, Ю.Н. Волохонского и И.В. Плотникова» // Собрание законодательства РФ. 2010. 13 дек. № 50. Ст. 6808.

Определение Конституционного Суда РФ от 27 октября 2000 г. № 233-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Щенникова Валерия Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частями второй и третьей статьи 276, частью первой статьи 277 и пунктом 2 части первой статьи 286 УПК РСФСР» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 2.

Определение Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2005 г. № 240-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ермакова Михаила Борисовича на нарушение его конституционных прав частью девятой статьи 166, частью пятой статьи 193 и частью пятой статьи 278 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Определение Конституционного Суда РФ от 16 ноября 2006 г. № 538-О «По жалобе гражданина Давыдова Андрея Станиславовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 376 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. 26 февр. № 9. ст. 1146.

Определение Конституционного Суда РФ от 7 декабря 2006 г. № 548-О «По запросу Абинского районного суда Краснодарского края о проверке конституционности положений статьи 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и по жалобам граждан Фомина Дмитрия Евгеньевича, Шуленкова Александра Николаевича и Щербинина Алексея Валерьевича на нарушение их

конституционных прав положениями той же статьи» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 3.

Определение Конституционного Суда РФ от 08.02.2007 № 325-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан Лесной Лидии Николаевны, Стригуна Станислава Владимировича, Чичерина Виктора Петровича и общества с ограниченной ответственностью «Афина-Бизнес» на нарушение конституционных прав и свобод частью второй статьи 20 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Определение Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2009 г. № 477-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Семенова Дмитрия Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Определение Конституционного Суда РФ от 19 мая 2009 г. № 576-О-П «По жалобам граждан Великанова Вадима Владимировича, Виноградова Александра Сергеевича и других на нарушение их конституционных прав ст. 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статьями 125 и 376 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 6.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Российская газета. 2003. 2 дек. № 244.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 «О судебном решении» // Российская газета. 2003. 26 дек. № 260.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2004. 25 марта. № 60.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2009. 18 февр. № 27.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.10.2009 № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» // Российская газета. 2009. 11 нояб. № 211.

Статьи, монографии, авторефераты диссертаций

Адзинова Е.А. Некоторые аспекты понимания конституционного права на судебную защиту // *Право и политика*. 2004. № 7. С. 26–33.

Алексеева Л.Б. Право на справедливое судебное разбирательство: реализация в УПК РФ общепризнанных принципов и норм международного права: Дис. в форме научного доклада ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 57 с.

Алексеева Л.Б. Практика применения ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейским Судом по правам человека. Право на справедливое правосудие и доступ к механизмам судебной защиты. М.: Рудомино, 2000. 158 с.

Анишина В.И. Российское правосудие и международные стандарты: проблемы соответствия основных принципов организации и деятельности // *Мировой судья*. 2005. № 12. С. 12–15.

Арабули Д.Т., Чувашова Н.С. Защита прав и интересов лица при рассмотрении дела в его отсутствие в судах Российской Федерации. Челябинск: ООО «Полиграф-Мастер», 2010. 230 с.

Афанасьев С.Ф. Конвенция о защите прав человека и основных свобод и российское гражданское судопроизводство (общие вопросы). М.: Юрлитинформ, 2008. 416 с.

Афанасьев С.Ф. Право на справедливое судебное разбирательство: общая характеристика и его реализация в российском гражданском судопроизводстве. Саратов: Научная книга, 2009. 312 с.

Багдасаров Р.В. Принцип состязательности в уголовном процессе России и стран Европейского союза. М.: Юрлитинформ, 2008. 216 с.

Барнашев А.М. Общепризнанные принципы и нормы международного права и их взаимодействие с нормами российского законодательства // *Юрист-международник*. 2003. № 2. С. 16–23.

Божьев В. К вопросу об обеспечении потерпевшему доступа к правосудию // *Уголовное право*. 2003. № 3. С. 79–80.

Волженкина В.М. Нормы международного права в российском уголовном процессе. СПб., 2001. 359 с.

Володина Л.М. Право на доступ к правосудию // Бюллетень Уральского отделения Международной ассоциации содействия правосудию. 2010. № 1 (3). С. 31–35.

Володина Л.М., Володина А.Н. Уголовное судопроизводство: право на справедливую и гласную судебную защиту. М.: Юрлитинформ, 2010. 232 с.

Вяткин Ф., Зильберман С. Доступ в суд: пределы свободы и степень ограничений // Рос. юстиция. 2003. № 10. С. 61–63.

Гарлицкий Л. Независимость судебной власти в практике Европейского Суда по правам человека // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2004. № 1. С. 122–126.

Глашев А.А. Адвокатура и адвокатская деятельность в решениях Европейского Суда по правам человека. М.: Лигалорбис, 2004.

Голованов Д., Потапенко С. Применение российскими судами положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практики ЕСПЧ по правам человека: теоретические и практические аспекты // Законодательство и практика масс-медиа. 2005. Март. URL: www.medialaw.ru (дата обращения: 01.12.2010).

Голубок С.А. Международно-правовые стандарты права на судебную защиту // Известия вузов. Правоведение. 2007. № 1. С. 112–124.

Горшкова С.А. Европейское право на судебную защиту прав человека и российское законодательство // Право и политика. 2001. № 9. С. 102–112.

Горшкова С.А. Стандарты Совета Европы по правам человека и российское законодательство. М.: НИМП, 2001. 352 с.

Гротрайан Э. Право на справедливое судебное разбирательство // Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Комментарий к статьям 5 и 6. М., 1997. С. 93–122.

Девятова О.В. Решения Европейского Суда по правам человека в механизме уголовно-процессуального регулирования. М.: Юрлитинформ, 2010. 200 с.

Дмитриев Ю., Павловский В. К вопросу об определении понятия «судебная власть» // Право и жизнь. 2003. № 55. С. 5–20.

Зимненко Б. Международное право в судебной практике России: уголовное судопроизводство // Рос. юстиция. 2003. № 10. С. 10–13.

Казаков А.А. Осуществление защиты подсудимых в рамках заочного судебного разбирательства уголовных дел // Рос. юстиция. 2009. № 3. С. 44–46.

Карташкин В.А. Права человека в международном и внутригосударственном праве. М., 1995. 135 с.

Косцов А. Европейский Суд по правам человека. М.: Мартин, 2005. 624 с.

Кучин М.В. Прецедентное право Европейского Суда по правам человека. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2004. 481 с.

Лукайдеc С. Справедливое судебное разбирательство (комментарий к п. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод) // Рос. юстиция. 2004. № 2. С. 8–20.

Мак Брайд, Джереми. Понятие справедливого судебного разбирательства и его основные элементы // Европейские стандарты права на справедливое судебное разбирательство и российская практика. Международная защита прав человека. Вып. 2. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 7–46.

Малиновский О.Н. Нормы международного права о правах человека как источник российского уголовно-процессуального права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. 26 с.

Мизулина Е.Б. Поправки в УПК РФ: правовая необходимость или политическая целесообразность // Уроки реформы уголовного правосудия в России / Отв. ред. А.Е. Лебедев и Е.Б. Мизулина. М.: Норма, 2007. С. 105–106.

Нешатаева Т.Н. Независимый суд: от международного стандарта к реализации без имитаций // Закон. 2010. № 2. С. 47–60.

Нешатаева Т. Суд и защита прав и свобод граждан РФ // Сравнительное конституционное обозрение. 2004. № 4. С. 130–131.

Нешатаева Т.Н. «Право на суд» в решениях Европейского Суда по правам человека и арбитражных судов РФ // Вестник Высшего арбитражного суда РФ. 2006. № 1. С. 142–156.

Николюк В.В. Судебный контроль как гарантия обеспечения прав и законных интересов граждан в досудебном уголовном производстве // Правовые и гуманитарные проблемы защиты прав участников уголовного процесса: Матер. междунар. науч.-практ. конф. М.: МАЭП, 2008. С. 139–146.

Обухова Е.С. Имплементация норм Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и судебной практики Ев-

ропейского Суда по правам человека в российское законодательство // Право: теория и практика. 2003. № 13. С. 15–26.

Пальчикова М.В. Обоснованность судебных решений как необходимая составляющая европейского стандарта на справедливый суд // Уголовный процесс. 2009. № 3. С. 30–36.

Рабцевич О.И. Международно-правовое закрепление права на справедливое судебное разбирательство // Международное публичное и частное право. 2003. № 1. С. 15–18.

Рабцевич О.И. Право на справедливое судебное разбирательство: международное и внутригосударственное правовое регулирование. М.: Лекс-Книга, 2005. 318 с.

Стандарты Европейского Суда по правам человека и российская правоприменительная практика: Сборник аналитических статей. М., 2005. 528 с.

Султанов А.Р. Практика Европейского Суда по правам человека, повод учиться на чужих ошибках // Международное публичное и частное право. 2007. № 6. С. 17–19.

Терехова Л.А. Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты. М.: Волтерс Клувер, 2007. 320 с.

Тиунов О.И. О роли Конвенции о защите прав человека и основных свобод и решений Европейского Суда по правам человека в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2001. № 3. С. 92–97.

Туманов В. Автономное толкование понятий в практике Европейского Суда по правам человека // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2003. № 3. С. 78–79.

Филатова М.А. Разумный срок рассмотрения дела и роль суда в его обеспечении // Закон. 2010. № 2. С. 155–174.

Фоков А.П. Правосудие и правопонимание правотворческой деятельности судов в России и за рубежом // Рос. юстиция. 2009. № 6. С. 2–5.

Чайковский Л.Л. Элементы принципа справедливого судебного разбирательства в соответствии со ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. // Право и политика. 2010. № 1. С. 64–71.

Чумаков А.В. Европейские стандарты в области прав человека в российском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 25 с.

Шварц О.А. Организационные и процессуальные гарантии права человека и гражданина на судебную защиту: сравнительно-правовой анализ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 23 с.

Энтин М. Справедливое судебное разбирательство по праву Совета Европы и Европейского Союза // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2003. № 3. С. 85–97.

Энтин М.Л. Международные гарантии прав человека: опыт Совета Европы. М.: МНИМП, 1997. 296 с.

Ягофаров С.М. Международные стандарты по правам человека в сфере российского уголовного судопроизводства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. 21 с.

Справочники, учебные пособия

Алексеева Л.Б. Международные нормы о правах человека и применение их судами Российской Федерации: Практ. пособие. М.: Права человека, 1996. 426 с.

Брэдли М., Кей Р., Брэдли Э. Европейское право в области прав человека: Практика и комментарии. М., 1997. 575 с.

Бурков А.Л. Применение Европейской конвенции по правам человека в судах России, или Конвенция для внутреннего применения: Лекция. URL: http://sutyajnik.ru/rus/actions/marthur04/dom_impl/ (дата обращения: 01.12.2010).

Буценко А.П. Практика Европейского Суда по правам человека. М.: Спарк, 2001. 215 с.

Гомьен Д., Харрис Д., Зваак А. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и политика. М.: МНИМП, 1998. 600 с.

Даниленко Г.М. Международная защита прав человека. Вводный курс: Учеб. пособие. М.: Юристъ, 2000. 256 с.

Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 1072 с.

Европейский Суд по правам человека: Избранные решения: В 2 т. / Под ред. В.А. Туманова. М.: Норма, 2000.

Карташкин В.А. Как подать жалобу в Европейский Суд по правам человека. М.: Норма-Инфра-М, 1998. 96 с.

Международная защита прав человека с использованием некоторых международно-правовых механизмов. М.: Международная защита, 2004. 287 с.

Моул Н., Харби К., Алексеева Л.Б. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 6. Право на справедливое судебное разбирательство. Прецеденты и комментарии. М.: Российская академия правосудия, 2001.

Обращение в Европейский Суд по правам человека: Учеб. пособие. М.: МОО ПЦ «Мемориал», 2006. 528 с.

Права человека: постоянная задача Совета Европы / Пер. с англ. М.: Права человека, 1996. 128 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Содержание права на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского Суда по правам человека и их отражение в актах Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации	7
1.1. Обязательства Российской Федерации по обеспечению права на справедливое судебное разбирательство	7
1.2. Содержание права на справедливое судебное разбирательство в трактовке Европейского Суда по правам человека.....	10
1.3. Отражение правовых позиций Европейского Суда по правам человека по вопросам права на справедливое судебное разбирательство в актах Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации	18
Глава 2. Круг субъектов права на справедливое судебное разбирательство – участников уголовного судопроизводства.....	27
2.1. Субъекты, прямо предусмотренные ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.....	27

2.2. Потерпевший в круге субъектов права на справедливое судебное разбирательство.....	49
2.3. Участники, по отношению к которым ст. 6 Конвенции или ее отдельные положения применяются по аналогии.....	59
Глава 3. Право на доступ к правосудию как один из элементов права на справедливое судебное разбирательство.....	63
3.1. Содержание права на доступ к правосудию и его соотношение с правом на справедливое судебное разбирательство	63
3.2. Пределы, условия и гарантии реализации права на доступ к правосудию	68
Глава 4. Институциональные элементы права на справедливое судебное разбирательство	76
4.1. Понятие суда. Суд, созданный на основании закона. Судебные полномочия. Независимость суда	76
4.2. Беспристрастность судей	89
Глава 5. Процессуальные условия справедливости судебного разбирательства.....	104
5.1. Публичность (гласность) правосудия	104
5.2. Состязательность и равенство процессуальных возможностей сторон	118
5.3. Разумный срок судебного разбирательства.....	130
5.4. Мотивированность судебных решений	153
Глава 6. Специальные элементы права на справедливое судебное разбирательство, характерные только для обвиняемого.....	156
6.1. Презумпция невиновности. Право хранить молчание и не давать показаний против себя	157
6.2. Право пользоваться бесплатной помощью переводчика	168
6.3. Право обвиняемого быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения и право иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты	171

6.4. Право обвиняемого защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия ..	181
6.5. Право обвиняемого на личное участие в судебном разбирательстве	198
6.6. Право обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него.....	211
Глава 7. Правила доказывания и требования к допустимости доказательств по уголовному делу, соблюдение которых необходимо для обеспечения справедливого характера судебного разбирательства.....	227
Глава 8. Право на устойчивость судебного решения и на его исполнение как элементы права на справедливое судебное разбирательство	241
8.1. Право на исполнение судебного решения	241
8.2. Принцип правовой определенности и право на устойчивость судебного решения, вступившего в законную силу	244
Список литературы.....	258

Учебное издание

ТРУБНИКОВА Татьяна Владимировна

ПРАВО НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО:
ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Учебное пособие

Редактор *В.Г. Лихачева*
Оригинал-макет: *Д.М. Кижнер*

Подписано в печать 10.06.2011 г. Формат 60x 84¹/₁₆.

Печ. л. 18,5; усл. печ. л. 17,2; уч.-изд. л. 17,7.

Тираж 300. Заказ 301

ОАО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ООО «Издательство «Иван Фёдоров», 634026, г. Томск, ул. Розы Люксембург, 115/1